

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 20.03.2023 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки),
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки),
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фомин-Нилов Денис Валерьевич, канд. ист. наук, и.о. ректора Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызстан

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Власов Евгений Евгеньевич, канд. полит. наук, проректор по международным отношениям ДВФУ, директор ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Волынчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дудин Павел Николаевич, доктор ист. наук, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исаковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Инь Жуюй, канд. полит. наук, заместитель директора Исследовательского института по развитию и сотрудничеству Китая и России на Дальнем Востоке Ляонинского университета, г. Шэньян, Китай.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.

Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Первушина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Песцов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.

Притчин Станислав Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, г. Москва, Россия.

Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.

Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.

Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научно-центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.

Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). <https://doi.org/prefix>: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>. Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of March 20, 2023):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences),
5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences),
5.9.6. Languages of the peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages) (philological sciences),
5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Denis V. Fomin-Nilov, Candidate of Historical Sciences, Acting Rector of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Evgeny E. Vlasov, Candidate of Political Sciences, Vice-Rector for International Relations, Far Eastern Federal University, Director of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Pavel N. Dudin, Doctor of Historical Sciences, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries, East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Yin Ruyu, Candidate of Political Sciences, Deputy Director of the Research Institute for Development and Cooperation between China and Russia in the Far East, Liaoning University (Shenyang, China).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor).

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Romano-Germanic Philology, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Stanislav A. Pritchinn, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Central Asia Sector, Center for Post-Soviet Studies, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Evgeny V. Pustovoi, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergei S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (61) • 2024

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием "Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1>

СОДЕРЖАНИЕ

ПАСИФИКА: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

От редакции 11

Хисамутдинов А.А. Друзья и коллеги В.К. Арсеньева в Китае 13

Гао Мингью. Рекламное продвижение русского искусства в Китае 21

Колясников О.В., Колясникова К.Н. Болобан Андрей Павлович: военный, исследователь, дипломат 29

Хисамутдинова Н.В. Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин 40

Акуленко В.С. Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев "корёин майль" в Южной Корее 51

Незамутдинов В.Н. Лингвострановедческие подходы к изучению темы "В последний путь по-японски" 64

ТЕОРИЯ И МЕТОД

Барбенко Я.А., Демьяненко А.Н. Концепты "колонизация" и "освоение": диалог 72

ФИЛОЛОГИЯ

Кузьменко Н.Н., Ломакин А.П. Синтаксис как объяснение интуитивизма в японском менталитете 82

ПОЛИТИКА

Ламашева Ю.А. Роль внутренней интернационализации в развитии "мягкой силы" региона 90

Козюлин В.Б. Проблематика регулирования использования коммерческих спутников в военной сфере 100

Губин А.В. Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии 108

Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях 116

Ухалов Д.С. Текущее состояние сферы высшего образования в Мьянме 124

РЕЦЕНЗИИ

Кейдун И.Б. Рецензия на монографию "Образ
Петра Великого в странах Восточной Азии" 134

Подписку на журнал можно осуществить через электронный каталог агентства "Урал-Пресс"
(<https://www.ural-press.ru/catalog/>).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2024

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 1 (61) • 2024

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1>

CONTENTS

PACIFIC REGION AS A CROSS-ROAD OF LANGUAGES AND CULTURES

From the editors	11
Khisamutdinov A.A. Friends and colleagues of Vladimir K. Arsenyev in China	13
Gao Mingyue. Advertising promotion of Russian art in China	21
Koliasnikov O.V., Koliasnikova K.N. Andrei Pavlovich Boloban: officer, explorer, diplomat	29
Khisamutdinova N.V. Russian Diaspora in Japan and A.S. Pushkin	40
Akulenko V.S. The Phenomenon of Ethnocultural Enclaves of Russophone Koreans "Koryöin Maül" in South Korea	51
Nezamutdinov V.N. Linguistic and regional study approach to the topic "The last seeing-off in Japan"	64

THEORY AND METHOD

Barbenko Ya.A., Demyanenko A.N. The concepts of "colonization" and "development": a dialogue	72
--	----

PHILOLOLOGY

Kuzmenko N.N., Lomakin A.P. Syntax as an explanation of intuitivism in the Japanese mindset	82
---	----

POLITICS

Lamasheva Yu.A. The Role of Internationalization at Home in Developing Regional "Soft Power"	90
Kozyulin V.B. The issues of regulating the use of commercial satellites in the military sphere	100
Gubin A.V. Contemporary status of regional security complex of North East Asia	108
Nafikov I.Z. Turkish foreign policy in Central Asian states of post-soviet period: regional integration in new political realities	116
Ukhalov D.S. The current state of higher education in Myanmar	124

REVIEWS

Keidun I.B. Review of the monograph "The Image of Peter the Great in the countries of East Asia" 134

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.
The journal's subscription index is 42398.
Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/
E-mail: izvestyavi@yandex.ru
Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.
Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.
Tel.: +7 423 265-24-24 (2942).

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.
The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.
© Authors, Far Eastern Federal University, 2024

От редакции
From the editors

Тематическая рубрика этого номера журнала посвящена вопросам поликультурности и многоязычия стран Азиатско-Тихоокеанского региона, где сходятся европейские (прежде всего, российские) и восточные культурные ценности. В условиях глобализационных процессов здесь происходит, с одной стороны, активизация "диалога культур", нивелирование национальных культурных отличий и широкое заимствование чужих особенностей, включая изучение иностранных языков и приобщение к достижениям мировой культуры. С другой же стороны, высокая интенсивность кросс-культурных контактов нередко становится фактором укрепления национального самосознания и сохранения этнической идентичности.

Процессы межкультурного взаимодействия исследуются авторами рубрики с различных дисциплинарных позиций. Наряду с историческим подходом к изучению культурных общностей и их представителей, ими применяются методы этносоциологии и лингвострановедения.

Тематическую рубрику открывает статья А.А. Хисамутдинова "Друзья и коллеги В.К. Арсеньева в Китае". Статья посвящена 150-летию со дня рождения известного путешественника, ученого и востоковеда Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) и его научным и личным связям с Китаем, где жили коллеги, однополчане, друзья и студенты. Прибыв на военную службу во Владивосток в 1900 г., он сразу же заинтересовался Китаем, занялся собиранием литературы по китаеведению, стал учить китайский язык. Увлечение Китаем привело к изданию монографии "Китайцы в Уссурийском крае" (1914 г.). В 1916 г., побывав в Харбине и других городах Китая, Арсеньев провел полевые исследования и прочитал серию лекций в Обществе русских ориенталистов.

История развития рекламы в сфере русского искусства в Китае в первой половине XX в. рассматривается в следующей статье рубрики, подготовленной Гао Мингью. Автор исследует развлечение русских эмигрантов, а также участие художественной интеллигенции в рекламном продвижении и распространении русского искусства и культуры. При подготовке статьи использованы эмигрантские издания разных лет, включая периодические издания, что позволило проанализировать и сравнить состояние рекламы в различные периоды истории. Работа базируется на китайских и англоязычных источниках и литературе, а также полевых материалах автора 2021–2022 гг.

В исследовании О.В. Колясникова и К.Н. Колясниковой представлена биография востоковеда Андрея Павловича Болобана (1878 – до 1924), оставившего обширные труды об экономике Манчжурии и Монголии начала XX века. Описаны основные этапы его жизненного пути: служба в Российской армии, Восточный институт, Русско-японская война, работа на КВЖД, дипломатическая миссия в Монголии. Вершиной его дипломатической карьеры стало непосредственное участие в выработке положений Кяхтинского договора. Жизнеописание А.П. Болобана, данное авторами, является наиболее полным в современной литературе.

Статья Н.В. Хисамутдиновой "Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин" рассказывает об отношении к имени А.С. Пушкина эмигрантов из России, проживающих в Японии. В иной культурной среде поэт стал для них символом утраченной родины. Эмигрантские идеологи, в свою очередь, стремясь сплотить русскую диаспору, сделали имя Пушкина знаменем, под которым смогли обрести единство разные группы выходцев из России. В статье использованы материалы русскоязычной прессы в Японии и Китае из коллекций библиотеки Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музея русской культуры в Сан-Франциско.

В статье В.С. Акуленко представлены результаты исследования этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев ("корёин маыль") в Южной Корее, прове-

дённного в период с октября 2022 г. по декабрь 2023 г. В результате проделанной работы автор изучил историю появления термина и самого феномена корёин маыль в Южной Корее, а также предложил своё определение корёин маыль. В исследовании выявлен ряд общих характеристик этих этнокультурных анклавов и предпринята попытка выработать их базовую классификацию.

В завершающей рубрику статье В.Н. Незамутдинова проводится лингвострановедческий анализ похоронных обрядов японцев. Актуальность этой темы связана с современными тенденциями в преподавании иностранных языков, когда освоение языка, в данном случае японского, сопровождается приобретением страноведческих знаний. Это позволяет обогатить представление учащихся о традициях страны и менталитете ее народа, а также соотнести изучаемый лексический материал с реальной жизнью. В описании траурного обряда автор статьи использовал не только сведения из японских источников, но и собственные наблюдения.

Научная статья
УДК 908(571.6).
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/13-20>

Друзья и коллеги В.К. Арсеньева в Китае

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена 150-летию со дня рождения известного путешественника, ученого и востоковеда Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930) и его научным и личным связям с Китаем, где жили коллеги, однополчане, друзья и студенты (даны их биографии). Прибыв на военную службу во Владивосток в 1900 г., он сразу же заинтересовался Китаем, занялся собиранием литературы по китаеведению, стал учить китайский язык. Увлечение Китаем привело к изданию монографии "Китайцы в Уссурийском крае" (1914). В 1916 г., побывав в Харбине и других городах, Арсеньев провел полевые исследования и прочитал серию лекций в Обществе русских ориенталистов.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, русские в Китае, китаеведение, этнография, археология, история науки

Для цитирования: Хисамутдинов А.А. Друзья и коллеги В.К. Арсеньева в Китае // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 13–20. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/13-20>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/13-20>

Friends and colleagues of Vladimir K. Arsenyev in China

Amir A. KHISAMUTDINOV

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Abstract. The article is dedicated to the 150th anniversary of the birth of the famous scholar and orientalist Vladimir Klavdievich Arsenyev (1872–1930) and his scientific and personal ties with China, where his colleagues, fellow soldiers, friends and students lived (their biographies are included). Arriving for military service in Vladivostok in 1900, he immediately became interested in China, started collecting literature on sinology, began to learn Chinese. The enthusiasm for China led to the publication of the monograph "The Chinese in the Ussuri Territory" (1914). In 1916 V.K. Arsenyev went there and conducted field research and gave a series of lectures at the Society of Russian Orientalists (ORO), having visited Harbin and other cities, Arsenyev conducted field research and delivered a series of lectures at the Society of Russian Orientalists.

Keywords: V.K. Arsenyev, Russians in China, sinology, ethnography, archeology, history of science

For citation: Khisamutdinov A.A. Friends and colleagues of Vladimir K. Arsenyev in China // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 13–20. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/13-20>

Введение

Хотя В.К. Арсеньев считается исследователем российского Дальнего Востока, он тщательно изучал Китай и его жителей, даже учил китайский язык. Первоначальным поводом для интереса Арсеньева к востоковедению, краеведению и межкультурным коммуникациям стало близкое соседство Приамурского края и Китая. С этим были связаны и его первые впечатления от Дальнего Востока [1, с. 648].

Интерес Арсеньева к остаткам древних сооружений на территории Уссурийского края и наличие среди его населения большого числа выходцев из Китая заставило офицера-путешественника обратить более серьезное внимание на соседнюю страну. С одной стороны, она интересовала его в связи с изучением далекого прошлого края, с другой – по долгу службы ему приходилось заниматься проблемами взаимоотношений коренных обитателей края и пришлых китайцев. В библиотеке Арсеньева появляются работы о Китае Иакинфа (Н.Я. Бичурина), архимандрита Палладия, П.Я. Пясецкого, З. Матусовского [7], а сам он начинает собирать материал о китайцах в Приамурье и Уссурийском крае, знакомясь с местными исследователями-китаеведами и китайцами – как в Хабаровске и Владивостоке, так и во время многочисленных командировок и походов.

Результаты этих исследований составили несколько работ Арсеньева: "Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края" (Хабаровск, 1913), "Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический" (Хабаровск, 1914), "Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии" (Харбин, 1916) и др. Вошли они дополнительным материалом и в более крупные произведения путешественника. В сборе материалов и подготовке рукописей Арсеньеву помогали местные подвижники науки (Владивосток) и деятели Приамурского отделения Русского географического общества (Хабаровск), а также коллеги и друзья в Китае.

На сегодня о связях Арсеньева с Китаем известно немного. Они частично отмечены в монографии А.И. Тарасовой [8]. Некоторые сведения о пребывании Арсеньева в Китае и его знакомствах в этой стране можно почерпнуть из воспоминаний и переписки современников.

Установить корреспондентов Арсеньева в Китае помогает его книжное собрание (около 900 изданий), хранящееся в фондах библиотеки ОИАК. Среди книг и статей есть немало полученных из Китая в дар от авторов. Большую помощь в выявлении биографий коллег и знакомых Арсеньева оказала его адресная книга, в которой из 236 адресатов более двадцати жили в Китае (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 12. 23 л.)¹.

Автор благодарит за помощь в выявлении материалов для статьи американских исследователей Ива Франкьена (Yves Franquien) и Патрицию Полански (Patricia Polansky), а также заведующую библиотекой ОИАК Татьяну Васильевну Дёмину.

Первые знакомства в Харбине

Хотя впервые Владимир Клавдиевич Арсеньев столкнулся с Китаем и китайцами по пути во Владивосток летом 1900 г., когда ему пришлось участвовать в боевых действиях, связанных с подавлением Боксерского восстания, по-настоящему он познакомился с соседней страной только летом 1916 г., когда в ходе служебной командировки в Маньчжурию "по военным обстоятельствам" посетил Харбин. Арсеньев воспользовался этой поездкой и в своих интересах: поближе познакомиться с малоизвестной ему страной, которая давно его интересовала.

Надеялся он и встретить в Китае своих знакомых, прежде всего востоковеда П.В. Шкуркина. Они познакомились еще в начале 1900-х гг. во Владивостоке: выпускник Восточного института Шкуркин был помощником городского полицмейстера и занимался китайской общиной в городе, а поручик Арсеньев служил во Владивостокской крепости и интересовался жизнью местных китайцев. В 1909 г. Павла Васильевича перевели в Хабаровск в распоряжении штаба Приамурского военного округа, где вновь столкнулся с Арсеньевым, и дружеские отношения продолжились благодаря интересу обоих к Китаю и китайцам.

Вышедший в отставку в 1913 г. Шкуркин уехал в Маньчжурию. Он устроился в Харбине переводчиком на КВЖД и успел проявить себя как ученый-синолог, популяризатор китайской истории и культуры. Арсеньев и Шкуркин переписывались, обмениваясь новостями. За год до поездки путешественник послал другу книгу о китайцах, живших в Уссурийском крае, сделав теплую надпись. В ответ Арсеньев получил из Харбина книгу по китайской кулинарии: он собирал материалы о кухне стран Востока.

Активный деятель Общества русских ориенталистов (ОРО), Шкуркин уговорил Владимира Клавдиевича прочитать там серию докладов. Выступления в ОРО и встречи с русскими этнографами и востоковедами значительно расширили круг "китайских" знакомых путешественника. Так, в арсеньевском блокноте появился адрес китаеведа Игоря Павловича Митрофанова: русский район Посольского квартала Пекина (Russian Compound Legation Quater). Там располагалось большинство иностранных дипломатических миссий, в том числе и российская, где Митрофа-

¹ АОИАК – Архив Общества изучения Амурского края

нов служил вторым секретарем после окончания в 1912 г. Императорского Александровского лицея. Дипломат произвел чрезвычайно приятное впечатление на Арсеньева. Особо путешественник отметил его живой интерес к жизни и быту населения Китая, что в лучшую сторону отличало его от многих других китаеведов.

Среди тех, с кем познакомился Арсеньев, был и главный врач Заамурского окружного госпиталя Иван Викторович Мозалевский, который увлеченно занимался религиями Китая, имея превосходную коллекцию. Мозалевский предложил Арсеньеву съездить в Чаньчунь. Здесь состоялась знакомство с российским консулом М.И. Лавровым, который также имел уникальное собрание по истории и культуре Китая. Михаил Иванович показал В.К. Арсеньеву местные достопримечательности.

Познакомился Арсеньев и с семьей председателя ОРО инженера Александра Константиновича Гинце. Благодаря его содействию администрация Китайско-Восточной железной дороги предоставила Арсеньеву вагон второго класса на все время его археологических исследований на станции Чен. Добровольным помощником исследователя в этой работе стал младший сын Гинце Михаил [6, с. 204 – 206].

Осенью 1918 г. М. Гинце поступил на китайское отделение Восточного института и в период учебы во Владивостоке встречался с Арсеньевым. И он, и его старший брат Виктор после окончания Второй мировой войны эмигрировали в Австралию, где Михаил написал воспоминания, включив в них и сцены встреч с путешественником.

Свои археологические наблюдения Арсеньев смог обсудить с помощником начальника коммерческой части КВЖД Павлом Николаевичем Меньшиковым (1869–1934, Харбин). Исследуя Маньчжурию в экономическом отношении, он во всех поездках обращал внимание и на археологические памятники. После встречи в Харбине оба исследователя переписывались и обменивались книгами. В 1917 г. Арсеньев получил от Меньшикова "Краткий исторический очерк Маньчжурии", в котором автор опирался на археологические наблюдения, как личные, так и других русских востоковедов (БОИАК. № 17192)².

Позднее доклады Арсеньева, прочитанные в ОРО, были опубликованы в журнале Общества "Вестник Азии". Шкуркин внимательно прочёл рукопись "По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)", сделав пояснения по китайским топонимам и культурным реалиям.

Встречи на съезде по изучению Уссурийского края

В 1921 г. в Никольске-Уссурийском местные энтузиасты и беженцы-ученые занялись подготовкой по организации Съезда по изучению юга российского Дальнего Востока. В августе 1922 г., когда на Дальнем Востоке еще бушевала Гражданская война, в Никольске-Уссурийском собрались около ста исследователей и краеведов, которые прочитали интересные доклады. Приехали на съезд и исследователи из Китая. Среди них был ботаник из Харбина Борис Васильевич Скворцов (1896–1980, Сан-Пауло, Бразилия), талантливый и разносторонний ученый, окончивший в 1917 г. Петроградский университет. Он сразу же вернулся в Харбин, где провел детство. Скворцов любил преподавание и устроился в Харбинское коммерческое училище, одновременно работал во Второй Харбинской железнодорожной школе. Одним из методов увлекать учеников учебой Скворцов стал привлекать их к сбору коллекций местной флоры. Увлечение местной природой привело Бориса Васильевича в Маньчжурское сельскохозяйственное общество, где он стал соредктором журнала "Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии".

Владимир Клавдиевич также интересовался сбором коллекций по флоре, особенно видами, которые произрастали в Приморье и Маньчжурии. Скворцов сразу же предложил прислать Арсеньеву свои публикации "Фауна и флора Маньчжурии и русского Дальнего Востока" (БОИАК. № 17408) и о кормовых растениях этого

² БОИАК – Библиотека Общества изучения Амурского края

региона (БОИАК. № 17241) с теплыми автографами. В 1927 г. он стал ученым секретарем Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) и организовал обмен литературой с Арсеньевым теперь уже для библиотеки ОИМК.

На съезде в Никольске-Уссурийском выступал и другой харбинский ботаник, Александр Дмитриевич Воейков (1879–1944, Харбин). Во время Гражданской войны он с белыми частями оказался в Омске, где стал старшим специалистом по плодоводству в Министерстве земледелия правительства Колчака. В 1919 г. его отправили на стажировку в США, но обстановка изменилась, и путь Воейкова окончился во Владивостоке. Там-то он и познакомился с В.К. Арсеньевым. Вскоре Воейков уехал в Харбин, где стал заведовать Опытным полем КВЖД на станции Эхо, в 360 км от Харбина. Он поддерживал контакты с коллегами из Советской России, переписываясь с И.В. Мичуриным, академиками В.Л. Комаровым и Н.И. Вавиловым. В 1922–1925 гг. ученый опубликовал несколько работ, одну из них – "Льняные посе- вы в Северной Маньчжурии и их вероятные районы" отправил Арсеньеву (БОИАК. № 17409). Переписка Арсеньева и Воейкова, которая помогла бы раскрыть детали их отношений, не сохранилась.

Через Скворцова переписку с Арсеньевым завязал натуралист и литератор из Харбина Николай Аполлонович Байков (1872–1958, Брисбен, Австралия): ботаник посоветовал ему обратиться к путешественнику с вопросами о природе Дальнего Востока. Приехав в Харбин в 1901 г. офицером Заамурского округа (Арсеньев прибыл во Владивосток в том же звании годом раньше), Байков собирал научные коллекции, писал рассказы и научные работы, был среди инициаторов создания в Харбине музея и ОИМК. 9 января 1924 г. Байков написал Арсеньеву первое письмо (АОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 2), после чего в течение четырех лет они переписывались. Последнее письмо датировано июнем 1928 г. [2, с. 235 – 250] Письма Арсеньева к Байкову не сохранились, но в семье потомков Байкова в Австралии имеются арсеньевские книги с автографами. Корреспонденция же Байкова находится в личном фонде В.К. Арсеньева в архиве ОИАК во Владивостоке.

Вместе с Арсеньевым в организации съезда в Никольск-Уссурийском участвовал талантливый краевед Т.П. Гордеев. Приехав на Дальний Восток в 1909 г. с дипломом ученого агронома 1-й степени, он преподавал естествознание и сельское хозяйство в женской учительской гимназии Никольск-Уссурийска и стал известен как создатель "Защитного участка"-питомника растительности Южно-Уссурийского края. Этим опытом он в 1916 г. делился с харбинцами из Маньчжурского педагогического общества, а в 1918 г. помогал заложить в Харбине школьный сад. В Приморье Гордеев занялся изучением местного сельскохозяйственного опыта и сбором ботанических коллекций. Как и Арсеньев, он устраивал экскурсии для любителей природы. На съезде он сделал восемь докладов: об охране природы, работе со школьниками, организации садов и музеев. Это была его последняя встреча с единомышленниками в Южно-Уссурийском крае: осенью 1922 г. Гордеев уехал в Китай. Он устроился сотрудником учебного отдела КВЖД, деятельно участвуя в местных научных обществах, особенно связанных с воспитанием подрастающего поколения, продолжив и свои исследования. Он изучал полосу отчуждения КВЖД, участвовал в создании харбинского Ботанического сада, организовал в музее ОИМК отдел почвоведения и заведовал гербарием музея, ставшим музеем Хэй-лунцзянской провинции. Он оставил службу 86-летним и в 1962 г. покинул Китай.

В Китай – от советской власти

Последний год Гражданской войны внес большие изменения в жизнь исследователей Дальнего Востока. Многие из них предпочли перебраться в Харбин, где в 1922 г. работало немало русских учреждений, включая учебные заведения. Так, вместе с Гордеевым в Харбин уехал его ученик и сподвижник Иннокентий Валерианович Козлов (1898–1984, Сан-Франциско, США), которого Арсеньев звал по-отечески Кешей. Он окончил в 1918 г. реальное училище в Никольск-Уссурийском, где и подружился с Гордеевым. Вместе с ним он неоднократно приезжал во Владивостокский музей, где впервые выступил с докладом.

В Харбине натуралист по увлечениям Козлов устроился сотрудником опытного поля на станции Эхо, вступил в ОИМК, был членом-учредителем Клуба любителей естествознания и географии. После японской оккупации Харбина Козлов уехал сначала в Тяньцзинь, а потом в Шанхай, где работал в музеях и русских научных обществах [МРК. Коллекция документов и рукописей И.В. Козлова]. Из Китая он продолжал писать письма Арсеньеву и в 1927 г. послал в дар работу, написанную вместе с Н.А. Байковым – "Экспедиция в долину реки Муданьцзян" (БОИАК. № 17185).

Т.П. Гордеев и И.В. Козлов были тесно связаны по музейным делам с археологом Владимиром Яковлевичем Толмачевым (1889–1942, Шанхай). Он приехал в Маньчжурию в начале 1922 г. из Читы, где занимался педагогической и музейной деятельностью. Он мог встретиться с Арсеньевым, приезжая в Хабаровск, но больше известно об их заочных отношениях после переезда Толмачева в Харбин.

В ноябре 1923 г. он впервые обратился к Арсеньеву с вопросами по поводу археологических работ (кто ими занимался в местечке Байчэне и на станции Ашихэ (АОИАК. Ф. 14. Оп. 3. Д. 59. Л. 1)).

Владимир Клавдиевич ответил на письмо Толмачева и прислал ему публикации, связанные с региональной археологией. В.Я. Толмачев послал В.К. Арсеньеву работу, написанную совместно с талантливым краеведом Е.И. Титовым – "Остатки неолитической культуры близ Хайлара" (Харбин, 1928) (БОИАК. № 17394).

Многолетняя дружба связывала Арсеньева с талантливым геологом Эдуардом Эдуардовичем Анертом (1866–1946, Харбин). Они познакомились в Обществе изучения Амурского края еще в первые годы службы Арсеньева во Владивостоке, а в 1911 г. Анерт подарил ему свой Отчет о геологических исследованиях в районе Хабаровск–Бурея (БОИАК. №17693). Наличие в ней многочисленных помет рукой Арсеньева говорит о большом интересе путешественника к геологии.

В Китае Анерт успешно продолжил научную и преподавательскую деятельность, поддерживая связь с Арсеньевым. В библиотеке путешественника появились и другие книги геолога, как подаренные автором, так и полученные другим путем. Так, монография "Богатства недр Дальнего Востока" (Хабаровск, 1928) (БО-ИАК. №17125) с автографом "With the compliments of E. Anert" попала к Арсеньеву, вероятно, через Геологический комитет Дальнего Востока, основанный Анертом во Владивостоке в 1920 г. В 1924 г. он передал руководство им Петру Игнатьевичу Полевому и уехал в Харбин. В дальнейшем в Дальгеолкоме работала жена Арсеньева Маргарита Николаевна, а помещение этой организации стало последним жильем семьи Арсеньева³.

Работа в Государственном Дальневосточном университете (ГДУ) в 1921–1923 гг. связывала Арсеньева с доцентом ГДУ Николаем Арсеньевичем Стрелковым, выпускником философского отделения Московского университета. Хотя тот и был далек от научных интересов путешественника, супруги Арсеньевы бывали в этой семье в гостях, а после отъезда ее в Китай переписывались. После установления во Владивостоке советской власти Стрелковы уехали в Пекин, затем переехали в Харбин, где Стрелков в свое время начинал педагогическую карьеру преподавателем русского языка, литературы и логики в Харбинских коммерческих училищах. Был он и одним из учредителей Высших экономико-юридических курсов (в дальнейшем Юридический факультет), секретарем совета профессоров (1920–21), вел занятия по общей теории права. В 1924 г. он стал вести на Юридическом факультете курс социологии (до 1929), также преподавал в Харбинском педагогическом институте, занимался переводами философских книг с немецкого языка. Некоторое время Стрелков был директором Русской гимназии в Циндао. Весной 1937 г. он с семьей эмигрировал в Чили, где его следы затерялись.

Арсеньев переписывался и с уехавшими в 1922 г. в Китай супругами Исакович – Владимиром Яковлевичем и Надеждой Каприяновной. Во Владивостоке они встречались и в ГДУ, где выпускник юридического факультета Московского уни-

³ Ныне в нем располагается Мемориальный дом-музей В.К. Арсеньева (Владивосток, ул. Арсеньева, № 76).

верситета Исакович читал курс по банкам и биржам, и в Обществе изучения Амурского края. Исакович отличался незаурядными аналитическими способностями и сделал отличную карьеру банкира, руководя в 1912–22 гг. дальневосточными отделениями Русско-Азиатского банка. Он продолжил ее в Шанхае, стал главным инспектором дальневосточных отделений Русско-Азиатского банка. Имея сведения о власти предрержащих в Харбине, он не только отлично знал экономическую и политическую ситуацию в Китае, но мог и предугадать многие международные события. Увы, о собственной судьбе он не догадывался. В 1945 г., когда в Харбин пришла Советская армия, Исакович был арестован и депортирован в СССР наряду с многими другими русскими, проживающими в Китае [9, с. 309 – 312]. На этом сведения о нем обрываются.

В январе 1921 г. через станцию Пограничную в Харбин перебрался Владимир Николаевич Флёров, назвав в анкете причиной отъезда "нажим большевиков на Владивосток". Во Владивостоке он работал инженером во Временных мастерских по сборке вагонов и занимался преподаванием, благодаря чему и познакомился с Арсеньевым. В Харбине инженер вел занятия по элеваторам, углеподъемникам и канатным дорогам в Харбинском политехническом институте, а затем в Институте Святого Владимира. Связей с Арсеньевым Флёров не терял.

Эмигрировала в Китай и семья краеведа Федора Афанасьевича Работенко, знакомого с Арсеньевым по Обществу изучения Амурского края: некоторое время Работенко был секретарем распорядительного комитета ОИАК. О неформальных отношениях Арсеньева с его семьей свидетельствует указание в адресной книжке имени жены краеведа Анны Ивановны. Чета уехала из Владивостока в середине 1920-х гг., когда граница еще была приоткрыта, и с 1925 г. жила в Шанхае, куда к тому времени уже перебралось много владивостокцев. Вероятно, точного местожительства Работенко Владимир Клавдиевич не знал: адрес в записной книжке не указан.

Студенты и ученики Арсеньева в Китае

Среди учеников путешественника, оказавшихся после окончания Гражданской войны в Китае, был Пётр Владимирович Бяшков. Он познакомился с Владимиром Клавдиевичем, приехав в 1918 г. из Китая в командировку в Учебно-инструкторскую школу (Нокса) на Русском острове. Во Владивостоке ему довелось участвовать в боевых действиях по подавлению восстания Гайды. Он стал посещать музей ОИАК и, интересуясь природой, слушал лекции путешественника в Народном университете. После падения власти генерала Розанова Бяшков вернулся в Харбин и в 1921 г. поселился на станции Барим (по-кит. Па-Лиэм), дачном селении в 468 км от Харбина. Хотя знакомство с Арсеньевым было коротким, они переписывались. В дальнейшем Бяшков эмигрировал в Австралию, где скончался в 1964 г.

В 1922 г. в Харбин уехал Иван Васильевич Свитланов, изменив фамилию на Свит (John V. Sweet). Во Владивосток он попал в 1918 г. после участия в Первой мировой и Гражданской войнах, работал журналистом и пытался продолжить обучение в университете, где и познакомился с Арсеньевым. В 1941 г. он поселился в Шанхае, где продолжил заниматься общественной деятельностью среди украинцев и открыл магазин по продаже почтовых марок: филателия была его давним увлечением. В 1949 г. он переехал на Тайвань, затем эмигрировал в США: жил в Нью-Йорке, а скончался в Сиэтле (1989).

"От коммунистического террора" в Китай бежал Яков Георгиевич Субботин, назвавший себя в анкете "врагом коммунистов". Он попал во Владивосток в 1919 г. вместе с беженцами Гражданской войны и стал посещать занятия в Народном университете. Особенно Субботин увлекся арсеньевскими курсами "Антропология" и "Местный край", в ходе которых путешественник часто уходил со студентами в пригород Владивостока, где увлеченно рассказывал о природе и коренном населении края. Субботин оказался прилежным учеником, и Арсеньев сохранил отношения с ним после окончания юношей университета. В 1925 г. Субботина арестовали и выслали за пределы Владивостока, после чего он и предпочел уехать в Китай, предполагая, что одной высылкой дело не закончится.

Сподвижники и знакомые по экспедициям

В ходе Гражданской войны были вынуждены уехать за границу немало однополчан Арсеньева и участников его экспедиций. Так, в 1919 г. в Китай уехал Андрей Александрович Шильников, отлично владевший разговорным китайским языком (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 54243. Л. 1)⁴. Служа в Хабаровске, он время от времени совершал поездки по краю и делился информацией с Владимиром Клавдиевичем. "Сведения о китайских обществах взаимопомощи и торговли, историю захвата китайцами земель у монголов и статистику китайского населения в Южной части Ольгинского уезда в Уссурийском крае дал мне г. Шильников", – отмечал Арсеньев [3, с. 1]. За участие в арсеньевской экспедиции 1911 г. Шильникова наградили орденом Святой Анны 3-й степени. Он сохранял связь с Арсеньевым и живя в Китае, но переписка не сохранилась. По некоторым источникам, в 1948 г. Шильникова арестовали и депортировали в СССР.

Вероятно, такая же судьба была у старообрядца Автонома Семеновича Куликова. Арсеньев познакомился с ним во время экспедиции и занес адрес – с. Перетычино (совр. Перетычиха, Тернейский район) – в свою адресную книгу. В 1933 г. Куликов с семьей бежал в Китай и поселился в деревне Усть-Шурфовый в Трёхречье. Переписка его с путешественником не сохранилась.

Время братоубийственной войны было непростым для всех. Одни примыкали к белым, другие к красным, менялись профессии, занятия и политические взгляды. По многим причинам (эмиграция и репрессии) биографии некоторых лиц, близких к путешественнику, стали известны лишь недавно. Примером этому является военный китаевед Фёдор Евгеньевич Ильяшенко. Во время службы в штабе Приамурского военного округа он познакомился с Арсеньевым. Перебравшись затем во Владивосток, он служил переводчиком в штабе Американских экспедиционных войск (1918–1920), с которым сотрудничал и Арсеньев. Возможно, тогда Ильяшенко выполнял задание Красной разведки. В Записной книге Арсеньева для связи с Ильяшенко указано харбинское отделение Дальбанка, но конкретный адрес отсутствует. В июле 1937 г. органы НКВД арестовали майора Ильяшенко по подозрению в шпионаже в пользу Японии, и в 1938 г. военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу.

Другом Арсеньева был офицер-востоковед и педагог Николай Алексеевич Спешнев. После окончания в 1910 г. китайско-японского отделения Восточного института во Владивостоке он служил пограничным комиссаром на Амуре, участвовал в Первой мировой и Гражданской (армии адмирала Колчака и генерала Каппеля) войнах, закончив службу полковником. Вернувшись во Владивосток, Спешнев некоторое время заведовал типографией "Эхо" и способствовал публикации книги Арсеньева [4, с. 48].

Спешневы уехали в Китай с последними Белыми частями, но после Второй мировой войны репатриировались, наивно думая, что все старые дела забыты. По возвращении 80-летнего Спешнева задержали, и он умер в лагере. Его внук Николай Алексеевич Спешнев (1931–2011), уроженец Пекина, стал известным китаеведом, профессором Санкт-Петербургского университета.

Заключение

Список знакомых В.К. Арсеньева можно продолжать и продолжать. К сожалению, сохранились не все сведения о его друзьях и коллегах, живших в Китае. Некоторые скончались там, кто-то отправился в другие страны или репатриировался, затем они были репрессированы. Также остается сожалеть, что почти никто не оставил мемуаров и других материалов об Арсеньеве. Увы, по известным причинам Владимир Клавдиевич и его близкие были вынуждены уничтожить документы (переписку), имеющие отношение к русским эмигрантам в Китае.

⁴ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края

Литература

1. Автобиографические записки и воспоминания // Арсеньев В.К. Полное собрание сочинение. Владивосток: Рубеж, 2020. Т. 4, кн. 2. С. 643–681.
2. Арсеньев В.К. и Байков Н.А. Переписка двух путешественников // Россияне в Азии. Торонто, 1998. № 5 (осень). С. 235–251.
3. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнограф. // Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1914. Т. 10, вып. 1. [6], II, 203, 4 с.
4. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 г. Владивосток: Рубеж, 2007. Т. 1. С. 1–401.
5. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Владивосток: Кн. дело, 1928. 109 с.
6. Гинце М.А. Русская семья дома и в Маньчжурии: Воспоминания. Сидней: Изд. авт., Инсёрч Лимитед, 1986. 332 с.
7. "Книги, без которых не могу работать": Личная библиотека В.К. Арсеньева // Сост. М.М. Щербаклова и др.; Предисловие, комментарий и научная редакция А.А. Хисамутдинова; Предисловие на англ. П. Полански. Владивосток: Изд. ОИАК, 2004. 276 с.
8. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с., ил.
9. Хисамутдинова Н.В. Из Владивостока – в эмиграцию: Судьбы дальневосточных профессоров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 309–312.

References

1. Autobiographical notes and memoirs // Arsenyev V.K. Full composition of writings. Vladivostok: Rubezh, 2020. Vol. 4, B. 2. P. 643–681. (In Russ.)
2. Arsenyev V.K. and Baykov N.A. Correspondence between two travelers // Russians in Asia. Toronto, 1998. No. 5 (autumn). P. 235–250. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. Chinese in the Ussuri region: Essay on a historical ethnographer // Notes of the Amur Department of the IRGO. Khabarovsk, 1914. Vol. 10, issue 1. 203 p. (In Russ.).
4. Arsenyev V.K. In the Ussuri region. Travel to the Sikhote-Alin mountain region in 1906. Vladivostok: Rubezh, 2007. Vol. 1. P. 1–401. (In Russ.).
5. Arsenyev V.K., Titov E.I. Life and character of the peoples of the Far Eastern region. Vladivostok: Book. business, 1928. 83 p. (In Russ.).
6. Gintse M.A. Russian family at home and in Manchuria: Memoirs. Sydney: Ed. aut., Research Limited, 1986. 586 p. (In Russ.).
7. "Books I can't work without": Personal library of V.K. Arsenyeva // Compiled by M.M. Shcherbakova and others; Preface, commentary and scientific editing by A.A. Khisamutdinova; Preface in English P. Polanski. Vladivostok: Publishing house. OIAC, 2004. 375 p.: ill. (In Russ.).
8. Tarasova A.I. Vladimir Klavdievich Arsenyev. Moscow: Nauka, 1985. 344 p.: ill. (In Russ.).
9. Khisamutdinova N.V. From Vladivostok to emigration: The fate of Far Eastern professors // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. No. 2-6 (62). P. 309–312. (In Russ.).

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ, д-р ист. наук, профессор департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: khisamut@yahoo.com

Amir A. KHISAMUTDINOV, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, khisamut@yahoo.com

Поступила в редакцию
(Received) 06.10.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 09.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Рекламное продвижение русского искусства в Китае

Мингью ГАО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, gao.mi@dvf.u

Аннотация. Статья посвящена истории развития рекламы в сфере русского искусства в Китае (первая половина XX в.). Исследуются развлечения русских эмигрантов, а также участие художественной интеллигенции в рекламном продвижении и распространении русского искусства и культуры. При подготовке статьи использованы эмигрантские издания разных лет, включая периодические издания, что позволило проанализировать и сравнить состояние рекламы в различные периоды истории. Изучение фактов в их историческом развитии, в их взаимосвязи, дает объяснение причинной зависимости между ними. Работа основана на китайских и зарубежных источниках и литературе, а также на полевых материалах автора (2021–2022 гг.).

Ключевые слова: русские в Китае, русская эмиграция, русская реклама, театр, искусство

Для цитирования: Гао Мингью. Рекламное продвижение русского искусства в Китае // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/21-28>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/21-28>

Advertising promotion of Russian art in China

Mingyue GAO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gao.mi@dvf.u

Abstract. The article is devoted to the history of the development of advertising in the field of Russian art in China (the first half of the twentieth century). The entertainment of Russian emigrants is explored, as well as the participation of the artistic intelligentsia in the advertising creation and dissemination of Russian art and culture. In preparing the article, comparative research methods were used: emigrant publications from different years, including periodicals, were used, which made it possible to analyze and compare the state of advertising in different periods of history. The study of facts in their historical development, in their interrelation, provides an explanation of the causal relationship between them. The work is based on Chinese and foreign sources and literature, as well as the author's field materials (2021–2022).

Keywords: Russians in China, Russian emigration, Russian advertising, theater, art

For citation: Gao Mingyue. Advertising promotion of Russian art in China // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 21–28. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/21-28>

Введение

Процесс вхождения современной России в коммерческое и культурное пространство Китая предполагает использование эффективных технологий при продвижении российских товаров и услуг за рубежом, что делает исторический опыт России в развитии художественной рекламы в Китае чрезвычайно важным. Эта проблема позволяет по-новому рассмотреть исторические связи между странами.

Целью данной статьи является изучение истории развития рекламы в сфере русского искусства в Китае в первой половине XX в. Исследовать развлечения русских эмигрантов в Китае и их участие в создании и распространении рекламы достижений русского искусства и культуры. Изучение роли предпринимательства в творческой и интеллектуальной сфере в создании высокохудожественной рекламной продукции. Исследование влияния менталитета и социального статуса российской диаспоры в Китае на объем и ассортимент печатных рекламных носителей, а также на стиль и содержание рекламных текстов и визуальных элементов.

О русском искусстве уже существует немало исследований. Особенно нужно отметить работы историка А.А. Хисамутдинова, посвященные изучению экономической, политической и исторической роли России в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в которых содержится обширный материал, связанный с русской экономикой, культурой, искусством и другими сторонами жизни в Китае [13; 14;

15]. В монографии Ван Чжицэна "Карта русской культуры в Шанхае" представлена авторская периодизация русской истории в Шанхае, изучены ее особенности и основные этапы [22]. Следует отметить, что книга содержит большое количество иллюстраций рекламных объявлений, которые являются источниками для изучения русскоязычной рекламы.

Рекламный дизайн XX века неотделим от развития искусства моды. Диссертация Ван Тэнфэй "Исследование искусства русских эмигрантов в Хэйлунцзяне с конца 19-го века до начала 20-го века" частично анализирует дизайн рекламы русских эмигрантов [27]. В диссертации Чэнь Лэй отмечалось, что художница В.Е. Кузнецова создавала рекламу для торгового дома И.Я. Чуриной и Ко [28]. Чжан Юэцян считает, что русские художники укрепили коммерческое искусство в г. Харбине, а промышленность и торговля также получили развитие благодаря поддержке русских художников [19]. Но их работы в основном ориентированы на искусство и не дают исторических комментариев.

В Китае российские эмигранты создавали не только коммерческую рекламу, но и обращали внимания на ее коммуникативные свойства.

Еще в 1920-х – 1940-х гг. в Харбине был поставлен ряд классических балетов, таких как "Ромео и Джульетта", "Щелкунчик", "Коппелия", "Лебединое озеро", "Золушка" и "Спящая красавица", которые были отображены в объявлениях и рекламе. В.М. Каплун-Владимировский поставил бесчисленное количество спектаклей на сцене Харбинского театра. Поскольку оперетты – веселые, непринужденные, юмористические и очень зрелищные, сочетающие в себе пение, танцы и представление, они очень подходят для нужд людей того времени. Поэтому популярными опереттами того времени были "Веселая вдова", "Граф Люксембургский", "Голубой". "Красочная мазурка", "Любовь цыганки", "Боккаччо", "Графиня Марица" и др. почти все исполнялись в Харбине. Иногда, хотя это одна и та же пьеса, ее ставят разные коллективы, актеры, и представляются разные версии, поэтому энтузиазм зрителей ничуть не убавился [20, с. 258].

В Харбине исполнялись и оперы, такие как "Кармен", "Севильский цирюльник", "Дьявол", "Борис Годунов", "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Эго", "Князь Эр", "Иван Сусанин", "Руслан и Людмила", "Императорская невеста" и др. Некоторые известные оперные произведения являются незаменимыми в различных музыкальных мероприятиях. В Харбине чрезвычайно активна театральная сцена. К 1942 г. В.И. Томский и его дальневосточная гастрольная труппа поставили 400 новых пьес, и подобные примеры трудно найти даже в истории русского театра. При этом информация о культурных событиях находила отражение в рекламе и объявлениях, а также в рецензиях.

В.И. Томский своевременно выводил на сцену классические пьесы, старинные русские пьесы, детские пьесы, а также новые пьесы России и других стран мира. Он завоевал в то время уважение китайского правительства, и ему разрешили бесплатно ездить на поезде и выступать во всех городах Китая. С увеличением количества творческих коллективов и спектаклей и повышением художественного восприятия публики театральные труппы стали ориентироваться на спектакли высокого уровня и постоянно улучшать качество спектаклей. Неслучайно Харбин называли "Маленьким Парижем" в 1920-х и 1930-х гг. [20, с. 185].

В 1932 г. музыкальная жизнь Харбина претерпела огромные изменения, связанные с Японской оккупацией. Многие артисты отправились на юг, в Тяньцзинь, Шанхай и другие места. Поскольку в Шанхайской общественной концессии и Французской концессии проживало большое количество европейских и американских эмигрантов, русские артисты не только исполнили в Шанхае шедевры русской оперы, но и добавили исполнение произведений некоторых европейских классиков. Эти события были отображены в рекламных объявлениях, напечатанных в периодической печати.

В самом деле: "В репертуарном составе спектаклей с 1920-х по 1940-е гг. в Шанхае было 17 опер, 15 зарубежных опер и более 56 оперетт... Среди них наиболее концентрированные спектакли были в Шанхае". [23, с. 22].

Во всех областях литературной и художественной жизни Шанхая русская культура достигла своего расцвета, и некоторые исследователи считают, что она занимала половину международной арт-сцены Шанхая [21, с. 604–608, 98, 40]. Об этом регулярно сообщалось в рекламных объявлениях.

Для артистов-эмигрантов гастроли были единственным способом представить свои работы соотечественникам. Они часто гастролировали по Китаю и другим странам Дальнего Востока, а также в США. В свою очередь, русские жители Китая часто сами устраивали гастроли известных артистов балета и оперы. Неоднократно выступал с гастролями в разных китайских городах поэт и певец А.Н. Вертинский, который находился в эмиграции с 1920 по 1943 гг. В Китае он провел почти восемь лет: с 19 ноября 1935 по 1943 гг. [4; 12].

Много было в Шанхае и оркестров, в которых играли русские музыканты. Почти все фешенебельные отели, клубы, кабаре ("Астор-Хауз", "Палас Отель", "Французский клуб" и др.) имели в своих оркестрах русских. Как и мир музыки, театральное искусство в шанхайско-русских эмигрантских кругах также было процветающим в 1930-е г., постановки драм, оперетт и балетов имели большой успех. Возможно, это происходило из-за талантливо составленных объявлений.

Русская школа балета в Шанхае была так же известна, как итальянская и французская школы. Большое количество выдающихся артистов балета-эмигрантов вдохнули в 1930-е гг. жизненную силу в развитие шанхайского балета. Большой популярностью пользовались рекламные фотографии популярных артистов.

Построенный в 1931 г. театр "Лайсеум" (兰心剧院) (Южная дорога Маомин, № 57) служил неофициальным центром русской культуры в Французской концессии. В настоящее время в театре имеется 446 посадочных мест, 250 из которых расположены на нижнем ярусе. Здесь проходят концерты, цирковые и танцевальные программы, театральные постановки разных жанров. Театр тесно сотрудничает со многими зарубежными театрами. На первой странице газеты "Шанхайская заря" ежедневно можно увидеть программы театра и стоимость билетов.

В 1934 г. в Шанхае возникло новое театральное содружество – Русское балетное объединение. "Это объединение, – писал "Рубеж", – намерено продолжить лучшие традиции русского балета, имя которого недаром окружено ореолом в глазах ценителей искусства, независимо от их направления и национальности" [3]. Первый спектакль этого объединения был устроен в "Лайсеуме". Программа состояла из трех больших постановок, чтобы зритель мог оценить и сравнить шопеновских "Сильфид", бурные "Половецкие пляски" из "Князя Игоря" и смелую новаторскую постановку "Маски города".

Как писала пресса, "Русский балет в Шанхае пользуется колоссальным успехом у тамошней публики, среди которой немало людей, являющихся большими знатоками хореографии, видевших балетные постановки в мировых центрах Европы. Эта публика переполняет каждую постановку Русского балета в шанхайском театре "Лайсеум", причем эти спектакли повторяются по 3–4 раза с неизменными аншлагами" [1]. Просматривая периодическую печать в Шанхае, нужно отметить, что "Лайсеум" тратил много средств на рекламу¹.

В то же время известность некоторых российских актеров за рубежом делала их привлекательными для создателей объявлений в Китае. Например, имя и фотография Лариссы Андерсен широко использовались в рекламе самых разных товаров и услуг" [7]. Фотографии актеров-эмигрантов часто совмещали функции коммерческой и культурной рекламы. Изысканная внешность актеров и успехи в мире моды стали предметом гордости российской публики за рубежом.

Музыкальная и театральная деятельность русских эмигрантов в Китае послужила поводом для строительства новых концертных площадок. Реклама российских культурных мероприятий первой половины XX века занимала видное место на страницах изданий.

¹ В 1953 г. "Лайсеум" переименовали в Шанхайский художественный театр, который до начала 1990-х служил основной площадкой для муниципального Центра драматического искусства. В 1991 г. театру вернули историческое название, а в 2004 г. здание театра отреставрировали.

Особенно первые страницы газет обычно были заполнены театральными афишами. Зачастую издания, анонсирующие выступления артистов и музыкантов, делают это косвенно, в виде рецензий на их произведения. Статьи часто сопровождаются фотографиями, некоторые из которых сделаны известными фотографами.

В 1920-е – 1930-е гг. в Харбине появились большие концертные площадки: клубы КВЖД, Делового объединения и Чурина, а также театр "Ориант", "Гигант", "Азия", кинотеатр "Модерн" и "Атлантик" [17, с. 104, 129, 132, 133, 134].

Концертный зал Делового объединения вмещает 700-800 человек. Театр "Модерн" выполняет множество функций: помимо показа фильмов он также может организовывать выступления различных театральных коллективов, певцов оперетты и представителей других видов искусства. Театр "Модерн" за время своего существования несколько раз перестраивался и отвечал практически всем техническим требованиям, предъявляемым к театральным постановкам. В этом уникальном и красивом здании проходили балетные, опереттные спектакли и различные концерты. Здесь же находится зал ресторана "Модерн", где проходят концерты камерной музыки, танцы и приемы. "Модерн" был также крупным театральным предприятием со студией для росписи декораций, нотной и драматической библиотекой, а также постоянным персоналом [16, с. 37]. Очень много рекламных объявлений о "Модерне" печатал журнал "Рубеж".

Например, реклама в газете "Еврейская жизнь" за декабрь 1926 г. гласила: "14 и 18 декабря в театре "Модерн" состоятся два грандиозных концерта с участием талантливой певицы Елизаветы Капелли" [11].

Театр "Азия" рассчитан примерно на 1000 мест и пользуется большой популярностью среди жителей Харбина благодаря своему стратегическому расположению и удобной транспортной развязке. Атлантический театр вмещает 2000 зрителей и в основном используется как кинотеатр, а также часто проводит оперетты, оперы и концерты известных приезжих музыкантов. Кроме того, здесь есть множество церквей, школ, частных домов и площадок для выступлений на открытом воздухе, где также проводятся небольшие музыкальные и театральные мероприятия. Комфортабельная концертная площадка, хорошее оборудование, насыщенность выступлений во многом обеспечивают процветание и устойчивое развитие творческой жизни Харбина. Впоследствии возникли некоторые сферы услуг, связанные со сценическим искусством, такие как компании, специализирующиеся на аренде сценических костюмов, и специальные драматические библиотеки. Многие пьесы были поставлены на сцене за относительно короткий период времени [25, с. 57].

Строительство клуба КВЖД началось в 1903 г. и завершилось в 1911, он представляет собой комбинированное здание из камня и дерева с двумя наземными и одним подземным этажом. Площадь здания составила 3020 квадратных метров в то время. В 1919 и 1923 гг. клуб КВЖД дважды перестраивался, его площадь здания составила более 5300 квадратных метров. В здании насчитывается более 70 различных по размеру комнат, широких коридоров, множество лестниц, выполненных в различных стилях. Бальная зала, расположенная на первом этаже, вмещает более 800 человек, в то время как в подвальном помещении находится ресторан европейской кухни, бильярдный кабинет и пр. На заднем дворе разбит обширный сад, там же можно посетить библиотеку, есть также открытая эстрада и теннисный корт [6].

Кроме того, российские зарубежные театры, рестораны и другие коммерческие предприятия, связанные с индустрией развлечений, часто выпускали рекламу в виде меню, программ, пригласительных и открыток. Например, серия фотоальбомов на русском и китайском языках (с указанием адреса и телефона заведения) являлась частью рекламного проекта Харбина и была призвана привлечь клиентов в развлекательные заведения города [17, с. 129–135].

С процветанием музыкальной культуры и диверсификацией гражданской культуры в Шанхае один за другим создавались театры в качестве специальных площадок для частых музыкальных мероприятий. Несколько театров появилось

и на авеню Жоффр во Французской концессии, например, театр "Палэ Ориенталь" 巴黎大戏院 (1926 г.) (№ 550); театр "Лайсеум" 兰心大戏院 (1931) (Южная дорога Маоми, № 57), Русский театр 俄罗斯小剧场 (1933) (ныне пересечение 1-й улицы Жуйцзинь и Хуайхай). Это были популярные места для выступлений артистов в 1920-х и 1930-х г., которые регулярно печатали объявления в русскоязычной периодической печати.

Особо стоит отметить Русский театр, который часто давал объявление в журнале "Кстати". Изначально он предназначался для показа русских фильмов, чередующихся с драматическими постановками русских эмигрантов. Так, 7 октября 1938 г. в память о советском драматурге К.С. Станиславском в театре был устроен поминальный вечер и поставлена пьеса А.П. Чехова "Вишневый сад". Осенью того же года самодеятельные артисты показали "Дворянское гнездо" по мотивам романа И.С. Тургенева, а 17 декабря – трагедию "Гроза" китайского писателя Цао Юя, переведенную с английского языка на русский. Эти постановки способствовали развитию русской и китайской драматургии и обмену драматической культурой между двумя странами.

Эмигрантские театры регулярно публиковали информацию о спектаклях в журналах и газетах. Например: "В субботу, 17 ноября, в 21:15 состоится спектакль "Психо". Билеты продаются в магазин "Русское дело" Н.М. Щербакова" [10].

Русские мастера музыки посвятили себя делу музыкального образования китайцев, работая в Шанхайской национальной консерватории. В этой консерватории преподавали пианисты Б.С. Захаров, С.С. Аксаков, вокалист Шушлин, виолончелист Шевцов и др. [5, с. 5]. В 1930 г. из 11 штатных профессоров школы восемь были учителями-иностранцами, из них шесть – русскими [24, с. 11]. Нередко россияне, обладавшие особыми навыками в каком-нибудь виде искусства, публиковали объявления о наборе китайских студентов для обучения танцам, игре на музыкальных инструментах, рисованию и другим художественным навыкам.

Многие музыканты открыли в Харбине небольшие студии, такие как "В.Л. Гершгорина" (Китайская ул., № 120), "Ф.Е. Оксаковский" (Гириная ул., № 41), "И.К. Фокина-Сидоров" (Саманная ул., № 74), "Е.Н. Дружинина" (Бородинская ул., № 3), "Е.П. Дружинина" (Нов. гор. Мукденская ул., № 5), "О.В. Белоножкин" (Мукденская ул., № 6), "М.В. Теодориди" (Модягоу, Раздельная ул., № 44), "Я.М. Тышковский" (Пекарная ул., № 35) [8].

Художественная деятельность русских эмигрантов в Шанхае была ориентирована не только на простых горожан, но и на публику с высоким вкусом. Это принесло в Шанхай беспрецедентную художественную атмосферу. Авеню Жоффр стала "самым артистичным и культурным районом Шанхая. Крепкий аромат кофе, красивые картинки в книжном магазине, опьяняющая музыка в театре и прекрасные танцующие тени на сцене – всем этим переполнена эта чистая улица длиной менее трех миль" [18].

Основными формами демонстрации достижений русских эмигрантов в области изобразительного искусства и рекламы являются художественные выставки и салоны. Рынок искусства Харбина был очень активным. Чтобы познакомить общественность с творчеством зарубежных русских художников, часто проводились небольшие художественные выставки в Маньчжурском научно-исследовательском объединении (бывший Музей Общества изучения Маньчжурского края), компании "И.Я. Чурин", японском универсаме "Даоли" наверху, "Христианском союзе молодых людей", клубе природы и географии и других местах. Эти события сопровождалась рекламой [26, с. 33].

Одним из востребованных русских художников и архитекторов в китайской эмиграции считался Яков Лукич Лихонос, который оставил большой след в рекламном искусстве. Первые годы он жил в Харбине, где в 1920, 1921 и 1923 гг. провел персональные выставки в здании Коммерческого собрания [2]. Заметки о творчестве художника с репродукциями работ часто публиковались в иностранных шанхайских газетах. В книге "Бриллиантовый юбилей международного селтльмента Шанхая" воспроизведены его 16 пейзажей [29].

Кроме того, в области художественной живописи русские в Харбине первыми привезли в Китай технику масляной живописи. Они не только рисовали, но и преподавали живопись. В 1920-е г. возникла студия "Лотос". Живописное искусство Харбина воспитало в будущем многих известных художников Китая, и многие из них стали пионерами в мире живописи и рекламы. Студия "Лотос" когда-то располагалась на верхнем этаже дворца Мейеровича рядом с Никольским собором. В нем обучалась группа известных живописцев и скульпторов. Позже эти люди вернулись в Китай или отправились в страны Запада, чтобы продолжить свое творчество.

Душой Художественного училища "Лотос" являлся М.А. Кичигин, один из самых влиятельных художников Харбина 1920-х гг., автор интересных реклам. Он окончил Императорское Строгановское промышленное училище в Москве (1908) и училище живописи, ваяния и зодчества, участвовал в выставках, преподавал в Екатеринбургском и Читинском художественных училищах. Кичигин основал в Харбине студию "Лотос". Художник женился на своей ученице В.Е. Кузнецовой, которая также занималась рекламой.

Русская мода на рекламу была очень популярна в Китае. Успешная коммерческая деятельность русских эмигрантов происходила во многом благодаря высокому художественному уровню рекламы, осуществляемой российскими и западными художниками и фотографами.

Многие российские художники в Китае были вынуждены уйти на коммерческий рынок и в рекламные компании. Они занимались коммерческой художественной деятельностью, как-то дизайн и производство рекламы, оформление окон и внутренних помещений и фасадов, чтобы удовлетворить желания заказчиков [19, с. 98].

Особенностью российской рекламы за рубежом является широкое использование малотиражной рекламной продукции – открыток, меню, этикеток, упаковки, в создании которых часто участвовали известные художники или печатались классические русские произведения. Эти типы рекламы известны своей красочностью и зачастую довольно высоким качеством печати.

В то же время русские художники были заинтересованы в рекламе своих работ, поскольку известность давала им возможность получать заказы и набирать новых учеников. Например, реклама в газете "Рупор" давала информацию: "Художники О.М. Алехина, А.Н. Клементьев и А.Е. Степанов открыли запись учеников в классы рисования и живописи. Занятия ежедневно с 3-х до 9 ч.; воскресенье с 10 до 1 ч. дня. Класс обнаженной натуры для желающих с разовой платой 40 фен" [9].

Заключение

Самостоятельной сферой использования рекламы в российском зарубежье явилось предпринимательство в творческой и интеллектуальной сфере: театрально-концертная деятельность, книгоиздательство и т.п. Это обуславливало возникновение высокохудожественной рекламной продукции (плакатов, афиш, фотографий и т.п.), которая стала не только частью истории предпринимательства, но и обогатила мировую культуру. Менталитет и социальный статус российской диаспоры в Китае в той или иной мере способствовали расширению объема рекламируемых товаров и услуг, количественному и качественному ассортименту печатных рекламных носителей (газеты, журналы, плакаты и т. д.). Это проявлялось в стиле рекламного текста и визуального объема рекламного продукта, использовании языкового уровня страны проживания и т. д.

Литература

1. Блестящая карьера харбинки: Нина Кожевникова в составе шанхайского ансамбля // Рубеж. 1941. № 43/16. 25 окт. С. 15: фот.
2. Буклет // Выставка картин Петроградского художника Якова Лукича Лихонос. Харбин, 1921.
3. Кирсанов В. От классики до акробатики: Русский балет пленяет Шанхай // Рубеж. 1935. № 21. 18 мая. С. 15: фот.
4. Мелихов Г.В. "Родная свеча на чужих дорогах": Гастроли Вертинского в Китае // Проблемы Дал.

Востока. 1992. № 6. С. 89–97.

5. Музыкальный Шанхай. Перспективы сезона: Беседы с проф. Б.С. Захаровым // Слово: Беспл. воскрес. прил. 1930. 26 окт.
6. Полевые материалы авторов. Харбинский железнодорожный музей. 2022. 12 янв.
7. Реклама // Рубеж. 1937. № 18. 2 мая.
8. Реклама // Рубеж. 1940. № 48. 23 нояб.
9. Реклама // Рупор. 1935. 20 янв.
10. Реклама // Феникс. 1935. № 10. нояб. С. 13.
11. Театр "Модерн" // Еврейская жизнь. 1926. № 49. 14 дек.
12. Унковский В., Певец А. Вертинский о себе: в гостях у популярного артиста: (Перед поездкой на Дальний Восток) // Рубеж. 1930. 30 апр. С. 9–12.
13. Хисамутдинов А.А. Русские музыканты в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2015. 44 с.
14. Хисамутдинов А.А. Русский балет в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2015. 43 с.
15. Хисамутдинов А.А. Русский театр в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2015. 63 с.
16. Хисамутдинов А.А., Бай Сюэ. Русские и китайские лица в харбинском "Модерне". Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 168 с.
17. Чаров И. Альбом Харбина. Город и его окрестности. Харбин: Типолитография "Коммерч. Пресс", 1930. 185 с.: ил.
18. 信息 // 申报 = Информация // Шэнь Бао. 1928. 17 февр.
19. 张友强, 白波. 俄侨画家对哈尔滨地区美术的影响 // 文艺评论. 2022. 92–99页 = Чжан Юэцян. Влияние русских зарубежных художников на искусство Харбина // Литературное обозрение. 2022. № 5. С. 92–99.
20. 李延龄. 中国, 我爱你. 哈尔滨: 北方文艺出版社, 2002. 324页 = Ли Яньлин. Китай, я люблю тебя. Харбин: Издательство Северной литературы и искусства, 2002. 324 с.
21. 汪之成. 上海俄侨史. 上海: 三联书店, 1993. 832页 = Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай: Книжный магазин Сань Лянь, 1993. 832 с.
22. 汪之成. 上海的俄国文化地图. 上海: 上海锦绣文章, 2010. 151页 = Ван Чжичэн. Карта русской культуры в Шанхае. Шанхай: Шанхайское издательство статей Цзиньсю, 2010. 151 с.
23. 汪之成. 俄侨音乐家在上海. 上海: 上海音乐学院出版社, 2007. 579页 = Ван Чжичэн. Русские музыканты в Шанхае. Шанхай: Шанхайская консерватория музыкальной прессы, 2007. 579 с.
24. 王亚民, 吴睿睿. 补丁中国近现代音乐史: 在华俄侨音乐家及其活动 // 文化艺术研究. 2017. 9–17页 = Ван Ямин, У Жуйруй. Восстановление истории современной китайской музыки: русские музыканты в Китае и их деятельность // Исследования в области культуры и искусства. 2017. №12(4). С. 9–17.
25. 王亚民. 20世纪上半叶中国的俄侨戏剧 // 文化艺术研究. 2020. 51–58页 = Ван Ямин. Русская драматургия в Китае в первой половине XX в. // Культура и искусствоведение. 2020. № 13(02). С. 51–58.
26. 王振帮. 20世纪初哈尔滨俄侨的文艺公共领域研究. 黑龙江大学, 2015. 45页 = Ван Чжэньбан. Исследования общественной сферы в области культуры и искусства русских эмигрантов в Харбине в начале XX в.: дис. ... магистра ист. наук. Харбин, 2015. 45 с.
27. 王腾飞. 19世纪末到20世纪初黑龙江俄侨美术研究. 2017. 125页 = Ван Тэнфэй. Исследование искусства русских эмигрантов в Хэйлуцзяне с конца XIX в. до начала XX в.: дис. ... д-ра иск. наук. Харбин, 2017. 125 с.
28. 陈蕾. 哈尔滨当代水彩画群体代际传承研究. 2022. 154页 = Чэнь Лей. Исследование наследия групп современной акварельной живописи в Харбине (1976–2020): дис. ... д-ра иск. наук. Харбин, 2022. 154 с.
29. Kounin I.I. The Diamond Jubilee of the International Settlement of Shanghai. Shanghai: Post mercury company fed. incorporated U.S.A., designed and executed by Adcraft studios, 1940. 270 p.

References

1. Brilliant career from Harbin: Nina Kozhevnikova as part of the Shanghai ensemble // Rubezh. 1941. No 43/16. 25 Oct. P. 15: photo. (In Russ.).
2. Booklet // Exhibition of Paintings by Petrograd artist Yakov Lukich Lichonos. Harbin, 1921. (In Russ.).
3. Kirsanov V. From classics to acrobatics: Russian ballet captivates Shanghai // Rubezh. 1935. No 21. 18 May. P. 15: photo. (In Russ.).
4. Melikhov G.V. "A native candle on foreign roads": Vertinsky's tour in China // Problems of the Far East. 1992. No. 6. P. 89–97. (In Russ.).
5. Musical Shanghai. Season prospects: Conversations with prof. B.S. Zakharov // Word. 1930. 26 Oct. (In Russ.).
6. Authors' field materials. Harbin Railway Museum. 2022. 12 Jan. (In Chin.).
7. Advertising // Rubezh. 1937. No 18. 2 May. (In Russ.).
8. Advertising // Rubezh. 1940. No 48. 23 Nov. (In Russ.).
9. Advertising // Horn. 1935. 20 Jan. (In Russ.).

10. Advertising // Phoenix. 1935. No 10. Nov. P. 13. (In Russ.).
11. Modern Theatre // Jewish Life. 1926. No 49. 14 Dec. (In Russ.).
12. Unkovsky V., Singer A. Vertinsky about himself: visiting a popular artist: (Before the trip to the Far East) // Rubezh. 1930. 30 April. P. 9–12. (In Russ.).
13. Khisamutdinov A.A. Russian musicians in China. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2015. 44 p. (In Russ.).
14. Khisamutdinov A.A. Russian ballet in China. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2015. 43 p. (In Russ.).
15. Khisamutdinov A.A. Russian theater in China. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2015. 63 p. (In Russ.).
16. Khisamutdinov A.A., Bai Xue. Russian and Chinese faces in Harbin Modern. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2023. 168 p. (In Russ.).
17. Charov I. Album of Harbin. The city and its surroundings. Harbin: Printing and Printing "Commercial Press", 1930. 185 p.: ill. (In Russ.).
18. Information // Shen Bao. 1928. 17 Feb. (In Chin.).
19. Zhang Yuqiang. The influence of Russian foreign artists on the art of Harbin // Literary Review. 2022. No 5. P. 92–99. (In Chin.).
20. Li Yanling. China, I love you. Harbin: Publishing House of Northern Literature and Art, 2002. 324 p. (In Chin.).
21. Wang Zhicheng. History of Russian emigration in Shanghai. Shanghai: San Lian Bookstore, 1993. 832 p. (In Chin.).
22. Wang Zhicheng. Map of Russian culture in Shanghai. Shanghai: Shanghai Jinxiu Articles Publishing House, 2010. 151 p. (In Chin.).
23. Wang Zhicheng. Russian musicians in Shanghai. Shanghai: Shanghai Conservatory of Music Press, 2007. 579 p. (In Chin.).
24. Wang Yaming, Wu Ruirui. Restoring the history of modern Chinese music: Russian musicians in China and their activities // Research in the field of culture and art. 2017. No 12(4). P. 9–17. (In Chin.).
25. Wang Yaming. Russian drama in China in the first half of the twentieth century. // Culture and art criticism. 2020. No 13(02). P. 51–58. (In Chin.).
26. Wang Zhenbang. Research of the public sphere in the field of culture and art of Russian emigrants in Harbin at the beginning of the 20th century. : dis. ... master's degree in history Sci. Harbin, 2015. 45 p. (In Chin.).
27. Wang Tengfei. Study of the art of Russian emigrants in Heilongjiang from the end of the 19th century. before the beginning of the twentieth century: dis. ... Doctor of Arts and Sciences. Harbin, 2017. 125 p. (In Chin.).
28. Chen Lei. Study of the heritage of contemporary watercolor painting groups in Harbin (1976–2020): dis. ... Doctor of Arts and Sciences. Harbin, 2022. 154 p. (In Chin.).
29. Kounin I.I. The Diamond Jubilee of the International Settlement of Shanghai. Shanghai: Post mercury company fed. incorporated U.S.A., designed and executed by Adcraft studios, 1940. 270 p.

Мингью ГАО, аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: gao.mi@dvfu.ru

Mingyue GAO, Postgraduate Student, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gao.mi@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 09.01.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 03.03.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2024

Болобан Андрей Павлович: военный, исследователь, дипломат

Олег Владимирович КОЛЯСНИКОВ

Московский городской университет, Москва, Россия, kolyasnikovov@mgpu.ru

Ксения Николаевна КОЛЯСНИКОВА

Федеральный исследовательский центр оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий, Москва, Россия, koliasnikova@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании рассматривается биография востоковеда Андрея Павловича Болобана (1878 – до 1924), оставившего обширные труды об экономике Манчжурии и Монголии начала XX века. Основные этапы его жизненного пути: служба в Российской армии, Восточный институт, Русско-японская война, работа на КВЖД, дипломатическая миссия в Монголии. Вершиной его дипломатической карьеры стало непосредственное участие в выработке положений Кяхтинского договора. В имеющихся литературных источниках отсутствует жизнеописание А.П. Болобана в полной мере.

Ключевые слова: Болобан А.П., биография, Восточный институт, КВЖД, Монголия, Кяхтинский договор

Авторы благодарят д-р ист. наук, профессора А.А. Хисамутдинова (ДВФУ) за неоценимую помощь при подготовке данной публикации.

Для цитирования: Колясников О.В., Колясникова К.Н. Болобан Андрей Павлович: военный, исследователь, дипломат // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/29-39>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/29-39>

Andrei Pavlovich Boloban: officer, explorer, diplomat

Oleg V. KOLIASNIKOV

Moscow City University, Moscow, Russia, kolyasnikovov@mgpu.ru

Ksenia N. KOLIASNIKOVA

Federal Research Center for Innovator and Emerging Biomedical and Pharmaceuticals Technologies, Moscow, Russia, koliasnikova@mail.ru

Abstract. This study is devoted to biography description of orientalist Andrei Pavlovich Boloban (1878 – before 1924), that wrote a range of manuscripts regarding the economics of Manchuria and Mongolia at the beginning of 20th century. The main stages of his life path: the military service in Russian army, Eastern Institute in Vladivostok, Russo-Japanese War, service in Chinese Eastern Railway, Russian diplomatic mission in Mongolia. The highest point in his diplomatic career was the participation in preparation of Treaty of Kyakhta. The full biography of Boloban A.P. is absent in the present literature sources.

Keywords: Boloban A.P., biography, Eastern Institute, Chinese Eastern Railway, Mongolia, Treaty of Kyakhta

The authors thank Doctor of Historical Sciences, Professor A.A. Khisamutdinov (FEFU) for invaluable assistance in preparing this publication.

For citation: Kolyasnikov O.V., Kolyasnikova K.N. Andrei Pavlovich Boloban: officer, explorer, diplomat // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 29–39. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/29-39>

Введение

Начало XX века было ознаменовано для Российской империи стремительной экспансией на юго-восток – в Манчжурию, иногда неформально называемую "Желтороссией". Одним из проявлений этого движения стала Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). В её строительство и эксплуатацию были вовлечены огромные массы людей. Для одних это была возможность быстрой карьеры, для других – встреча с неведомыми землями, а для большинства – знакомство с загадочными культурами. Сочетание этих направлений давало, пусть и в небольшом количестве, уникальных специалистов – востоковедов. Российским востоковедам

начала XX в. удалось сделать немало. Их труды были известны не только в России, но и за ее пределами. Но срок, отведённый им историей для планомерной работы, был крайне короток. Революционные преобразования в России на долгое время прекратили исследовательскую деятельность в описываемом регионе. Судьба востоковедов была различна, многие не пережили Гражданскую войну. К ним относится и Андрей Павлович Болобан (1878 – до 1924).

Основные работы А.П. Болобана относятся к 1909–1914 гг. В качестве коммерческого агента КВЖД, а затем агента Министерства торговли и промышленности при российской дипломатической миссии в Монголии А.П. Болобан объездил значительную часть Дальнего Востока и в своих отчетах подробно описал экономику и сельское хозяйство Северной Манчжурии и Монголии [3; 4; 5; 6]. Стал он и автором ряда статей по проблематике Дальнего Востока¹. Данные А.П. Болобана о сельском хозяйстве Северной Манчжурии и Монголии были критично важны для снабжения КВЖД, которую он называл "основой всех наших нынешних и будущих интересов в этой стране" [3, с. 6]. Сообщая сведения об арендных отношениях, налоговой системе, промышленной переработке продуктов земледелия, А.П. Болобан приводил обширный статистический материал и призывал к увеличению торгового оборота между Северной Манчжурией и российским Дальним Востоком [2, с. 103].

В настоящее время труды А.П. Болобана имеют значение уникального исторического источника, и анализ современной научной периодики позволяет сделать вывод об их востребованности в научном мире. В то же время биографические данные об их авторе, доступные в современных материалах, неполны и не всегда достоверны [1, с. 38; 13, с. 369; 23, с. 116–117; 31, с. 53–56]. Задачей настоящего исследования является восполнить этот пробел. Опираясь на фонды российских и украинских архивов (РГИА, ГАПК, ГАИО, ДАЧО и др.), печатные материалы периода 1900–1910-х гг., а также современную научную литературу, авторы обобщили и систематизировали разрозненные биографические данные о жизни и деятельности А.П. Болобана и дополнили их, используя тексты как его трудов, так и трудов его коллег. Также сделан обзор основных публикаций востоковеда и отмечено значение его трудов для современной науки.

А.П. Болобан: биография

Андрей Павлович Болобан родился 4 июля 1878 г. в местечке Иркиев Золотоношского уезда Полтавской губернии (ДАЧО, ф. 931, оп. 1, д. 946, л. 173 об.)². Он был шестым сыном казака Павла Максимовича Болобана. Рано осиротев, Андрей воспитывался в доме старшего брата. Александр Павлович преподавал в городском училище г. Ромны Полтавской губернии [24, с. 125] и смог обеспечить обучение Андрея. Реальное училище г. Ромны, куда он поступил летом 1893 г., отличалось высоким уровнем образования. Многие преподаватели имели учёные степени. Качество образования подтверждает, в частности, тот факт, что практически одновременно с А.П. Болобаном из Роменского реального училища вышли будущие академики-физики А.Ф. Иоффе и С.П. Тимошенко [30, с. 9]. Сам же А.П. Болобан окончил училище далеко не блестяще. Тем не менее по окончании основного курса он успешно окончил 7-й дополнительный класс и получил аттестат с баллами, приемлемыми для продолжения образования в высших учебных заведениях (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 1–32)³.

Продолжение образования требовалось для будущей карьеры, но на поддержку старшего брата А.П. Болобан уже не мог рассчитывать – тот женился и ожидал рождения первенца. Скорее всего, это стало одним из стимулов обрести самостоятельность через обучение в военном училище. Ближайшим из них и наиболее до-

¹ Краткий перечень работ А.П. Болобана приведён в конце статьи (*Прим. авт.*).

² ДАЧО – Государственный архив Черкасской области (Державний архів Черкаської області)

³ ГАПК – Государственный архив Приморского края

ступным было Киевское военное училище, куда А.П. Болобан и поступил летом 1897 г. Быт и нравы этого училища конца XIX в. красочно описаны в мемуарах его выпускника А.И. Деникина [12, с. 43–56]. Летом 1899 г. А.П. Болобан получил чин подпоручика со старшинством и, единственный из выпуска, был распределен для прохождения службы на Дальний Восток, во Владивостокский крепостной пехотный полк [10]. Практически сразу по прибытии молодой офицер оказался вовлечённым в подавление восстания боксёров, ставшего реальной угрозой для строительства КВЖД. В числе других участников этих событий его впоследствии наградили медалью "За поход в Китай 1900–1901 года" (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 2)⁴.

С 1899 г. в г. Владивосток функционировало учебное учреждение особого типа – Восточный институт. Его задачей было обучение студентов языкам и культуре восточных стран для быстрого создания прослойки ориенталистов (востоковедов), необходимых стране для развития Дальнего Востока [19, с. 3–12]. С самого начала определённое количество учебных мест в институте отводилось для офицеров, желающих получить дополнительное образование. А.П. Болобан попал в их число и с сентября 1901 г. был назначен слушателем Восточного института (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 4). Первый курс был посвящён общим предметам, а также изучению китайского языка, который был необходим для всех отделений Восточного института.

По окончании I курса А.П. Болобан подал заявление на продолжение обучения на китайско-монгольском отделении Восточного института [15]. Летом 1902 г. он, как и его сокурсники, был командирован в Китай на стажировку. Стажировка проходила в городе Шанхай-гуань (*Shanhaiguan*, ныне район города *Qinhuangdao* провинции Хэбэй), на тот момент занятом русскими и итальянскими войсками [38].

По окончании стажировки А.П. Болобан изменил направление и перешёл на японо-китайское отделение [16]. В свете грядущих событий это оказалось существенным. По окончании II курса летом 1903 г. его командировали на стажировку в Токио. Стажировка была плодотворной как для изучения японского языка, так и для совершенствования в английском языке. К этому времени относится первая печатная работа поручика 29-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А.П. Болобана – перевод с японского статьи "О дисциплине в русской армии" [22]. Отчёт о стажировке вкуче с переводными работами был представлен на Конференции Восточного института и получил Почетный отзыв [27, с. 38–39].

Своевременно окончить III курс А.П. Болобану, как и его сокурсникам, не удалось. В январе 1904 г. с внезапного нападения на корабли I Тихоокеанской эскадры началась Русско-японская война. Офицеры-слушатели Восточного института были прикомандированы к штабам российских войск в качестве переводчиков. А.П. Болобан служил при штабе Манчжурской армии, далее при штабе 4-го Сибирского корпуса (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 3). В его обязанности входил допрос военнопленных, общение с местным населением, организация разведки с использованием китайских добровольцев. За отличия по службе А.П. Болобан был награждён четырьмя боевыми орденами [9]. Несмотря на высокую вовлечённость в службу, он не забывал и про учёбу – сохранилась его переписка с Восточным институтом о статусе офицеров-слушателей (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 23, 27–30). По окончании боевых действий А.П. Болобан продолжил службу переводчиком при штабе крепости Владивосток.

Возобновление учёбы в Восточном институте постоянно переносилось. В России происходили революционные события, захватившие и Владивосток. Приступить к занятиям удалось лишь в ноябре 1905 г. Тогда же А.П. Болобан рапортует в Конференцию Восточного института о готовности сдать экстерном переводные экзамены на IV курс и приступить к подготовке к выпускным испытаниям, чтобы окончить Восточный институт уже в этом учебном году, как было предусмотрено изначальным учебным планом. Уровень владения японским и китайским языками

⁴ РГИА – Российский государственный исторический архив

ми, существенно улучшенный за время войны, позволял сдать экзамены, но рапорт был отклонён Конференцией [17]. Судя по последующим действиям, это стало разочарованием для А.П. Болобана. Он досрочно сдаёт переводные экзамены на IV курс и возвращается в полк, а там добивается отпуска для выезда за границу (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 9) и параллельно пишет прошение о переводе в запас. Летом 1906 г. он посещает Токио и Нагасаки (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 24). В сентябре 1906 г. А.П. Болобан восстанавливается на IV курсе Восточного института и окончательно увольняется с военной службы в запас (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 5), что приносит необходимость платить за обучение. Для участников Русско-японской войны был организован досрочный выпуск в феврале 1907 г. [27, с. 6–7], но в силу бюрократической волокиты свой аттестат второго разряда (с почетным отзывом) об окончании Восточного института А.П. Болобан получает лишь в январе 1908 г. (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 15, 18).

Параллельно с окончанием обучения А.П. Болобан ищет место для дальнейшей работы, в частности, предпринимает поездку в соседний с Владивостоком Никольск-Уссурийский для рассмотрения места преподавателя японского и китайского языков при курсах Никольск-Уссурийского гарнизона, но место его не устраивает (ГАПК, ф. 115, оп. 1, д. 124, л. 8, 10–11, 13). Практически сразу же он находит работу на КВЖД: ему предложили должность заведующего коммерческим агентством в г. Цицикар (*Qiqihā'ěr*, провинция Хэйлуцзян), хотя это не вполне удовлетворяет амбиции А.П. Болобана. В сентябре 1907 г. выходит его первая публикация по экономике Северной Манчжурии [18]. В ней Болобан, в частности, отмечает, что "Вопрос о производстве пшеницы в Сев. Манчжурии для русских владений на Дальнем Востоке играет выдающуюся роль. <...> В данное время харбинская мука начинает конкурировать с американской, как в Вост. Сибири, так и в Манчжурии. Правильная постановка этого вопроса, точные сведения о произрастании пшеницы и о количестве сбора имеют важное значение для развития русской промышленности на Дальнем Востоке...".

В июне 1908 г. А.П. Болобан входит наряду с А.В. Спицыным, И.А. Добролювским, А.Н. Петровым и П.С. Тищенко в число основателей Общества Русских Ориенталистов (ОРО) [13, с. 100], с которым тесно связаны последующие годы его деятельности. Задачи Общества состояли в изучении Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях, содействии сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними, освещении в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям, духовной и материальной взаимопомощи и поддержке членов организации. Вскоре А.П. Болобан становится секретарем Общества, а в 1911 г. также редактором ряда номеров журнала Общества "Вестник Азии" [7].

Как член ОРО, А.П. Болобан разворачивает обширную деятельность по изучению экономики Манчжурии и Монголии, что выражается в его работах, выходящих как в виде отдельных книг, так и в виде публикаций в "Вестнике Азии". Параллельно он много публикуется в харбинских периодических изданиях под псевдонимом Ирклевский (Ирклѣвскій), связанным с его малой родиной. Изучение экономики для него ценно не только как расширение знаний о стране, но и как попытка повысить статус. В 1909 г. А.П. Болобан ведет переписку с Санкт-Петербургским университетом и Восточным институтом о возможности защиты магистерской диссертации и подготовке к профессорскому званию на кафедре истории или коммерческой географии, но получает отказ. В том же году А.П. Болобан переводится на более высокую должность коммерческого агента КВЖД (РГИА, ф. 323, оп. 5, д. 194, л. 623 и об.) и оставляет мечты об академической карьере. Новая должность сопряжена с переездом в Харбин (*Hā'ěrbin*, провинция Хэйлуцзян), столицу КВЖД. Высвободившееся от постоянных поездок время А.П. Болобан использует для создания русско-японского общества, а также развития музея и библиотеки ОРО [13, с. 101].

Фото 1. Делегации России, Китая и Монголии, 1914, Кяхта.
А.П. Болобан, предположительно, крайний справа.

Источник: [37].

Foto 1. Russian, Chinese and Mongolian delegations, 1914, Kyachta. A.P. Boloban, presumably, on the far right.
Source: [37].

В своей работе А.П. Болобан пользуется великолепным знанием китайского языка, что позволяет ему в своих статистических исследованиях активно вовлекать китайские источники. Критика подобного подхода началась практически сразу [21, с. 15, 24–25; 26; 33, с. 89], хотя А.П. Болобан отмечал, что постоянно сверял данные, предоставляемые китайской администрацией, с земледельцами на местах [3, с. 4–5].

Тем временем в Китае назревает революция. На фоне революционных событий Внешняя Монголия, относящаяся к российской сфере влияния, провозглашает независимость [11, с. 164]. Российская империя расширяет консульство в Урге (Улан-Батор), А.П. Болобан в августе 1912 г. получает назначение в консульство в качестве агента Министерства торговли и промышленности и с ноября вступает в должность, в которой пребывает вплоть до 1917 г. [25, с. 190] В качестве исполнения обязанностей по должности А.П. Болобан продолжает писать и публиковать отчёты, служащие одними из немногих источников информации по экономике ранних лет существования Монголии, а также ведет переписку с Санкт-Петербургом, часть которой сохранилась (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 136; РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 251, л. 86; [28, с. 183]).

По случаю вступления на службу по гражданскому ведомству чин поручика запаса, полученный А.П. Болобаном при увольнении с военной службы, переименовывается в чин титулярного советника (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 6). В этом статусе А.П. Болобан включается в российскую делегацию под руководством А.Я. Миллера для участия в Тройственной конференции в Кяхте, которая началась в сентябре 1914 г. [32, с. 153] (фото 1). Понадобился почти год сложных переговоров для закрепления особого статуса Монголии по отношению к молодой Китайской респу-

Фото 2. Делегации России, Китая и Монголии на подписании соглашения, 1915, Кяхта. А.П. Болобан, предположительно, под портретом Императора.

Источник: [40].

Foto 2. Russian, Chinese and Mongolian delegations at the signing the Treaty, 1915, Kyachta. A.P. Boloban, presumably, under the Emperor's portrait.

Source: [40].

блике. Конференция увенчалась подписанием соглашения в мае 1915 г. (фото 2, 3). За труды во время тройных переговоров А.П. Болобан награждается монгольским орденом Эрдени-Вачир степени Бэйсе, а также производится в коллежские асессоры (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 6).

После конференции А.П. Болобан возвращается к консульским делам. В частности, перед поселенцами российской колонии в Урге встала проблема обучения подрастающей молодежи. Идеей А.П. Болобана была организация коммерческого училища при поддержке представляемого им Министерства торговли и промышленности, которое начало работу в 1916 г. (ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 120, л. 9–12)⁵.

Обеспокоенность А.П. Болобана вызывает растущий дисбаланс в торговле России с Монголией. Российские торговцы ни по количеству, ни по ассортименту товара не могут конкурировать в Монголии с китайскими поставщиками. Более того, потребности Монголии в российских товарах игнорируются, ходатайства в министерство не приводят к действенному результату [25, с. 192]. В то же время начавшаяся мировая война вынуждает Россию массово закупать скот для питания армии. В Монголии накапливаются необеспеченные товарами русские бумажные рубли. А.П. Болобан информирует об этом министерство (ГАИО, ф. 2350, оп. 1, д. 2, л. 7–9 об.), но его предупреждения не находят отклика.

⁵ ГАИО – Государственный архив Иркутской области

Фото 3. Делегации России, Китая и Монголии после подписания соглашения, 1915, Кяхта. А.П. Болобан, предположительно, крайний справа во втором ряду.

Источник: [40].

Foto 3. Russian, Chinese and Mongolian delegations after the signing the Treaty, 1915, Kyachta. A.P. Boloban, presumably, in the 2nd row on the far right.

Source: [40].

В феврале 1917 г. в России грянула революция, приведшая к отречению царя и образованию Временного правительства. Ряд местных колонистов, недовольных деятельностью А.П. Болобана, выражают ему недоверие [20, с. 220]. Позиции А.П. Болобана в Урге слабеют. Тем более что его работа имеет все меньший смысл. Начиная с весны 1917 г. происходит ослабление и последовавшее за ним обрушение русского рубля. А.П. Болобан запрашивает главу КВЖД генерала Д.Л. Хорвата о дальнейших действиях, но ответа не получает [39, с. 231–232]. Обстановка усугубляется трениями в консульстве между консулом А.А. Орловым и советником по финансовым и экономическим вопросам С.А. Козиным, впрочем, и сам А.П. Болобан не остается в стороне. В сентябре 1917 г. в своем донесении в Министерство он констатирует остановку ввоза русских товаров в Монголию [29, с. 217]. Его миссия в Монголии оказывается исчерпанной.

Тем временем в России происходит Октябрьская революция. В результате бурных событий Украина получает независимость и подписывает сепаратный Брестский мир. Гетман П.П. Скоропадский формирует правительство Украинской державы. Дипломатический опыт А.П. Болобана востребован на его исторической родине. С июня 1918 г. он работает в Департаменте внешней торговли Министерства торговли и промышленности [35], в июле получает должность чиновника для особых поручений IV класса отдела зарубежных торговых представительств и международного экономического сближения [36]. В качестве представителя Министерства он участвует в разработке устава консульской службы, принимает экзамены на владение языками для кандидатов на консульские должности. Сам он претендует на должность консула по Сибири и Китаю. Финальный вариант устава консульской службы с учетом всех замечаний готов к началу декабря 1918 г. [34,

сс. 89, 93–94, 114, 139]. Но это уже не имеет значения. В уставшей от войны Германии происходит Ноябрьская революция. Центральные державы проигрывают Первую мировую войну. Немецкие войска выводятся из Украины, вместе с ними бежит и свергнутый гетман П.П. Скоропадский, его правительство распускается. Украина погружается в трясину гражданской войны.

На этом моменте документальные сведения о судьбе А.П. Болобана исчезают. Из предположений о его судьбе можно выделить информацию из базы данных С.В. Волкова о том, что некий Андрей Балабан летом 1919 г. после ареста в Харькове содержался в концлагере ЧК на улице Чайковского [8]. Косвенно смерть А.П. Болобана на Украине подтверждается в частном письме востоковеда И.Г. Баранова (ХКМ КП 13006/56)⁶. Следует отметить, что И.Г. Баранов делал доклад на том заседании ОРО в Харбине 15 марта 1924 г., в ходе которого участники почтили вставанием память А.П. Болобана, что можно считать заведомо крайней точкой его жизни [14, с. 369]. Андрей Павлович был холост (РГИА, ф. 23, оп. 1, д. 23, л. 1) и не оставил наследников, что привело к утрате его архива и относительной неизвестности сведений о его биографии вплоть до последнего времени. Труды же А.П. Болобана широко цитируются в отечественных и зарубежных публикациях по различным аспектам ориенталистики. В их текстах навсегда запечатлена живая непосредственная личность выпускника Восточного института, ветерана Русско-японской войны, экономиста, дипломата и востоковеда Андрея Павловича Болобана.

Краткая библиография А.П. Болобана

1. Дальний Восток. Проблемы земледелия в Северной Манчжурии / А. Ирклевский // Торгово-промышленная газета. 1907. № 213 (21.09.1907). С. 2.
2. Земледелие и хлебопромышленность Северной Манчжурии. Харбин: Рус.-Кит.-Монг. тип. газ. "Юань-дун-бао", 1909. 318 с.
3. Цицикар. Экономический очерк // Вестник Азии. 1909. № 1. С.74–121.
4. К пересмотру русско-китайского договора 1881 г. // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 210–212.
5. К вопросу о транскрипции популярных китайских имён и названий // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 212
6. Колонизационные проблемы Китая в Манчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.
7. Следы города Таген-Хото // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 202–204.
8. Северо-Восточная Монголия и её хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.
9. Знатоки Дальнего Востока, 1910 (прислана в газету "Речь", но не принята к публикации; РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, д. 1093, л. 1–7).
10. Восточный институт, Министерство народного просвещения и МИД // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 78–86.
11. Очерк русской торговли в Южной Манчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 63–69.
12. Будущее Манчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 80–139.
13. Экономические вопросы Дальнего Востока. Отчёт о деятельности О-ва рус. ориенталистов в СПб. за 1910 г. СПб., 1911. С. 80–101.
14. Отчёт коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 году районов Хэй-лун-цзянской, Гиринской и Мукденской провинций (Северной Манчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношениях. Харбин: КВЖД, 1912. 352 с.
15. Монголия в её современном торгово-промышленном отношении: отчёт агента м-ва торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг.: Тип. В.В. Киршбаума, 1914. 207 с.

⁶ ХКМ – Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова

16. Отчёт агента Министерства торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана // Отчёты агентов Министерства торговли и промышленности за границей за 1914 г. Петроград: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1917. С. 43–83.

Литература

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 296 с.
2. Белоглазов Г.П. Аграрный строй и крестьянство Манчжурии в трудах русских ученых-ориенталистов Харбина и китайских исследователей (20-30-е гг. XX в.) // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2020. Т. 29. С. 103–116. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10046>
3. Болобан А.П. Земледелие и хлебопромышленность Северной Манчжурии. Харбин: Рус.-Кит.-Монг. тип. газ. "Юань-дун-бао", 1909. 318 с.
4. Болобан А.П. Монголия в её современном торгово-промышленном отношении: отчёт агента м-ва торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг.: Тип. В.В. Киришбаума, 1914. 207 с.
5. Болобан А.П. Отчёт агента Министерства торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана. Отчёты агентов Министерства торговли и промышленности за границей за 1914 г. Петроград: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1917. С. 43–83.
6. Болобан А.П. Отчёт коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А.П. Болобана по обследованию в 1911 году районов Хэй-лун-цзянской, Гиринской и Мукденской провинций (Северной Манчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношении. Харбин: КВЖД, 1912. 352 с.
7. В обществе русских ориенталистов // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 145.
8. Волков С.В. База данных "Участники Белого движения в России" на январь 2016 // Ред. Рогге В.О. URL: <http://www.swolkov.org/> (дата обращения: 07.02.2024).
9. Высочайшие приказы по военному ведомству от 22 октября 1904 г., 21 марта 1905 г., 22 января 1906 г., 10 марта 1906 г.
10. Высочайший приказ по военному ведомству от 09 августа 1899 г. // Разведчик. № 460–461. С. 710.
11. Гавриков А.А. Монголия в русско-японских отношениях 1905–1917 годов. // Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. Кн. 7, ч. 1. Иркутск, Улан-Батор: БГУЭП, 2016. 358 с.
12. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.
13. Забияко А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта // А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов. Благовещенск: Амурский ГУ, 2015. 462 с.
14. Из жизни Общества русских ориенталистов // Вестник Азии. 1924. № 52. С. 369–370.
15. Известия Восточного института 1901–1902 уч.г. Протокол от 1 мая 1902 г.
16. Известия Восточного института 1902–1903 уч.г. Протокол от 2 сентября 1902 г.
17. Известия Восточного института 1905–1906 уч.г. Протокол от 22 ноября 1905 г.
18. Ирклевский А. Проблемы земледелия в Северной Манчжурии // Торгово-промышленная газета. 1907. № 213. С. 2.
19. Кочешков Н.В. Восточный институт во Владивостоке (1899–1920 годы) и его профессора. Владивосток: ДВГТУ. 96 с.
20. Кузьмин С.Л. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.
21. Мещерский А.С. Автономная Барга. Шанхай, 1920. 39 с.
22. О дисциплине в русской армии (пер. А.П. Болобан) // Разведчик. № 637. С. 815–817.
23. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения, начало XX века – 1945 год. Дис. ... к. ист. н. Владивосток, 1999. 327 с.
24. Памятная книжка и Адрес-Календарь Полтавской губернии на 1893 год // Сост. Д.А. Иваненко. Полтава: Полтав. губ. стат. ком., 1893. Отдел IV-й.
25. Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, 2015. 294 с.
26. Солдатов В.В. Критический очерк о книге А.П. Болобана. 1913.
27. Список лиц, окончивших и прослушавших полный курс Восточного института за девять выпусков 1903–12. Владивосток: Восточный институт, 1913. 47 с.
28. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... д. ист. н. Барнаул, 2004. 451 с.
29. Урангуа Ж. Фактор императорской России в становлении независимости Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Статьи участников III международной научно-практической конференции, ч. 1. Иркутск, Улан-Батор: БГУЭП, 2014. 384 с.
30. Федоров К.В. Реальное образование в контексте исторического развития России во второй половине XIX – начале XX века // К.В. Федоров, Т.П. Суздалева // Гуманитарный вестник. 2016. № 5. 19 с.

<https://doi.org/10.18698/2306-8477-2016-5-364>

31. Хисамутдинов А.А. Под звездой ориенталистики. Владивосток: ДВГТУ, 1999. 153 с.
32. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. 240 с.
33. Штейнфельд Н.П. Русское дело в Манчжурии: с XVII века до наших дней. Харбин: Рус.-кит.-монгол. тип. газ. "Юань-дун-бао", 1910. 208 с.
34. Матяш І.Б. Українська консульська служба 1917–1923 рр. як державний інститут: становлення, функціонування, персоналії. К.: Інститут історії України НАН України, 2016. 480 с.
35. Міністерство Торгу та Промисловости. Накази про призначення та увільнення // Державний вістник. 18.06.18. № 23. 1918. С. 3.
36. Міністерство Торгу та Промисловости. Накази про призначення та увільнення // Державний вістник. 06.09.18. № 44. 1918. С. 3.
37. Foreign Relations [1910s–1950s], British Library, EAP264/1/4/1 URL: <https://eap.bl.uk/archive-file/EAP264-1-4-1> (дата обращения: 07.02.2024)
38. Smith S.A. Imperial Designs: Italians in China 1900–1947. Madison, N.J.: Fairleigh Dickinson Univ. Press; Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2012. 208 p.
39. Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford University Press, 1999. 255 p.
40. 中俄蒙协约 = Китайско-русско-монгольское соглашение // Старые тени (сайт). URL: <https://jiuyingzhi.com/antiquephotos/1558.html> (дата обращения: 07.02.2024).

References

1. Baskhanov M.K. Russian military orientalists before 1917. Biobibliographic dictionary. Moscow: Eastern literature, 2005. 296 p. (In Russ.)
2. Beloglazov G.P. The agrarian system and the peasantry of Manchuria in the works of Russian orientalist scientists and Chinese researchers (20–30s of the 20th century) // Studies of Institute of History, Archaeology and Ethnology of the peoples of the Far East FEB RAS, 2020. V. 29, P. 103–116. <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10046> (In Russ.)
3. Boloban A.P. North Manchuria Agriculture and Grain Industry. Harbin: Rus.-Chin.-Mong. typ. "Juan-dun-bao", 1909. 318 p. (In Russ.)
4. Boloban A.P. Mongolia in its current trade-industrial state: report of the agent of Ministry of trade and industry in Mongolia A.P. Boloban for 1912–1913. Petrograd: V.V. Kirschbaum typ., 1914. 207 p. (In Russ.)
5. Boloban A.P. The report of the agent of Ministry of trade and industry in Mongolia A.P. Boloban. Reports of the agents of Ministry of trade and industry abroad for 1914. Petrograd: V.F. Kirschbaum typ., 1917, P. 43–83 (In Russ.)
6. Boloban A.P. Report of the commercial agent of the Chinese Eastern Railway A.P. Boloban on the survey in 1911 of the districts of the Hei-lun-jiang, Girin and Mukden provinces (Northern Manchuria), attracted toward the Chinese Eastern Railway, in the agricultural and grain industry relations // Harbin: Chinese Eastern Railway, 1912. 352 p. (In Russ.)
7. In the society of Russian orientalists // Bulletin of Asia. 1911. No. 8. P. 145 (In Russ.)
8. Volkov S.V. Database "The participants of White movement in Russia" for January 2016 // Ed. Rogge V.O. URL: <http://www.swolkov.org/> (accessed 07.02.2024) (In Russ.)
9. The highest orders for Ministry of War from 22 October 1904, 21 March 1905, 22 January 1906, 10 March 1906. (In Russ.)
10. The highest order for Ministry of War from 9 August 1899 // Scout. No. 460–461, p. 710 (In Russ.)
11. Gavrikov A.A. Mongolia in Russo-Japanese relations 1905–1917 // Conceptual issues of Russo-Mongolian relations in the early 20th century. Book 7, part 1. Irkutsk, Ulan-Bator: BSUEL, 2016, 358 p. (In Russ.)
12. Denikin A.I. The path of Russian officer. Moscow: Sovremennik, 1991. 300 p. (In Russ.)
13. Zabyako A.A. Russian Harbin: the experience of life-building in the Far Eastern frontier conditions // A.A. Zabyako, A.P. Zabyako, S.S. Levoshko, A.A. Khisamutdinov. Blagoveschensk: Amur State University, 2015. 462 p. (In Russ.)
14. The story of society of Russian orientalists // Bulletin of Asia. 1924. No. 52. P. 369–370 (In Russ.)
15. Oriental Institute Journal of 1901–1902. The protocol from 1 May 1902 (In Russ.)
16. Oriental Institute Journal of 1902–1903. The protocol from 2 September 1902 (In Russ.)
17. Oriental Institute Journal of 1905–1906. The protocol from 22 November 1905 (In Russ.)
18. Irkleevsky A. The problems of North Manchuria Agriculture // Torgovo-Promyshlennaya gazeta. 1907. No. 213. p. 2 (In Russ.)
19. Kocheshkov N.V. Oriental Institute in Vladivostok (1899–1920) and its professors. Vladivostok: FESTU. 96 p. (In Russ.)
20. Kuzmin S.L. Theocracy and Buddhist Temple of Mongolia in the beginning of 20th century. Moscow: KMK publishing house, 2016, 496 p. (In Russ.)
21. Meschersky A.S. Autonomous Barga. Shanghai, 1920. 39 p. (In Russ.)
22. On the discipline of Russian army (transl. A.P. Boloban) // Scout. No. 637, P. 815–817 (In Russ.)

23. Pavlovskaya M.A. Harbin branch of Russian orientalistics, beginning of 20th century – 1945. Doctor thesis (History). Institute of History, Archaeology and Ethnology of the peoples of the Far East, FEB RAS, 1999. 327 p. (In Russ.)
24. 1893 Memorial book and Address-calendar of Poltava governorate // compiler D.A. Ivanenko. Poltava: Poltav. gov. stat. com., 1893. Part IV. (In Russ.)
25. Sizova A.A. Consular service of Russia in Mongolia (1861–1917). Moscow: Nauka, 2015. 294 p. (In Russ.)
26. Soldatov V.V. Critical essay on the A.P. Boloban book. 1913. (In Russ.)
27. The list of persons graduated from Oriental Institute for the nine graduations 1903–12. Vladivostok: Oriental Institute, 1913. 47 p. (In Russ.)
28. Startsev A.V. Russian trade in Mongolia (2nd half 19th – beginning 20th cent.). Doctor thesis (History). Barnaul, 2004. 451 p. (In Russ.)
29. Urangua G. The factor of imperial Russia in formation of independency of Mongolia. Russia and Mongolia in the beginning of 20th century: diplomacy, economics, science. The papers of participants of III international scientific-practical conference, part 1. Irkutsk, Ulan-Bator: BSUEL, 2014. 384 p. (In Russ.)
30. Fedorov K.V. Real school education in the context of historical development of Russia at the second half of 19th – beginning 20th century/ K.V. Fedorov, T.R. Suzdaleva // Humanitarian bulletin. 2016. No. 5. 19 p. <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2016-5-364> (In Russ.)
31. Khisamutdinov A.A. Under the oriental star. Vladivostok, 1999. 153 p. (In Russ.)
32. Chimitdorzhiev Sh.B. Russia and Mongolia. Moscow: Nauka, 1987. 240 p. (In Russ.)
33. Shteinfeld N.P. Russian affair in Manchuria: since the 17th century to the present. Harbin: Rus.-Chin.-Mong. typ. "Juan-dun-bao", 1910. 208 p. (In Russ.)
34. Matyash I.B. Ukrainian consular service 1917–1923 as a state institute: formation, functioning, persons. Kiev: Ukrainian history institute NAN Ukrainy, 2016. 480 p. (In Uk.)
35. Ministry of Commerce and Industry. Appointment and dismissal orders // Derzhavnyi vestnik. 18.06.18. № 23. 1918. p. 3 (In Uk.)
36. Ministry of Commerce and Industry. Appointment and dismissal orders // Derzhavnyi vestnik. 06.09.18. № 44. 1918. p. 3 (In Uk.)
37. Foreign Relations [1910s–1950s], British Library, EAP264/1/4/1 URL: <https://eap.bl.uk/archive-file/EAP264-1-4-1> (accessed 07.02.2024)
38. Smith S.A. Imperial Designs: Italians in China 1900–1947. Madison, N.J.: Fairleigh Dickinson University Press; Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 2012. 208 p.
39. Wolff D. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford University Press, 1999. 255 p.
40. Sino-Russian-Mongolian Agreement // Old shadows (website). URL: <https://jiuyingzhi.com/antiquephotos/1558.html> (accessed 07.02.2024) (In Chin.).

Олег Владимирович КОЛЯСНИКОВ, старший методист Московского городского университета, г. Москва, Россия, e-mail: kolyasnikovov@mgpu.ru

Ксения Николаевна КОЛЯСНИКОВА, канд. биол. наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра оригинальных и перспективных биомедицинских и фармацевтических технологий, г. Москва, Россия, e-mail: koliasnikova@mail.ru

Oleg V. KOLIASNIKOV, Senior Education Methodologist, Moscow City University, Moscow, Russia, e-mail: kolyasnikovov@mgpu.ru

Ksenia N. KOLIASNIKOVA, Candidate of Biological Sciences, Senior Researcher, Federal Research Center for Innovator and Emerging Biomedical and Pharmaceuticals Technologies, Moscow, Russia, e-mail: koliasnikova@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. Статья сообщает об отношении к имени А.С. Пушкина эмигрантов из России, проживающих в Японии. В иной культурной среде поэт стал для них символом утраченной родины. Эмигрантские идеологи, в свою очередь, стремясь сплотить русскую диаспору, сделали имя Пушкина знаменем, под которым смогли обрести единство разные группы выходцев из России. В статье использованы материалы русскоязычной прессы в Японии и Китае из коллекций библиотеки Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, русский язык и культура, русская диаспора в Японии, русистика в Японии, Дни русской культуры

Для цитирования: Хисамутдинова Н.В. Русская диаспора Японии и А.С. Пушкин // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 40–50. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Russian Diaspora in Japan and A.S. Pushkin

Natalia V. KHISAMUTDINOVA

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. The article reveals the attitudes towards A.S. Pushkin among the Russians living in Japan. Having found themselves in another cultural environment, they considered the poet a symbol of the lost motherland. Emigre ideologists, in their turn, trying to integrate the Russian diaspora, made Pushkin's name a banner under which different groups of Russian immigrants could interact. The article is based on the materials from the Russian-language press in Japan and China from the collections of the University of Hawaii Library (Honolulu, USA) and the Museum of Russian Culture in San Francisco.

Keywords: A.S. Pushkin, Russian language and culture, Russian diaspora in Japan, Russian studies in Japan, Days of Russian culture

For citation: Khisamutdinova N.V. Russian Diaspora in Japan and A.S. Pushkin // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 40–50. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/40-50>

Введение

"Живя за границей, я мог констатировать, что здесь, за рубежом, имя Пушкина окружено далеко не тем сияющим ореолом, каким оно окружено у нас на родине и какого оно достойно. Причиной этому является, главным образом, недостаточная осведомленность иностранного общества о подлинном величии Пушкина, вызванная в свою очередь непреодолимой трудностью передать всю силу и все очарование пушкинской поэзии на иностранном языке", – так писал библиофил С.М. Лифарь, выражая сожаление по поводу слабых переводов пушкинских произведений на другие языки [7, с. 23].

Если иностранцы не отводили А.С. Пушкину ведущего места в русской классической литературе, что подтверждают и другие исследователи [15, с. 13; 22], то для русского эмигранта оно было бесспорным. Сохранение русского языка и культуры в чужой стране для них означало сохранение духовной жизни, и с этим они в первую очередь связывали самоутверждение в условиях эмиграции. В пушкинских строках выходцы из России видели отражение русской души и природы, родного языка и национальной культуры. Вот почему в русских зарубежных диаспорах XX в. имя поэта стало символом утраченной родины.

Особенно наглядно это проявилось в странах Азии, в частности Японии, где в отличие от Европы эмигранты столкнулись с совершенно иной культурной сре-

дой. Приспосабливаясь к новым условиям существования в окружении людей с непонятным языком и чуждыми обычаями, они через Пушкина воссоединялись с Россией, компенсируя тем самым крайне ограниченные контакты с родиной. Анализ повседневной жизни выходцев из России в Японии позволяет проследить за их отношением к творчеству А.С. Пушкина и использованием имени поэта в своих интересах: при обучении японцев русскому языку, воспитании детей, сплочении эмигрантских общин в Японии.

О переводах произведений А.С. Пушкина на иностранные языки и восприятии их в разных странах написано множество книг и статей. Есть среди них и те, в которых сообщается о судьбе книг русского поэта в азиатских странах [2; 5; 8; 9; 14; 15; 17; 18]. Вместе с тем малоисследованными остаются вопросы о значении имени Пушкина для выходцев из России, оказавшихся в Японии, особенно эмигрантов постреволюционной поры (1918–20-е гг.), их вкладе в распространение знаний о поэте за рубежом и издании его произведений на русском языке. Особенно это относится к странам Азии. В лучшем случае в работах упоминается роль россиян как посредников в знакомстве зарубежного читателя с творчеством русского поэта [8, с. 18; 18, с. 128].

Особое отношение русских эмигрантов в Японии к Пушкину имело и другое, куда более важное значение. Именно благодаря им приобрело популярность изучение японцами русского языка, что, в свою очередь, отразилось на восприятии ими русской литературы и улучшении качества переводов на японский язык. Если первые переводы пушкинских произведений в Японии осуществлялись с англоязычных изданий, то после появления в Японии преподавателей из России и развития русистики переводчики стали пользоваться книгами на русском языке.

В основу статьи положены материалы русскоязычной прессы Японии и Китая первой половины XX в., хранящиеся в библиотеке Гавайского университета (Гонолулу, США) и Музее русской культуры в Сан-Франциско (США). За помощь в их использовании автор благодарит русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански и заместителя председателя Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкяна. Автор также выражает признательность за содействие при подготовке статьи австралийскому книголюбу Алексею Ивачёву, профессору Кадзухико Саваде (Токио) и уроженке Кобе Ирине (Арине) Долговой.

Исследование и результаты

Ко времени прибытия в Японию постреволюционных эмигрантов из России японцы уже были знакомы с именем А.С. Пушкина. Там уже появились первые переводы его произведений, которые, как считают исследователи, интересовала японцев прежде всего не как русская классика, а как отражение европейского характера, быта и нравов народа незнакомой страны [2, с. 104–105].

Побывал в Японии к этому времени и представитель пушкинской фамилии – лейтенант А.С. Мусин-Пушкин, служивший на фрегате "Диана". После крушения фрегата около японских берегов в январе 1855 г. он участвовал в строительстве шхуны "Хеда" в бухте Симода [10], а затем проявил героизм во время возвращения русских моряков на родину: шла Крымская война, и возле Сахалина их взяли в плен англичане (июнь 1855 г.).

Большую роль в знакомстве японцев с русской литературой сыграл владыка Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин). Будучи настоятелем церкви при русском консульстве в Хакодате (с 1861 г.) и возглавив затем русскую духовную миссию, он придавал особое значение печатному слову. Руководимая им православная миссия в Токио выпустила в свет огромное количество книг. Кроме богословских работ японцы смогли познакомиться и с русской классикой: журналы миссии "Сэйкё симпо" (Православные вести), "Сэйкё Ёва" (Православные беседы), "Уранисике" (Скромность), "Син кай" (Духовное море), "Нива" (Сад), "Нироку симбун" (Круглосуточная газета), "Симэй" (Предназначение) помещали на своих страницах переводы произведений русских писателей и статьи о литературе. Именно в типографии миссии были впервые напечатаны произведения Пушкина и других русских классиков.

Роль владыки Николая как проводника русской культуры в Японии выразилась и в другом. Православная школа, открытая им в Хакодате, духовная семинария и катехизисные училища в Токио стали первыми учебными заведениями, познакомившими японцев с русским языком и русской культурой. Среди их учащихся были и будущие переводчики-русисты: Кониси Масутаро, Сэnuma Каё, Нобори Сёму, Курода Отокити [2, с. 109].

С русской классикой знакомили и в учебных заведениях, где преподавали русские. В Токийском институте иностранных языков, готовившем будущих дипломатов и коммерсантов, профессором литературы был Николай Грей, русский эмигрант, имевший гражданство США. Обладая талантом декламатора, он читал японским студентам отрывки из произведений Пушкина и других русских классиков, а потом просил пересказать или записать услышанное. Программы, разработанные другими преподавателями, также включали в себя заучивание русских классических произведений, постановку спектаклей на их основе. Эта работа принесла плоды: знатоков русского языка в Японии стало больше и переводы произведений Пушкина стали производиться не с англоязычных изданий, как раньше, а с языка оригинала [2, с. 109].

Это продолжилось и после того, как Гражданская война в России выплеснула в азиатские страны тысячи беженцев из Владивостока и других дальневосточных городов. Они предпочитали селиться неподалеку от российской границы, ожидая падения власти большевиков и возможности вернуться на родину. Среди таких приграничных стран была и Япония, имевшая давние тесные связи с российским Дальним Востоком. Наплыв эмигрантов привел к тому, что учебные заведения Японии пополнились русскими педагогами, а изучение русского языка и литературы приобрело новый импульс. В 1920 г., например, русское отделение появилось в университете Васэда (Токио), одном из ведущих в Японии.

С сентября 1924 г. русский язык там преподавала художница Варвара Николаевна Бубнова (1886–1983, Ленинград). Она приехала в Японию в 1922 г. погостить к младшей сестре, которая была замужем за японцем, но задержалась там на 36 лет. Хотя Бубнова не имела никакого опыта в преподавании, она увлеклась новым делом. Как и Н. Грей, она считала, что познавать язык следует на примерах из классической литературы, и разработала собственную систему обучения японских студентов русскому языку, в которой особое внимание уделялось знакомству с творчеством Пушкина. По материнской линии Бубнова принадлежала к старинному роду Вульффов, с представителями которого был дружен поэт, и выделяла его среди других русских классиков.

Любя поэзию, она с большим артистизмом читала на занятиях пушкинские стихи, обучала студентов понимать метафоры и видеть за стихотворной строкой живой образ. "Ее увлечение и любование поэзией были настолько заразительны, – вспоминал один из коллег Бубновой по университету Васэда, – что передавались студентам и доходили до их сердец и умов даже через преграду чужого языка" [4, с. 100]. Результатом 25-летней работы Бубновой в университете стала школа японской русистики, из которой вышли известные переводчики русскоязычной литературы [4, с. 100].

Использовали на занятиях русскую классику и предлагали студентам учить стихи на русском языке, особенно пушкинские, и другие русские педагоги, получившие известность в Японии и оставившие после себя множество благодарных учеников: Д.Н. Рухманов, Р. Унгерн-Штернберг, Вера Ананьина, Марк Разнощиков, Николай Воронцов. Правда, простые японцы не проявляли большого интереса к России, а если он и был, то не шел ни в какое сравнение с трудностями изучения русского языка. Русский язык изучали в основном в военных учебных заведениях: от кадетского корпуса до Высшего Императорского военного училища. Известно, например, что принц Чичибу, брат императора Японии, выучил русский язык в достаточной степени, чтобы узнавать новости из русских газет и читать классическую литературу.

Помимо преподавания В.Н. Бубнова выступала с лекциями, писала статьи о творчестве Пушкина и делала иллюстрации к его произведениям, издававшимся в Японии. Если в первых изданиях "Капитанской дочки" изображения героев носили японские черты, то в рисунках Бубнова они выглядели русскими. Первой ее работой были иллюстрации к "Гробовщику", перевод которого осуществил студент художницы Накаяма Сёдзабуро (1934 г.). Через год Бубнова иллюстрировала переводы на японский язык "Моцарта и Сальери" и "Каменного гостя". Эти графические работы, лаконичные в использовании изобразительных средств, были ёмкими и выразительными. Живя в Японии, художница также подготовила иллюстрации к "Медному всаднику", "Сказке о царе Салтане", "Египетским ночам" и другим пушкинским произведениям [20, с. 29].

Свой вклад в знакомство японцев с творчеством Пушкина внесли и другие художники из России, перебравшиеся в годы военного лихолетья в Японию. Так, здесь оказался Сергей Иванович Щербаков (1894, Харьков –1967, Сан-Франциско), нашедший в японской экзотике мотивы, близкие пушкинской поэзии. Утонченные пейзажи Японии показались художнику созвучными пушкинским сказкам и подтолкнули к созданию ряда работ по их мотивам: "Золотая рыбка и старик", "У Лукоморья дуб зеленый" и др. Они не только украсили книги, но и были напечатаны в виде открыток [20, с. 32-33].

Появление в Японии и Китае эмигрантов из России привело к тому, что произведения Пушкина стали выходить там и на русском языке. Большую лепту в русское книгоиздание внес владивостокский журналист Николай Петрович Матвеев (1865–1941, Кобе). Уроженец японского города Хакодате, он много раз посещал Японию, хорошо знал японскую культуру и имел много друзей среди японцев. С женой и младшими детьми он окончательно переехал в Японию в марте 1919 г. Сначала Матвеев продолжил заниматься журналистикой, а потом переключился на издательское дело [21, с. 150]. В 1921–22 гг. он организовал издательство "Мир", вкладывая в это название не только мечту о прекращении гражданской войны на родине, но и идею о сплочении всех народов Дальнего Востока. До 1925 г. – примерно столько продолжалась издательская деятельность Матвеева – он выпустил несколько словарей, хрестоматию для чтения по русской литературе, сборник стихов А.С. Пушкина. Он считал, что пушкинская поэзия весьма близка японским хайку, и верил, что объединение народов может произойти на почве литературы и искусства.

Занимался Матвеев и распространением литературы на русском языке, предлагая книги как частным лицам, в основном переводчикам и преподавателям, так и организациям: Осакаской школе иностранных языков, учебным заведениям в Токио и Иокогаме, Японо-российской ассоциации, представительству "Нитиро сёдзи" (Японо-российская торговля), библиотектору дальневосточной литературы "Тоёбунко" [19, с. 227]. Благодаря деятельности Матвеева русское книгоиздание и книгораспространение сохранились в Японии и после Второй мировой войны несмотря на то, что русская диаспора к этому времени значительно сократилась.

С именем Пушкина связан феномен русской эмиграции, когда имя поэта стало объединяющим для беженцев из России. Эмигрантские идеологи, задумываясь над проблемой сплочения эмигрантов, выбрали поэта в качестве знамени, под которым россияне из разных социальных слоев и с различными политическими пристрастиями могли бы обрести единство, забыв об идейных разногласиях. Был использован пример русских диаспор в странах Европы, где с 1924 г. проводились Дни русской культуры, приуроченные к дню рождения Пушкина. Вслед за ними этот праздник стали с 1926 г. устраивать и в Японии.

Профессор В.В. Перемилловский, живший в Праге, писал: "И это сугубо Пушкинское празднество – там, в России, и здесь, в русской эмиграции...это будет первый случай, когда обе России будут восторженно славить одного и того же своего поэта! После стольких лет вражды и ненависти настанет день, где те и другие, на один момент, протянут в Пушкине друг другу руки! Пушкин может быть счастлив:

он по-прежнему объединяет собой Русский народ, даже и в эти тягчайшие годы его разъединения" [12, с. 39].

В русских общинах японских городов с большим энтузиазмом восприняли идею ежегодно славить имя Пушкина и охотно разделили лозунги, под которыми проходил праздник: "На Пушкине должно учиться России", "Путь ваш в Россию лежит через Пушкина!" и др. Эмигрантская интеллигенция, обращавшая большое внимание на воспитание подрастающего поколения, быстро поняла, что поклонение Пушкину могло способствовать сохранению русского языка и культуры в чужой стране.

Воспитание детей в русских традициях представляло большую проблему для русских в Японии. Взрослым приходилось работать в поте лица (в основном торгуя вразнос европейскими товарами), и дети чаще всего были предоставлены сами себе. Общаясь с японскими сверстниками, они быстро овладевали японским языком, говоря на родном только с родителями. Русских школ в Японии почти не существовало, и в общинах с первых же лет эмиграции задумывались о собственных школах с преподаванием на русском языке, где дети могли бы усваивать основы русской культуры. "Русские дети в вихре революционных событий временно утратили свою Родину, – писала газета, – но они должны сохранить свою национальность, должны получить национальное воспитание и образование. Мы обязаны помочь им в этом. В этом залог дружбы между японским и русским народами" [3, с. 12].

В Токио хлопоты по созданию школы взял на себя митрополит Сергей (в миру Сергей Алексеевич Тихомиров), руководивший Русской духовной миссией в Японии с февраля 1912 г. Открытая в октябре 1932 г. Русская школа с 22 учениками носила имя А.С. Пушкина. Для мальчиков велись занятия по переплетному делу, с девочками занимались рукоделием. Большое внимание уделялось преподаванию японского языка, в основном письменного. Изучался и английский язык: многим выпускникам предстояло продолжить образование в иностранных школах, и предварительная подготовка была необходима [1, с. 19].

С увеличением числа учащихся школа постепенно стала семиклассной, и к 1936 г. ее преобразовали в Русское национальное высшее начальное училище имени А.С. Пушкина. После того, как Русская православная миссия в Японии представила участок, а русские эмигранты и православные японцы собрали средства, близ кафедрального собора Воскресения Христова (также Свято-Воскресенский собор, Николай-до) началось строительство здания училища. На церемонию освящения 23 февраля 1936 г., несмотря на сильный снегопад, собралось много русских из Токио и Иокогамы. "После официальной части торжества, – писал токийский корреспондент журнала "Рубеж", – родительский комитет предложил собравшимся чашку чая, за которым присутствующие делились радостью – иметь собственное помещение для школы и строили планы дальнейшего содействия токийскому уголку родной национальной культуры" [11, с. 14].

Около семи лет директором Русской школы (училища) был участник Первой мировой и Гражданской войн бывший генерал-майор Павел Петрович Петров. Помимо руководства школой Петров имел должность в Русском общевойсковом союзе в Японии и Обществе русских эмигрантов. Будучи активистом всех Пушкинских праздников, он привлекал к участию в них и учеников.

Ежегодное почитание имени Пушкина возвращало эмигрантов в Россию, воссоздавало в их памяти страницы истории и картины природы, связывало с родными и друзьями, оставшимися на родине. Поэтому и подготовка праздника, и его ежегодное проведение воспринималось с энтузиазмом всеми членами русских общин и стало потребностью. Особенно широко Пушкинские дни прошли в 1937 г., когда русская эмиграция разных стран отмечала столетие со дня смерти поэта. Во всех странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где жили русские, возникали Пушкинские комитеты и организовывались юбилейные мероприятия: торжественные собрания, конференции, лекции, премьеры театральных постановок по

пушкинским сюжетам, праздничные вечера, выставки, издание однодневных газет, произведений Пушкина и книг о его творчестве.

В Китае, где пушкинские торжества проводил Центральный Пушкинский Комитет общественных организаций, 12 февраля 1937 г. на вечере "Пушкин и Россия" в Харбине присутствовали представители всех органов власти, включая японские [18, с. 129]. С размахом юбилейные мероприятия прошли в Калифорнии: их организовал педагог Николай Викторович Борзов. В Корее, где русская община была немногочисленной, юбилейную дату отмечали в дачном поселке "Лукоморье", построенном на побережье Японского моря эмигрантом Юрием Михайловичем Янковским. Эсперантист из Австралии Иннокентий Николаевич Серышев, живший до этого в Японии, посвятил поэту два номера своего журнала "Путь эмигранта" (The Emigrant's Way), органа Объединения русской эмиграции в Австралии: № 16 (октябрь) и № 17 (ноябрь) 1936 г.

В Японии в 1937 г. тоже отмечали столетие со дня смерти поэта. К этим дням было приурочено издание полного собрания сочинений Пушкина в пяти томах, над которым трудились лучшие переводчики Японии. Первый том вышел в свет в день праздника. Был напечатан и сборник лирических стихов Пушкина с иллюстрациями Бубновой: их перевел ее ученик Сусуму Уэда. Литографии этой художницы украсили и другое юбилейное издание, перевод "Пиковой дамы" [4, с. 132].

Вместе с тем организация пушкинских торжеств русской диаспорой Японии была омрачена изменением политической ситуации в стране. Профессор К. Савада пишет: "Это было чрезвычайно трудное время и для русских, проживающих в Японии, и для японских русистов. Сразу после "Дела 26-го февраля" [1936] русским запретили свободно выходить из дому, за ними был установлен постоянный и негласный надзор. Некоторые известные русские были вынуждены получить японское имя и принять японское подданство. Многие японские русисты были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза. Был закрыт один из центров изучения русской культуры в Японии – отделение русской литературы Университета Васэда в Токио. Та же участь постигла и магазин русских книг "Наука" [16, с. 231]. Тем не менее в разных городах Японии, где имелись русские общины: Токио, Иокогаме, Кобе, Осаке, Хакодате, Нагасаки, – пушкинский праздник состоялся, хотя и не такой масштабный, как планировалось.

Пушкинский юбилей в Токио

В Токио организацию юбилейных мероприятий взял не себя митрополит Сергей при поддержке Дмитрия Ивановича Абрикосова, последнего руководителя (1916–25) посольства России в Японии и неформального лидера русской диаспоры. В подготовке торжеств помогали и его бывшие коллеги-дипломаты Николай Иванович Бок, преподававший в Токио русский, немецкий и французский языки, и Павел Георгиевич (Юрьевич) Васкевич, приехавший специально на празднование из Кобе.

Финансовую помощь оказал Владимир Сергеевич Долгов (1898–1955, Токио), игравший в те годы большую роль в русской общине Токио. После участия в Первой мировой и Гражданской войнах он жил сначала в Харбине, а затем в Японии: занимался торговлей, а потом открыл часовую мастерскую. Его друзья писали: "Кропотливо и усердно он наскребал деньги и распространял нуждающимся и обремененным, попросив тех, кто получал помощь, не говорить об этом. Никто за исключением тех, кто получил помощь, не знал о его добром сердце. Они только узнали об этом после его смерти. Он обладал прекрасным характером и доброй улыбкой, которая всегда сверкала на его лице. Владимир Сергеевич был скромным и трудолюбивым на протяжении всей своей жизни" [6, с. 2]. В благотворительности Долгову помогала жена Елена Николаевна Долгова (1900–1981, Токио), известная общественная деятельница в Токио.

10 февраля митрополит Сергей провел торжественную панихиду в Свято-Никольском храме. Имя Пушкина славили и в других крупных православных церквях по всей Японии. На другой день в помещении Христианского союза молодых людей, расположенного недалеко от собора Воскресения Христова, состоялся торже-

ственный вечер памяти поэта. Его открыл директор Русской школы П.П. Петров, а со вступительным словом выступил митрополит Сергей. Владыка очень любил русскую классику и часто использовал ее в своих проповедях. После официального начала вечер продолжился художественной частью. Ученики Русской школы прочитали несколько пушкинских стихотворений, а артисты-любители показали сценки из "Бориса Годунова". В первой, "Келья в Чудовском монастыре", выступили Степан Михайлович Салаяев в роли Пимена и И.Л. Сисикин в роли Григория. Во второй сцене, "У фонтана", играли Анна Дмитриевна Друцкая ("Самозванец") и ее дочь Екатерина Аркадьевна (Китти) Славина ("Марина").

А.Д. Друцкая-Соколинская (в замужестве Розвадовская) училась театральному мастерству в Малом театре в Москве, после чего была драматической актрисой Варшавского Императорского театра. В 1917 г. вместе с двумя дочерьми она приехала в Японию, где создала театральную труппу, которая много гастролировала по всей стране. Она также преподавала в театральной школе кинокомпании "Сётику". Ее дочь Е.А. Славина (в замужестве Браун) в 1920 г. поступила в кинокомпанию "Сётику" и до землетрясения 1923 г. сыграла главные роли в пяти кинофильмах. Она стала и первым в Японии иностранным профессиональным педагогом японских традиционных танцев.

Вторую часть торжеств генерал Петров открыл докладом "Пушкин, Россия и эмиграция", в котором отметил значение пушкинского юбилея для всех выходцев из России. Рассказал он и о том, как отмечают эту дату русские беженцы в других странах, подчеркнув важность пушкинских праздников для подрастающего поколения и сохранения русского языка в эмиграции. Музыкальной частью руководил Павел Михайлович Виноградов (1888–1974, Токио), получивший образование в Московской консерватории. Прибыв в 1916 г. во Владивосток, он организовал музыкальную школу с преподаванием по программе консерватории и редактировал основанный им журнал "Музыка" (1920). В 1921 г., уехав на гастроли в Японию, Виноградов в Россию не вернулся. Он преподавал в Токийском музыкальном училище и Музыкальной академии Мусасино (Musashino Ongaku Daigaku), открытой в 1929 г.

Музыкальная часть была представлена концертной парафразой Павла Пабста на темы из оперы П.И. Чайковского "Евгений Онегин" в исполнении Валентины Васильевны Белоусовой. Пианистка окончила музыкальный техникум в Харбине, где оказалась вместе с родителями в 1923 г., а затем училась у знаменитого музыканта Лео Сироты в Токийской школе музыки, первом в Японии высшем музыкальном учебном заведении, где тот с 1929 г. руководил фортепьянным отделением.

Завершило вечер выступление Георгия Ивановича Черткова, писавшего статьи под псевдонимами "Оргинский" и "ГИЧ". Участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1917–1922 гг. Чертков командовал ротой стрелков в Сибирской флотилии, входил в Сибирское правительство А.В. Сазонова во Владивостоке. Русская диаспора в Японии знала его как общественного деятеля: он был уполномоченным главы русской эмиграции на Дальнем Востоке по городам Токио и Иокогама, членом организации сибиряков-областников. В феврале 1923 г. Чертков организовал в Токио информационное бюро и издавал еженедельные бюллетени с обзором японской прессы по русским вопросам. Он также публиковал статьи в харбинской газете "Заря", журнале "Рубеж" и других изданиях. Его попытка издания ежемесячного журнала "Вестник Азии" оказалась неудачной, и Чертков стал представителем бельгийского концерна "Метал-люнион", поставлявшего в Японию станки и металлы (1937), и английской компании "Котин Продакс Лтд" (с 1937).

В пушкинских мероприятиях в Токио участвовали педагоги Алексей Алексеевич Вановский (1874–1967, Токио) и Гали Григорьевна Подставина (1902–69, Токио). Вановский подпоручиком участвовал в Первой мировой войне, затем служил в Хабаровске. В 1918 г. его демобилизовали по болезни и отправили на лечение в Японию, где он и остался, начав преподавать русский язык и литературу в университете Васэда. Он интересовался философией, религией и японскими литературными памятниками. В научной работе Вановского нашли отражение и пушкин-

ские темы. Так, статью "Зеркало судьбы: Сон Татьяны" он опубликовал в первом сборнике "На Востоке", посвященном вопросам культуры народов Востока (Токио, 1935).

Г.Г. Подставина, дочь известного профессора-корееведа Г.В. Подставина, до отъезда с родителями из Владивостока в Харбин училась на историко-филологическом факультете Государственного дальневосточного университета. В 1923–30 гг. она преподавала русский язык в Харбинской (Деповской) школе, а затем в институте "Харбин-Гакуин" (1930–45). "Я сразу же стала писать учебники для своих уроков, – вспоминала Подставина, – и постепенно выработался объем знаний, необходимый для каждого курса. 10 лет мудрого руководства русским отделением интеллигентного, умного, образованного и очень уважаемого г. Пиовезана сделало то, что о нашем маленьком отделении стали узнавать в Токио и говорить о нем..." [13, с. 5]. Переехав в 1955 г. в Японию, Подставина стала лектором в Институте "София". В качестве примеров русской грамматики и лексики она использовала пушкинские строки, что видно из ее лекций по русскому языку в "Харбин-Гакуин", изданных в Токио (1984. 46 с.). В преддверии юбилея она посвятила несколько занятий разбору произведений А.С. Пушкина.

Торжества русской токийской общины в честь столетия со дня смерти Пушкина имели продолжение: через месяц в Токио был организован Русский кружок любителей литературы и искусства. После этого в течение нескольких лет духовно-культурная жизнь русских эмигрантов в Японии процветала [16, с. 233].

Пушкинский юбилей в Кобе

Другим центром Пушкинского юбилея был Кобе, второй после Токио город с большой русской общиной. Столетие со дня смерти поэта русские эмигранты в Кобе торжественно отметили 10 февраля 1937 г. литературно-вокальным вечером. Если в столице Японии центром общения русских был православный собор Николай-до, то в Кобе они в основном встречались у кого-то дома и только для крупных мероприятий снимали просторное помещение. Для Пушкинского вечера был арендован огромный зал Кай-им-канкан, где собрались не только русские, но и другие иностранные жители города. Не остались в стороне и японцы-любители творчества знаменитого поэта [23, с. 16].

Большой доклад о жизни и творчестве великого русского поэта сделал Андрей Лукич Ломаев (? – 1945, Кобе), первый председатель Русского эмигрантского общества в Кобе, созданного в 1930 г. Он преподавал в Институте иностранных языков в Осаке, но русским был больше известен как основатель и директор начальной школы в Кобе. В ее подготовительном и первых четырех классах учились десять детей при трех преподавателях. Занятия велись по программе реальных училищ в послеобеденное время, так как утренние часы все учащиеся проводили в иностранных школах.

Свое стихотворное "Слово о Пушкине" прочитал Н.П. Матвеев, а с заключительным словом выступил А.Д. Устинович. Собравшиеся тепло приняли участников концертного отделения. "Лавры, – как сообщал русскоязычный журнал, – достались М.Н. Кривушиной (декламация), артистке оперетты О. Карасуловой, врачу Томашичу (скрипка). Выступил хор под управлением К.А. Андреева и Вячеслава Адольфовича Соколовский (рояль). Очень понравились публике две сцены из пушкинского произведения – "Келья в Чудовом монастыре" и "В корчме", в которых особенный успех выпал на долю Загорской, Баранцева и Пищальникова" [23, с. 17].

Ольга Петровна Карасулова, окончив Московскую консерваторию по классу рояля, училась пению в Париже, а затем выступала в Одессе и Киеве. В Японии она оказалась после гастролей в Харбине (1925). Поселившись в Кобе, она открыла оперную студию в соседнем городке Такарадзука, известном своим театром, и много гастролеровала, выступая с концертами в Японии и Китае.

Хоровая студия русской общины Кобе, основанная в 1936 г., была самой молодой из всех участников вечера. Инициатором ее создания был приглашенный из Харбина регент Успенно-Богородицкой церкви Константин Антонович Андреев. Ему удалось организовать любительский хор из местных эмигрантов, и выступле-

ние на вечере памяти А.С. Пушкина было дебютом хористов перед большой аудиторией.

По-разному сложились судьбы участников исторического Пушкинского юбилея. В 1940 г. в Японии вступил в силу "Закон о религиозных организациях", и митрополит Сергей вынужденно сложил с себя обязанности главы Японской православной церкви, а в 1941 г. совсем покинул ее. Бывший дипломат Д.И. Абрикосов сначала уехал к своему коллеге П.Г. Васкевичу в Кобе, а после окончания Второй мировой войны перебрался в Калифорнию, где писал мемуары, вышедшие в свет уже после его смерти в 1951 г.

Е.А. Славина в 1940 г. вместе с мужем поехала в Сан-Франциско, чтобы выступить с танцами на Международной выставке в Голденгейт (Golden Gate), но началась Тихоокеанская война, и она осталась в Америке. Проведя несколько удачных спектаклей с демонстрацией танцев стран Дальнего Востока, она пыталась организовать в Лос-Анджелесе русский театр.

Г.И. Чертков после Японии жил в Китае (1940–49) и работал аудитором департамента финансов в муниципалитете Шанхая. В 1950 г. он уехал в Бразилию, а в 1951 г. эмигрировал в США, где и скончался в 1983 г. в Глен-Кове, штат Нью-Йорк. В Америке окончилась жизнь и ряда других активистов русской диаспоры Японии: Н.И. Бока (1962, Нью-Джерси), П.П. Петрова (1967, Сан-Франциско), артиста-любителя С.М. Саляева (1964, Сан-Франциско). Кто-то, как пианистка В.В. Белоусова, репатриировались в СССР.

Заключение

Анализ жизни русских людей в Японии в первой половине XX в. приводит к выводу о большом значении для них имени А.С. Пушкина. Почитая поэта как первого среди классиков русской словесности, россияне издавна использовали его произведения для знакомства японцев с русской литературой и обучения их русскому языку. Вместе с тем с окончанием Гражданской войны и появлением в Японии русских беженцев произошла некоторая трансформация отношения к имени А.С. Пушкина. Эмигранты стали считать поэта символом утраченной родины, находя в его произведениях отражение русской души, родного языка и культуры, с чем они в первую очередь связывали сохранение духовной жизни и самоутверждение в условиях эмиграции.

Этим воспользовались эмигрантские идеологи: стремясь сплотить эмигрантов, разобщенных по политическим взглядам и идейным пристрастиям, они сделали имя поэта знаменем, под которым смогли обрести единство разные группы выходцев из России. Ежегодные Дни русской культуры под именем Пушкина, проводимые в Японии вслед за Европой с 1926 г., и торжества по поводу юбилейных дат, связанных с именем поэта, объединяли членов русской диаспоры, позволяя им чувствовать себя представителями единой культуры. Особенно показательными в этом отношении были торжества 1937 г. по поводу столетия смерти Пушкина. Интеллигенция видела в этих праздниках способ воспитания детей, которые в чужой стране легко поддавались ассимиляции, утрачивая при тесном общении с японскими сверстниками русский язык и культурные традиции.

С другой стороны, на протяжении всего периода пребывания русских в Японии они способствовали популяризации произведений А.С. Пушкина и других классиков русской литературы. Благодаря преподавателям русского языка в Японии получила развитие русистика, что, в свою очередь, привело к росту интереса японцев к русской словесности и улучшению качества переводов русской классики. Учащиеся русских школ и студенты-русисты знакомили японцев с творчеством Пушкина и других авторов, используя их произведения для своих постановок. Свой вклад в распространение знаний о поэте и издание его произведений в Японии внесли также эмигранты-художники, издатели и распространители русской литературы.

Литература

1. Аргус. Русская школа в Токио // Рубеж. 1932. № 50 (10 дек.). С. 19, ил., портр.
2. Бреславец Т. И. А. С. Пушкин и японская классика // Известия Восточного Института. Владивосток, 2004. № 8. С. 103–110.
3. Деятельность русских эмигрантских объединений в Японии // Синтоа Цусин. Токио, 1930. 13 апр. С. 11–12.
4. Кожевникова И. П. Варвара Бубнова – русский художник в Японии. М.: Наука, 1984. 224 с.: ил.
5. Кондрашева Е. Азиатский путь русского гения, или Слово о Пушкине // Мой университет. 2012. № 3 (10). С. 20–24. URL: <http://muniver.khstu.ru/obrazovanie-xxi-veka/2012/08/22/aziatskij-putrusk-ogoniya-ili-slovo-o-pushkine/> (дата обращения: 16.04.2023).
6. Курбский И. Б.н. // Жизнь и Дальний Восток. Токио, 1956. 15 апр. С. 2.
7. Лифарь С. М. Моя зарубежная пушкиниана. Пушкинские выставки и издания. Париж: [б. и.], 1966. 187, [2] с.: ил.
8. Лю Янькунь. Функционирование творчества А.С. Пушкина в Китае. Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Пермь, 2019. 22 с.
9. Мамонов А. С. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984. 328 с.
10. Мусин-Пушкин А. Еще замечания о построении шхуны "Хеда" // Морской сборник. 1856. № 6. С. 6–7.
11. Оргинский Г. [Чертков Г. И.] Русские в Токио – со своей школой // Рубеж. 1936. 28 марта. С. 14.
12. Перемиловский В. Беседы о русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой. Прага: Изд. "Рус.-Маньчжур. Книготорговли" в Харбине, 1934. 239 с.
13. Подставина Г. Мой педагогический путь: [рукопись]. Б.г., б.м. 6 с.
14. Пушкин в странах зарубежного Востока: Сб. статей. М.: Наука, 1979. 231 с.
15. Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 354 с.
16. Савада К. 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина в Токио – Из истории русской эмиграции в Японии // Савада К. Исследования истории русско-японских отношений и новые материалы к ним (середина XIX – середина XX веков). Сайтама, Япония, 2007. Вып. 2 (май). 238 с.
17. Садокова А. Р. У истоков русско-японских литературных связей // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2018). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. С. 4–7. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14564> (дата обращения: 16.07.2023).
18. Семенова Т. А. А. С. Пушкин как символ потерянной России: Память о поэте в среде российских эмигрантов в Харбине // Человек в мире культуры. 2017. № 2–3. С. 127–130.
19. Синьити Хияма, Моргун З.Ф. Жизнь Н.П. Матвеева в эмиграции в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного гос. ун-та. Владивосток, 1997. № 5. С. 213–231.
20. Хисамудинов А. А. Русские художники в Японии // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. № 3. С. 28–35.
21. Хисамудинов А. А. Писатель, журналист и издатель Николай Матвеев в России и Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 145–156.
22. Чельшев Е. П. Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода // Пространство и Время: альманах. Электр. научное издание. Т. 10. Вып. 1. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (дата обращения: 12.01.2023).
23. Шляпин А. Русский пушкинский вечер в Кобе // Рубеж. 1937. № 10 (6 марта). С. 16–17.

References

1. Argus. Russian school in Tokyo // Rubezh, 1932. No. 50 (10 Dec.). P. 19, il., portr. (In Russ.).
2. Breslavets T. I. A.S. Pushkin and Japanese classic literature // Oriental Institute Journal. 2004. No. 8. P. 103–110. (In Russ.)
3. Activity of Russian emigrants' organisations in Japan // Sintoa Cusin. Tokyo. 1930, 13 April. P. 11–12. (In Russ.).
4. Kozhevnikova I. P. Varvara Bubnova as the Russian artist in Japan. Moscow: Nauka, 1984. 224 p.: il. (In Russ.).
5. Kondrasheva E. The Russian genius's way in Asia, or The word about Pushkin // My university. 2012. No. 3 (10). P. 20–24. URL: <http://muniver.khstu.ru/obrazovanie-xxi-veka/2012/08/22/aziatskij-putrusk-ogoniya-ili-slovo-o-pushkine/> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)
6. Kurbskij I. B.n. ZHizn' i Dal'nij Vostok (Life and the Far East). Tokio, 1956, 15 Apr., p. 2. (In Russ.).
7. Lifar' S. M. My Pushkin studies abroad. Pushkin's exhibitions and editions. Paris, 1966. 187, [2] p.: il. (In Russ.).
8. Lyu YAn'kun'. A. S. Pushkin's works in China. Avtoref. diss. ...kand. philolog. science. Perm', 2019. 22 p. (In Russ.).

9. Mamonov A. S. Pushkin in Japan. Moskva: Nauka, 1984. 328 p. (in Russ.).
10. Musin-Pushkin, A. Some notes about "Heda" construction. Morskoj sbornik. 1856. No. 6. Mixture. P. 6–7. (In Russ.).
11. Orginskij G. [Chertkov G. I.] The Russians in Tokyo have their own school. Rubezh. 1936. 28 March. P. 14. (In Russ.).
12. Peremilovskij V. Lectures on Russian literature. Pushkin, Lermontov, Gogol', Turgenev, Goncharov, L. Tolstoj. Praga: "Russo-Man'chzhur. Knigotorgovlia" v Harbin, 1934. 239 p. (In Russ.).
13. Podstavina G. My way in teaching [manuscript]. No date. 6 p. (in Russ.).
14. Pushkin in the foreign East: Collection of articles. Moskva: Nauka. 1979, 231 p. (In Russ.).
15. Rekho K. Russian classics and Japanese literature. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1987. 354 p. (In Russ.).
16. Savada K. The centenary of Pushkin's death in Tokyo. The history of Russian emigration to Japan // Savada K. Research on the history of Russo-Japanese relations and new materials (middle XIX – middle XX centuries). Sajtama, Japan, 2007. Vol. 2 (May). 238 p. (In Russ.).
17. Sadokova A. The beginning of Russo-Japanese connections in literature. Philology and linguistic problems and perspectives: materials of the 3d International conference (Saint-Petersburg, Nov. 2018). Saint-Petersburg: Svoje izdatel'stvo, 2018. P. 4–7. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14564> (accessed 16.07.2023). (In Russ.).
18. Semenova T. A. Pushkin as a symbol of lost Russia. Remembering the poet by Russian emigrants in Kharbin // Individual in the world of culture. 2017. No. 2–3. P. 127–130. (In Russ.).
19. Sin'iti Hiyama, Morgun 3. F. N. P. Matveev's life in Japanese emigration // Oriental Institute Journal. 1997. No. 5. P. 213–231. (In Russ.).
20. Khisamutdinov A. A. Russian artists in Japan // Visual art in Ural, Sibiria and the Far East. 2020. No. 3. P. 28–35. (In Russ.).
21. Khisamutdinov A. A. Writer, journalist and publisher Nikolaj Matveev in Russia and Japan // Far Eastern Studies. 2016. No. 3. P. 145–156. (In Russ.).
22. Chelyshev E. P. The history of understanding Pushkin's texts. Space and time: electronic almanac. Vol. 10. Iss. 1. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (accessed 12.01.2023) (In Russ.).
23. Shlyapin A. Russin Pushkinn's meeting in Kobe // Rubezh. 1937. No. 10 (6 March). P. 16–17. (In Russ.).

Наталья Владимировна ХИСАМУТДИНОВА, д-р ист. наук, профессор Института педагогики и лингвистики Владивостокского государственного университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: Natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Natalia V. KHISAMUTDINOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Pedagogy and Linguistics, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, e-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 15.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев "корёин маиль" в Южной Корее

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vakulenco@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев в Южной Корее, проведённого в период с октября 2022 г. по декабрь 2023 г. В результате проделанной работы автор изучил историю появления термина и самого феномена корёин маиль в Южной Корее, а также предложил своё определение корёин маиль, выявил ряд общих характеристик этих этнокультурных анклавов и попытался выработать их базовую классификацию.

Ключевые слова: Южная Корея, корё сарам, корёин маиль, этнокультурный анклав, трудовая миграция, зарубежные соотечественники

Для цитирования: Акуленко В.С. Феномен этнокультурных анклавов русскоязычных корейцев "корёин маиль" в Южной Корее // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

The Phenomenon of Ethnocultural Enclaves of Russophone Koreans "Koryöin Maül" in South Korea

Vadim S. AKULENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vakulenco@mail.ru

Abstract. This article details the findings of a study conducted from October 2022 to December 2023 on the ethnocultural enclaves of Russophone Koreans in South Korea. The research delves into the historical origins of the term "Koryöin Maül" proposes a refined definition. It identifies key characteristics shared by these enclaves and introduces a preliminary classification scheme. Distinguished by a strong ethnic presence and a somewhat insular community formed around a common language (Russian) and shared cultural practices, the "Koryöin Maül" can be defined as ethnocultural enclaves. These areas are self-determined and universally recognized among their residents. Through my research, I have concluded that the "Koryöin Maül" I studied share a number of common characteristics. They all have distinct boundaries, formed by both terrain features and patterns of residential development. These neighborhoods also house a significant number of ethnic businesses, whose success largely hinges on the customer base formed within the ethnic enclave itself.

Keywords: South Korea, Koryo-saram, Koryöin Maül, ethnocultural enclave, labor migration, foreign compatriots

For citation: Akulenko V.S. The Phenomenon of Ethnocultural Enclaves of Russophone Koreans "Koryöin Maül" in South Korea // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 51–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/51-63>

Введение

По информации Минюста Республики Корея, число русскоговорящих корейцев из стран постсоветского пространства, находящихся на территории страны по визе зарубежного соотечественника (F-4), составляет более 79 тыс. человек [9]. Если же к этому числу добавить всех тех, кто уже получил южнокорейское гражданство, либо обладает другим типом визы, их общее число оценивается в более чем 100 тыс. человек. Большая их часть проживает в довольно многочисленных и стабильных сообществах, получивших в настоящее время название "корёин маиль", что может быть примерно переведено на русский язык как "квартал русскоговорящих корейцев".

Изучение вопроса появления термина "корёин маиль" в южнокорейской научной литературе показало, что впервые он мог быть применён в 2007 г. в статье Ким Сонгуна [8], однако тогда он использовался при описании небезызвестной "деревни Дружба" (Учжон маиль) в приморской Михайловке недалеко от Уссурий-

ска. Позднее он был использован также в работе Им Ёнсана и Майи Пак о "новом Кореатауне" в Ташкенте [11]. Таким образом, термин "корёин маыль" возник для обозначения мест компактного проживания русскоговорящих корейцев за пределами Южной Кореи, возможно, как калька более известного в научной литературе термина "Koreatown".

В южнокорейских границах название "корёин маыль", похоже, было вначале применено к отдельной русскоговорящей общине, проживающей в районе Вольгок-тон города центрального подчинения Кванчжу. В 2014 г. там была образована и зарегистрирована некоммерческая организация "Корёин маыль", чьё название постепенно стало именем нарицательным, обозначающим вообще все места компактного проживания русскоговорящих корейцев, число которых во второй половине 2010-х гг. начало стремительно расти.

При этом нельзя не отметить, что корёин маыль не стоит понимать слишком узко как место проживания только русскоязычных корейцев. После переселения в Южную Корею корё сарам¹ не утратили свои социальные и родственные связи, что нередко приводило к переезду вслед за ними родственников, друзей и даже знакомых, зачастую обладающих иной этничностью. Кроме того, русскоязычные корейцы нередко вступают в межэтнические браки. В этой связи автор предлагает трактовать корёин маыль более широко, как район компактного проживания сообщества русскоязычных мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которого являются русскоязычные корейцы.

Сообщество корёин маыль формируется на основе общности языка (русского) и культуры повседневности, а также хорошо ощущается в городской среде благодаря наличию русскоязычных вывесок и объявлений и специфическому облику его жителей. Подобные корёин маыль районы городов, как правило, выделяются самими горожанами как места жизни конкретных городских сообществ [3, с. 28]. Важной частью корёин маыль являются этнические бизнесы, успех и конкурентоспособность которых основываются на потоке клиентов определённых этнических групп, обладающих специфической бытовой культурой. Наличие этнических бизнесов является одним из важных свойств этнокультурного анклава [4], что вместе с уже перечисленными выше характеристиками корёин маыль позволяет определить их именно так.

Этнокультурный анклав является способом структурной интеграции, который обеспечивает возможность экономической мобильности его населения, не требующей от мигрантов адаптации к культурным практикам принимающего сообщества [5, с. 66]. Значительная часть жителей корёин маыль обладает низким знанием языка и институтов принимающей страны. Для них родным и главным языком общения является русский язык, и даже спустя несколько лет проживания в Южной Корее уровень владения корейским языком продолжает быть удивительно низким. Этому способствуют различные факторы, далеко не последним из которых является наличие большого числа посредников, в том числе из числа русскоговорящих корейцев, которые готовы за определённую плату обеспечить коммуникацию жителей корёин маыль с официальными институтами или представителями автохтонного населения. Различные офисы и конторы, специализирующиеся на таком посредничестве, – важная часть инфраструктуры корёин маыль.

Значимой характеристикой этнокультурного анклава являются его внешние проявления, позволяющие выделить его границы в городском ландшафте. Ежедневные виды, звуки и взаимодействия, которые наблюдаются в публичных местах этнокультурных анклавов, отражают культуру определённой группы населения [4]. В корёин маыль хорошо заметна смесь элементов повседневной культуры стран Центральной Азии, России и самих корё сарам. Этот этнокультурный анклав легко узнать по вывескам и объявлениям, написанным преимущественно на рус-

¹ Корё сарам – самоназвание большей части этнических корейцев на постсоветском пространстве.

Провинция/город центрального подчинения	Число обладателей визы F-4 из стран постсоветского пространства (чел.) / их доля от общего числа
пров. Кёнги	30 309 / 38.25%
пров. Южная Чхунчхон	12 322 / 15.55%
г. Инчхон	10 102 / 12.75%
пров. Северная Чхунчхон	6 002 / 7.57%
пров. Южная Кёнсан	5 121 / 6.46%
пров. Северная Кёнсан	4 292 / 6.46%
г. Кванчжу	3 912 / 4.94%
г. Сеул	2 268 / 2.86%
г. Пусан	1 546 / 1.95%
г. Тэгу	1 462 / 1.85%
г. Ульсан	498 / 0.63%
пров. Канвон	355 / 0.45%
пров. Северная Чолла	328 / 0.41%
пров. Южная Чолла	315 / 0.40%
г. Тэчжон	133 / 0.17%
пров. Чечжу	79 / 0.10%

Табл. 1. Распределение русскоговорящих корейцев со статусом визы F-4 по территории Южной Кореи в порядке убывания численности.

Источник: [9].

Table 1. Distribution of Russian-speaking Koreans with F-4 visa status across South Korea by descending order of population.

Source: [9].

ском языке и с применением кириллицы, широкому использованию русского языка в повседневном общении и специфическому облику жителей.

Несмотря на то, что корёин маыль – это достаточно новый для Южной Кореи феномен, начавший формироваться в 2010-е гг., проведённое исследование позволяет предположить, что общее число подобных этнокультурных анклавов в настоящий момент может достигать более одного десятка. В то же время, по мнению южнокорейского исследователя Им Ёнсана, в настоящий момент количество корёин маыль вплотную приблизилось к тридцати [12]. Такой разброс в оценке объясняется, во-первых, отсутствием чёткого определения того, что можно называть корёин маыль, а во-вторых, большой разницей в уровне развития местных русскоязычных сообществ.

Принимая во внимание предложенное выше определение корёин маыль как этнокультурного анклава русскоязычных мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которого являются русскоязычные корейцы, для выделения корёин маыль можно применить соответствующие инструменты.

Индекс локализации, использующийся в социально-географических исследованиях для выделения районов с существенным превышением средней доли по стране или городу определённой группы, известный также как метод "двойной доли" [1, с. 378], позволил обнаружить места компактного проживания русскоязычных корейцев в Южной Корее.

Рис. 1. Расположение крупных корёин маыль на территории Южной Кореи.

Источник: составлено автором в Google Maps.

Fig. 1. Location of major Koryoin Maeul within South Korea.

Source: compiled by the author in Google Maps.

Обнаруженные таким образом места компактного проживания русскоязычных корейцев были обследованы в ходе полевого этапа с использованием методики Ю.Ф. Кельман, предполагающей группировку всей полученной информации по 12 группам с последующей оценкой их выраженности [2, с. 60].

Для анализа истории развития этнокультурных анклавов была изучена имеющаяся научная литература по данной теме. К сожалению, как в русскоязычных, так и зарубежных работах данный феномен изучен очень слабо, и главным образом предпочтение в них отдаётся исследованию наиболее крупных и организованных корёин маыль в городах Кванчжу, Ансан и Инчхон. В этой связи важное место в подготовке работы заняли полуструктурированные интервью с представителями местных общин.

В ходе предварительной стадии исследования была изучена научная литература и сообщения прессы, проанализированы статистические данные и проведены предварительные обследования предполагаемых мест расположения этнокультурных анклавов с использованием картографических сервисов Daum Map и Какао Мар.

Фото 2. Квартал "вилл" в г. Ансон.

Источник: фото автора.

Foto 2. The "Villa" Quarter in Anson.

Source: Author's photo.

В ходе полевого этапа, проведённого в период с октября 2022 по декабрь 2023 гг., была выполнена фото и видео фиксация предполагаемых мест локализации корёин маыль в городах Ансон, Асан, Инчхон, Чхончжу, Кёнчжу, Кимхэ, Пусан, Кванчжу, Тонхэ, Тэгу и Хвасон, а также полуструктурированные интервью с членами местных русскоязычных сообществ. Во время этого этапа маршрут следования записывался при помощи Garmin GPS service.

Полученный таким образом данные были обработаны и проанализированы на финальном этапе.

История появления корёин маыль

Как уже было отмечено во введении, само название этнокультурных анклавов, ядром которых являются русскоязычные корейцы, появилось не так давно. Однако феномен формирования русскоязычных сообществ на территории Южной Кореи зародился гораздо раньше. Ещё в 1990-е гг. вслед за нормализацией и установлением официальных дипломатических отношений между Южной Кореей и странами бывшего СССР туда начали всё чаще прибывать граждане этих государств, среди которых были и этнические корейцы. Возможно, основу процесса формирования первых сообществ русскоязычных корейцев на территории Южной Кореи заложила репатриация сахалинских корейцев, начавшаяся во второй половине 1990-х гг. Наличие недвижимости и статуса граждан Южной Кореи в немалой степени облегчило переезд вслед за ними их младших родственников. А знание корейского языка, которое было утрачено сахалинской диаспорой в наименьшей степени, не только помогало в адаптации в принимающем сообществе, но и в дальнейшем позволило им сыграть роль посредников между автохтонным населением и государственными и частными институтами, с одной стороны, и русскоязычными мигрантами – с другой.

С начала 2000-х гг. в Южную Корею всё чаще начинают приезжать и т.н. корё сарам – потомки корейцев, депортированных в Среднюю Азию в 1937 г. В те годы они ещё не обладали правом на получение специфических видов виз для зарубеж-

Рис. 2. Картограмма корёин маыль в волости Синчан г. Асан.

Источник: составлено автором в Google Earth.

Fig 2. Map scheme of Koryoin Maeul in Sinchang Township, Asan City.

Source: Created by the author in Google Earth.

ных соотечественников (Н-2 и F-4), поэтому многие работали нелегально, периодически или постоянно приезжая по туристической визе. В этот период трудовая миграция носила челночный и сезонный характер, а сами гастарбайтеры предпочитали ездить в одиночку, оставляя семью в местах своего постоянного проживания. В таких условиях формирование устойчивых сообществ, каковыми, безусловно, являются корёин маыль, было невозможно.

Однако ситуация начала меняться после 2007 г., когда началась реализация системы выдачи рабочих виз Н-2 для зарубежных соотечественников, позволившая им легально работать и проживать на территории страны более года (максимальный период пребывания – 4 года и 10 месяцев) [10, с. 95-100]. А после 2012 г. русскоговорящие корейцы из стран постсоветского пространства получили возможность получать и визу для зарубежных соотечественников F-4. Именно в это время картографические сервисы Какао Мар и Naver Мар начинают фиксировать появление первых этнических бизнесов, открытых русскоязычными мигрантами, в местах будущего появления многих современных корёин маыль. Усиление миграции русскоязычных корейцев в дальнейшем, на мой взгляд, с одной стороны, связано с ухудшением экономической ситуации на постсоветском пространстве, а с другой – с расширением с 2017 г. возможности для пребывания на террито-

рии Южной Кореи для русскоязычных корейцев вне зависимости от принадлежности к т.н. первым трём поколениям (отсчитывается с момента освобождения Кореи 15 августа 1945 г.) и закреплением этой возможности на законодательном уровне [6].

Таким образом, в 2010-е гг. изменения в южнокорейском законодательстве позволили русскоязычным корейцам переезжать в Южную Корею целым семьям в составе нескольких поколений, что обусловило появление постоянного населения в сообществах, ставших в будущем основой для формирования корёин маыль. Дополнительным фактором, педалирующим развитие данного процесса, стала ухудшающаяся экономическая ситуация на постсоветском пространстве. Растущее русскоязычное население, обладающее специфическими пищевыми привычками и бытовой культурой, стало благоприятной средой для роста этнических бизнесов. Именно после 2012 г. отмечается появление в будущих корёин маыль первых кафе и магазинов, ориентированных на удовлетворение их потребностей. Рост специфической инфраструктуры, в свою очередь, привлекал в растущий этнокультурный анклав всё большее число русскоязычных мигрантов, не все из которых обязательно являются этническими корейцами.

Корёин маыль на карте Южной Кореи

Русскоговорящие корейцы, формирующие ядро этнокультурного анклава корёин маыль, находятся на территории Южной Кореи в различном статусе. Среди них есть те, кто уже получил южнокорейское гражданство или вид на жительство, вступил в брак с гражданином Южной Кореи, а также получил визу зарубежного соотечественника, рабочую визу или визу сопровождающего лица. К сожалению, есть и те, кто находится на территории южнокорейского государства незаконно. Из всех этих статусов наиболее многочисленной категорией, согласно данным Минюста, являются обладатели визы зарубежного соотечественника (F-4). Данный статус позволяет этническим корейцам, которые не являются гражданами Южной Кореи, проживать на её территории практически неограниченный период времени. По состоянию на конец декабря 2023 г. в Южной Корее был зарегистрирован 79 241 обладатель данного статуса, имеющий гражданство одной из стран бывшего СССР.

Как видно из таблицы №1, подавляющее число русскоговорящих корейцев со статусом визы F-4 (42 679 чел. / 53,91%) проживает в столичном регионе (пров. Кёнги, г. Сеул, г. Инчхон). В находящихся немного южнее провинциях Северная и Южная Чхунчон располагается ещё примерно четвертая их часть. Ещё одним центром локализации являются провинции Северная и Южная Кёнсан и расположенные здесь крупные города Тэгу, Пусан и Ульсан. И единственным местом, где обнаруживается значительное число русскоязычных корейцев в юго-западной части Южной Кореи, является Кванчжу.

Фото 2. Объявление о недопустимости неправильной утилизации мусора (г. Кёнчжу).

Источник: фото автора.

Foto 2. Notice on the prohibition of improper waste disposal (Gyeongju City).

Source: Author's photo.

Интересно, что пропорции распределения русскоязычных корейцев по территории Южной Кореи отличается от тех, что можно видеть у этнических корейцев из КНР, имеющих тот же тип визы. Так, большинство из них живет в столичном регионе (82,84%), и лишь 7,83% и 6,12% предпочитают провинции Северная и Южная Чхунчхон и Северная и Южная Кёнсан соответственно [9]. Ещё одна заметная категория иностранцев – вьетнамцы, напротив, довольно равномерно распределены по территории Южной Кореи и, согласно статистическим данным, более всего предпочитают юго-восточные провинции Северная и Южная Кёнсан (45%), в то время как лишь треть из них проживает в столичном регионе. Причины таких различий в моделях распределения по территории Южной Кореи могут быть связаны с несколькими факторами, среди которых тип занятости и знание языка, скорее всего, имеют первостепенное значение.

При этом внутри отдельных городов и провинций не всегда возможно выделить район со значительным числом проживающих там русскоязычных корейцев. Типичными в этом смысле кейсам являются столица Южной Кореи Сеул и "морские ворота Южной Кореи" – Пусан, где нет ни одного городского района, где число русскоговорящих превышало бы 500 человек и составляло хоть сколь значительную долю местных жителей. В то же время в третьем по численности южнокорейском городе Тэгу подавляющее большинство обладателей визы F-4 проживает в уезде Тальсон (1 170 чел.), а в известном своими демократическими традициями Кванчжу они локализируются в районе Квансан (3 853 чел.).

Внимательное изучение статистических данных позволяет выделить несколько муниципалитетов на территории Южной Кореи, где большее число русскоговорящих корейцев указывает на формирование важного условия для появления корёин маыль – значительного превышения т.н. "двойной доли". К примеру, доля обладателей визы F-4 в составе населения Южной Кореи составляла около 0,15% (2023 г.). Для города Инчхона она уже равняется 0,34%, то есть составляет двойную долю от общекорейской. А для отдельного района Ёнсу и вовсе 1,94% [9]. Такое значительное превышение сигнализирует, что здесь могут сложиться условия для формирования этнического анклава. При этом в отдельных кварталах доля русскоязычного населения исчисляется двузначными цифрами.

Проведённое вслед за изучением статистических данных полевое исследование позволило подтвердить выводы предварительного этапа и выдвинутую гипотезу о том, что в местах большой концентрации русскоязычных корейцев формируется необходимый для появления этнических бизнесов поток клиентов, вслед за которым зарождающийся этнокультурный анклава начинает притягивать к себе всё большее число русскоязычных мигрантов.

К настоящему моменту в ходе проделанного исследования были обнаружены крупные этнокультурные анклавы корёин маыль в районах Вонгкок-тон и Сонбудон г. Ансан (рис. 1, № 2), в районе Ёнсу-1-дон г. Инчхон (рис. 1, № 1), в волостях Синчхан (рис. 1, № 6) и Дунпхо (рис. 1, № 5) города Асан, в волости Тэдок г. Ансон (рис.1, № 4), районе Хяннам г. Хвасон (рис. 1, № 3), на стыке районов Понмён-1-дон и Сачхан-дон г. Чхончжу (рис.1, № 7), в районе Вольгкок-1-дон и Вольгкок-2-дон г. Кванчжу (рис. 1, № 11), в уезде Тальсон г. Тэгу (рис. 1, № 9), в районе Сонгон-дон г. Кёнчжу (рис. 1, № 8) и волости Чинъён г. Кимхэ (рис. 1, № 10).

При этом небольшие сообщества русскоязычных корейцев, как и связанные с ними этнические бизнесы, есть во многих других городах и уездах Южной Кореи, однако степень концентрации русскоязычного населения, как и уровень развития местных сообществ, не позволяет пока классифицировать их как полноценные этнокультурные анклавы.

Вместе с тем уровень развития специфической инфраструктуры и самого общества внутри корёин маыль по всей Южной Корее неодинаков. Автор делит корёин маыль на две группы: сформировавшиеся и развивающиеся. К первой категории предлагается отнести корёин маыль в Кванчжу, Инчхоне и Ансане. Эти этнокультурные анклавы обладают от 11 до 12 внешних признаков, предложенных Ю.Ф. Кельман, а уровень их развития по её классификации можно определить как "оазис" (доминирование группы, продолжение иммиграции, этнические бизнесы).

Ко второй группе можно отнести все остальные корёин маыль, уровень развития которых колеблется по классификации Ю.Ф. Кельман от "порога" (превышение порога концентрации группы в данном районе, отсутствие специфического образа, архитектуры и институтов) до "теплицы" (развитая этническая инфраструктура, активное локальное сообщество) [2, с. 59–60].

Отдельно стоит упомянуть и о феномене так называемых "русских улиц". Пожалуй, наиболее типичным является пример Тонхэ, где между портом и вокзалом с начала 2000 г. вслед за началом захода сюда многочисленных судов, гружённых российским крабом, образовалась небольшая улица, обслуживающая нехитрые нужды русскоязычных экипажей. К концу 2000-х гг. здесь было около двух десятков кафе, баров и магазинов. Однако после ужесточения условий импорта краба в Южную Корею в 2013 г. число судозаходов начало стремительно сокращаться. Отсутствие здесь постоянного населения, которое бы обслуживали этнические бизнесы, способные стать точкой для притяжения русскоязычных мигрантов, не позволили "русской улице" в Тонхэ сохраниться. Поэтому спустя 10 лет в июле 2023 г., когда автор этих строк проводил там полевое исследование, в Тонхэ действовало лишь два заведения для русскоязычных, а общее число обладателей визы F-4 в городе составляло всего 50 человек (доля 0.056%). Известные "русские улицы" также расположены в районе Пусанского вокзала в Пусане и неподалёку от станции метро Тондэун в Сеуле. Таким образом, "русские улицы" сложно ассоциировать с этнокультурным анклавом, даже несмотря на наличие здесь этнических бизнесов, из-за отсутствия необходимой численности постоянно проживающего русскоязычного населения, способного поддержать их автономную работу.

Общие черты корёин маыль

Начиная с октября 2022 г. автор неоднократно посещал все перечисленные выше этнокультурные анклавы, что позволило накопить достаточный материал, в результате анализа которого были выявлены общие черты, характерные для большинства корёин маыль.

Пожалуй, важнейшими факторами для появления любого этнокультурного анклава на первом этапе его развития являются наличие **дешёвого съёмного жилья и рабочих мест**. Именно поэтому корёин маыль располагаются в кварталах южнокорейских городов, которые преимущественно застроены так называемыми "виллами" – малоэтажными строениями, в которых располагаются несколько 1-2 комнатных квартир (фото 1). Стоимость аренды в них как правило не очень высока и вносится ежемесячно. Такое жильё часто снимают студенты и трудовые мигранты, не имеющие достаточных средств для внесения большого залога, который требуется для съёма более комфортного и престижного жилья в многоэтажных жилых комплексах. Примечательно, что корёин маыль в городах Кёнчжу, Чхончжу, Ансон и Асан (волость Синчхан) располагаются в непосредственной близости от университетских кампусов. Там русскоязычные мигранты заселили кварталы, где ранее сдавалось дешёвое арендное жильё для студентов этих университетов. В остальных городах большая часть коммерческой и социально-культурной инфраструктуры этнокультурных анклавов также сконцентрирована в районах малоэтажной застройки, где располагается дешёвое съёмное жильё.

Наличие специфических рабочих мест также является общей чертой и важным фактором при формировании этнокультурного анклава. Большая часть жителей корёин маыль как правило владеет корейским языком на очень низком уровне даже спустя несколько лет после переезда в Южную Корею. Это значительно сужает их возможности на южнокорейском рынке труда. Однако в местах расположения больших промышленных зон или крупных сельскохозяйственных предприятий требуется большое число неквалифицированных или низкоквалифицированных рабочих, для которых хорошее знание корейского языка не является обязательным. Поэтому все корёин маыль расположены поблизости от таких промышленных или сельскохозяйственных зон. Интересно также отметить, что вокруг рабочего цикла трудовых мигрантов часто оформляется коммерческая инфраструктура корёин маыль. Торговые точки и кафе размещаются в местах, от-

куда отправляются и куда возвращаются после работы наёмные рабочие. Кроме того, важное место в любом корёин маыль занимают так называемые "офисы" и "биржи" – агентства по найму, через которые большинство рабочих устраивается на постоянную или временную работу.

Другой важной особенностью размещения корёин маыль в городском пространстве являются их довольно **чёткие границы**, сформированные как жилой застройкой, так и особенностями рельефа. Как уже было сказано выше, основная инфраструктура корёин маыль располагается в кварталах т.н. "вилл", окружённых другими типами застройки (жилыми комплексами, промышленными предприятиями, кампусами университетов, деловыми кварталами) или сельхозугодьями. К примеру, на рисунке (рис. 2) можно увидеть планкарту корёин маыль в волости Синчхан г. Асан, чьи границы сформированы ландшафтом, сельхозугодьями, шоссе и кампусом университета. Предполагается, что такие чёткие границы не позволяют этнокультурным анклавам "расползаться" и концентрируют население вокруг района, где располагается этническая инфраструктура.

Важным свидетельством присутствия большого числа русскоязычных жителей в месте расположения корёин маыль является наличие здесь множества **информационных плакатов и объявлений на русском языке**, с помощью которых местные жители и власти "ведут диалог" с русскоязычным сообществом. Эти надписи и плакаты можно условно разделить на три типа: информационные, рекламные и плакаты с пожеланиями.

Первый тип распространён наиболее широко и представлен информационными объявлениями, написанными от лица властей, коммерческих предприятий и общественных организаций или непосредственно автохтонными жителями района. Наиболее насущной бытовой проблемой в корёин маыль является неправильная утилизация мусора, чему и посвящена львиная доля объявлений. Нередко встречаются баннеры, информирующие о недопустимости незаконной деятельности и нарушения правил поведения в общественных местах. Информационные объявления, как правило, написаны сразу на нескольких иностранных языках (фото 2), что зачастую является отражением мультикультурности района, где располагается корёин маыль.

Рекламные надписи используют различные коммерческие организации для привлечения клиентов, размещая их в непосредственной близости от предприятия. Что касается плакатов с пожеланиями, то они, как правило, призывают к добрососедству или поздравляют со знаменательными датами и праздниками.

Ещё одной общей чертой всех корёин маыль является уже упомянутое несколько раз в этой работе наличие **этнических бизнесов** – кафе, магазинов и других развлекательных заведений, а также различных коммерческих компаний, оказывающих услуги русскоязычному населению анклава. Так как трудовые мигранты вынуждены жить в языковом пузыре, то для осуществления любых, даже самых простых, взаимодействий с автохтонным населением или государственными институтами они вынуждены обращаться к посредникам – переводчикам, адвокатам, нотариусам и т.д. А в самых крупных корёин маыль также представлены и такие специфические заведения, как цветочные и ювелирные магазины, салоны красоты и ломбарды.

Однако самой примечательной чертой местной коммерческой инфраструктуры, пожалуй, является распространённый здесь формат магазина-пекарни, так как хлебобулочные изделия занимают важное место в ежедневном рационе жителей постсоветского пространства. Кроме этого, в последние несколько лет вместе с увеличением числа русскоязычных мигрантов в Южной Корее сложился отдельный рынок для специфических молочных (кефир, творог), мясных (колбаса, сосиски, сало) и рыбных (копчёная и засоленная рыба) продуктов, насыщение которого происходит как за счёт импорта, так и внутреннего производства на территории Южной Кореи. К примеру, компания "Royal Food", чьи производственные мощности расположены недалеко от корёин маыль в районе Чинъён г. Кимхэ, работает с 2019 г. и уже начала продвигать свою продукцию не только через мага-

зины в этнокультурных анклавах, но и на местных онлайн площадках. Основной инвестор и директора отдельных производств, как и значительная часть сотрудников, являются выходцами из стран бывшего СССР.

К сожалению, среди общих черт, присущих корёин маыль, нельзя не назвать и **общие проблемы** русскоязычных этнокультурных анклавов. В связи с упомянутой выше тенденцией к переезду в Южную Корею целыми семьями, всё острее ощущается неподготовленность южнокорейской системы образования к приёму большого числа иностранных и иноязычных детей. По южнокорейскому законодательству школьное образование является всеобщим и бесплатным. Дети идут в образовательное учреждение по прописке. Поэтому в начальных школах, расположенных в черте корёин маыль, всё большую долю учащихся составляют русскоязычные дети. К примеру, в корёин маыль в волости Тэдок г. Ансон в конце 2022 г. из 240 учеников начальной школы Квандок 173 были русскоговорящими. По имеющимся у меня сведениям, более половины школьников являются русскоязычными в начальной школе Хынму г. Кёнчжу, начальной школе Пунмён г. Чхончжу, начальной школе Синчхан г. Асан, начальных школах Муннам и Хамбак г. Инчхон. Во всех остальных начальных школах, расположенных в непосредственной близости от корёин маыль, число русскоязычных школьников постоянно растёт вместе с увеличением числа мигрантов.

Родители отдают своих детей в местные образовательные учреждения в надежде на то, что они быстро освоят корейский язык и интегрируются в южнокорейское общество. Однако в реальности такой шанс есть только у тех ребят, которые только приступают к обучению (1-2 классы), так как они фактически начинают приобретать базовые знания по чтению и письму, а также изучать специфическую образовательную лексику вместе со своими южнокорейскими сверстниками. Остальные же русскоязычные школьники оказываются в ситуации, когда они не только не могут изучить корейский язык на достаточном уровне, но и не наращивают знания по базовым предметам, таким как математика или окружающий мир. В результате дети перестают интересоваться учёбой, а в некоторых случаях полностью отказываются от обучения или начинают проявлять агрессию по отношению к сверстникам и педагогам (по данным докладов, озвученных на семинаре, прошедшем 14 февраля 2023 г. в Университете Сонмун г. Асан [7]).

Не менее остро стоит проблема обучения взрослых корейскому языку и культуре. Чаще всего у них нет времени на получение дополнительного образования, да и число специализированных заведений невелико и имеет тенденцию к сокращению. Незнание языка принимающего сообщества делает невозможной интеграцию в него для трудовых мигрантов, а также снижает их конкурентоспособность на трудовом рынке Южной Кореи. Недостаточное понимание культуры зачастую приводит к конфликтным ситуациям с автохтонными жителями. Показательной в этой связи является проблема мусора, острота которой настолько высока, что информационные объявления, посвящённые ей, встречались во время полевого этапа наиболее часто.

Таким образом, общей насущной проблемой всех корёин маыль в Южной Корее является вопрос получения базового школьного образования для русскоязычных детей и языкового образования для взрослых. Частично она решается путём создания частных учебных заведений. Однако т.н. "русские школы" не имеют права выдавать документы государственного образца, так как фактически имеют статус учреждений дополнительного образования. Стоит также отметить, что высокая концентрация русскоговорящих школьников оказывает негативное влияние на обучение южнокорейских детей, так как педагоги вынуждены тратить много сил и энергии на обучение иностранцев, не способных усваивать знания на корейском языке. А это, в свою очередь, ещё более усложняет отношения между мигрантами и принимающим сообществом, в котором получение хорошего образования считается важнейшим условием для обеспеченного будущего.

Заключение

В результате проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Корёин маыль в Южной Корее называют места компактного проживания русскоязычных корейцев из стран постсоветского пространства. В то же время данный термин стоит понимать более широко: как районы компактного проживания сообществ мигрантов из стран постсоветского пространства, ядром которых являются русскоязычные корейцы. Корёин маыль обладают всеми основными характеристиками этнокультурного анклава и формируются на основе общности языка (русского) и культуры повседневности. Их важным элементом являются этнические бизнесы, чей успех и конкурентоспособность зависят от потока клиентов, формируемого самим этнокультурным анклавом.

2. Феномен корёин маыль начал формироваться в 2010-е гг. под влиянием двух факторов: изменения южнокорейского законодательства в отношении зарубежных соотечественников и ухудшения экономических условий на постсоветском пространстве. В результате русскоязычные корейцы начали переселяться в Южную Корею целыми семьями, насчитывающими представителей нескольких поколений. Плохое знание языка и реалий повседневной жизни привело к их расселению в рамках нескольких основных этнокультурных анклавов, которые и получили впоследствии общее название корёин маыль.

3. У всех корёин маыль есть ряд общих черт: а) расположение в кварталах с дешёвым съёмным жильём и поблизости от крупных промышленных зон или сельскохозяйственных угодий; б) наличие чётких границ, сформированных как ландшафтом, так и жилой городской застройкой; в) наличие вывесок, информационных и рекламных объявлений на русском языке; г) присутствие этнических бизнесов, представленных в основной своей массе магазинами и точками общественного питания со специфическим набором продуктов и блюд, а также прочей коммерческой и бытовой инфраструктурой, обслуживающей жителей этнокультурного анклава; д) высокий процент русскоязычных детей в общеобразовательных школах.

4. Корёин маыль в Южной Корее имеют разный уровень развития. Так, этнокультурные анклавы в городах Инчхон, Кванчжу и Ансан являются сформировавшимися и находятся на стадии развития, определяемой Ю.Ф. Кельман как "оазис", для которой характерно доминирование определённой группы населения, продолжающаяся миграция и развитая коммерческая, культурная и бытовая инфраструктура, обслуживающая данную группу. Все остальные корёин маыль Южной Корее находятся на стадии развития и постепенно движутся от "порога" к "теплице", то есть от превышения доли этнокультурной группы в населении к наращиванию этнической инфраструктуры, деловой и культурной сферы.

Литература

1. Голяшев А.В., Кельман Ю.Ф. Индекс локализации в социальной и экономической географии: традиция и новые подходы // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 376–380.
2. Кельман Ю.Ф. Полевое исследование этнокультурных анклавов в городах США. Методика и примеры // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 2. С. 56–80.
3. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–38.
4. Espinoza-Kulick M., Fennelly M., Kevin B., Castañeda E. Ethnic Enclaves // Oxford Bibliographies in Sociology. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (дата обращения: 31.01.2024).
5. Portes A., Manning R.D. The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples // Competitive Ethnic Relations. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 47–68.
6. 고려인 등 재외동포 범위를 4세대 이후까지 확대합니다 // 법무부 웹사이트. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (조회 날짜: 2024.01.31) = Принадлежность к корёинам и другим зарубежным соотечественникам расширили за пределы 4-х поколений // Веб-сайт Минюста. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (дата обращения: 2024.01.31).
7. 국내 고려인 청소년의 주체적 활동과 과제. 세미나 자료집. 아산: 선문대학교, 2023. 94 쪽 = Автономная деятельность и задачи молодёжи корёин внутри страны. Сборник материалов. Асан: Университет Сонмун, 2023. 94 с.

8. 김승근. 러시아 연해주(沿海州)지역의 고려인(高麗人)마을 만들기과 운영실태에 관한 조사연구 // 한국 농촌건축학회논문집. 2007. vol.9. no.26. 129-137 쪽 = Кан Сынгын. Исследование создания и управления корёин маыль в российском Приморье // Хангук нончхон кончхук хаххе нонмунчжип. 2007. vol.9. no.26. С. 129-137.
9. 법무부 출입국외국인정책본부. URL: <https://www.immigration.go.kr> (조회 날짜: 2024.01.31) = Управление политики в области миграции и иностранцев Минюста. URL: <https://www.immigration.go.kr> (дата обращения: 31.01.2024).
10. 이창원, 최서리, 권채리, 박미화, 조하영. 방문취업(H-2)과 재외동포(F-4) 자격 통합에 대한 연구. 이민정책연구원 정책연구보고서 No. 2021 – 05. 이민정책연구원. 128 쪽 = Ли Чханвон, Чхве Сори, Квон Чхэри, Пак Михва Чо Хаён. Исследование объединения категорий виз гостевого трудоустройства (H-2) и зарубежных соотечественников (F-4). Исследовательский отчёт Центра миграционных исследований и обучения No. 2021 – 05. Центра миграционных исследований и обучения 128 с.
11. 임영상, 박마야. 타슈켄트의 신코리야타운 시온고 고려인마을과 한국문화 // 글로벌문화콘텐츠. 2010. no.5. 41-86쪽 = Им Ёнсан, Пак Майя. Корёин маыль – новый ташкентский Кореатаун и корейская культура // Гыллобол мунхва кхонтхенчхы. 2010. no.5. С. 41-86.
12. 임영상. 한국에서 고려인마을을 찾다 // 임영상. 서울: 북코리아(Bookorea), 2023. 352 쪽 = Им Ёнсан. Посещение корёин маыль в Корее // Им Ёнсан. Сеул: Буккореа, 2023. 352 с.

References

1. Golyashev A.V., Kelman Yu.F. The Localization Index in Social and Economic Geography: Tradition and New Approaches // World of Science, Culture, and Education. 2014. No. 3 (46). Pp. 376-380. (In Russ.).
2. Kelman Yu.F. Field Study of Ethnocultural Enclaves in US Cities: Methods and Examples // Urban Studies and Practices. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 56-80. (In Russ.).
3. Puzanov K.A. Territorial Boundaries of Urban Communities // Sociology of Power. 2013. No. 3. P. 27-38. (In Russ.).
4. Espinoza-Kulick M., Fennelly M., Kevin B., Castañeda E. Ethnic Enclaves // Oxford Bibliographies in Sociology. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (accessed 31.01.2024)
5. Portes A., Manning R.D. The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples // Competitive Ethnic Relations. Orlando, FL: Academic Press, 1986. P. 47-68.
6. Affiliation with the Koryoins and Other Foreign Compatriots Extended Beyond Four Generations // Ministry of Justice Website. URL: <http://www.moj.go.kr/bbs/moj/182/487613/artclView.do> (accessed 31.01.2024). (In Kor.).
7. Autonomous Activities and Tasks of Young Koryoins within the Country. Collection of Materials. Asan: Sonmun University, 2023. 94 p. (In Kor.).
8. Kim Seungeun. Study on the Creation and Management of Koryoin Maeul in the Russian Primorye // Journal of the Korean Association of Regional Geographers. 2007. Vol. 9. No. 26. P. 129-137. (In Kor.).
9. Ministry of Justice's Immigration and Foreigners Policy Department. URL: <https://www.immigration.go.kr> (accessed 31.01.2024). (In Kor.).
10. Lee Changwon, Choi Sori, Kwon Chhaeri, Park Mihwa, Cho Hayeon. Study on the Integration of Visa Categories for Guest Employment (H-2) and Foreign Compatriots (F-4). Migration Research and Training Center Research Report No. 2021 – 05. Migration Research and Training Center, 128 p. (In Kor.).
11. Im Yeongsan, Park Maya. Koryoin Maeul – New Tashkent Koreatown and Korean Culture // Global Culture Content. 2010. No. 5. P. 41-86. (In Kor.).
12. Im Yeongsan. Visiting Koryoin Maeul in Korea // Im Yeongsan. Seoul: Bukkorea, 2023. 352 p. (In Kor.).

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО, канд. ист. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vakulenco@mail.ru

Vadim S. AKULENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vakulenco@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 06.02.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 01.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Лингвострановедческие подходы к изучению темы "В последний путь по-японски"

Виктор Николаевич НЕЗАМУТДИНОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, nevic2004@mail.ru

Аннотация. В статье представлен лингвострановедческий анализ похоронных обрядов японцев. Ее актуальность выражается в соответствии современным тенденциям в преподавании иностранных языков, когда освоение языка, в данном случае японского, сопровождается приобретением страноведческих знаний, что позволяет обогатить представление учащихся о традициях страны и менталитете ее народа, а также соотнести изучаемый лексический материал с реальной жизнью. В описании траурного обряда автор статьи использовал не только сведения из японских источников, но и собственные наблюдения.

Ключевые слова: лингвострановедческий подход, японский язык, похоронный обряд в Японии, иероглифические компоненты, семантика, иносказательная лексика

Для цитирования: Незамутдинов В.Н. Лингвострановедческие подходы к изучению темы "В последний путь по-японски" // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 64–71. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/64-71>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/64-71>

Linguistic and regional study approach to the topic "The last seeing-off in Japan"

Victor N. NEZAMUTDINOV

Far Easten Federal University, Vladivostok, Russia, nevic2004@mail.ru

Abstract. The article presents a linguistic and regional study analysis of Japanese funeral rites. The attempt to combine language learning, Japanese one in this case, and acquiring knowledge about the country represents the modern trends in teaching foreign languages. It makes possible to enrich students' comprehension of the country's traditions and the mentality of its people, as well as to correlate the lexical material they have learned with real life. Describing the funeral ceremony in Japan, the author used both information from Japanese sources and his own observations.

Keywords: linguistic and regional study approach, Japanese, funeral ceremony in Japan, hieroglyphic components, semantics, allegorical vocabulary

For citation: Nezamutdinov V.N. Linguistic and regional study approach to the topic "The last seeing-off in Japan" // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 64–71. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/64-71>

Одним из самых важных методологических ориентиров в преподавании иностранных языков признан лингвострановедческий подход. "Всякий языковед, изучающий язык, – отмечал известный отечественный филолог Г.О. Винокур, – непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык" [4, с. 211] Отечественные разработчики лингвострановедческого направления Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров подчеркнули, что постижение культуры, отраженной в языке, способствует обретению важнейшей компетенции изучающим иностранный язык – межкультурной коммуникации. [3, с. 36]. Данное утверждение остается одним из ведущих в работах современных авторов.

В русле указанной проблематики мы запланировали создание учебного пособия под рабочим названием "Реалии Японии". В данной статье мы представляем один из фрагментов этого пособия – тему "В последний путь по-японски". Актуальность данной работы выражается в ее соответствии современным лингвострановедческим тенденциям в преподавании иностранного языка. Целью настоящей статьи является разработка научно-методических основ в организации учебного процесса при изучении названной темы. Соответственно, нашей страноведческой задачей является создание ознакомительного материала об особенностях одного из важнейших феноменов обрядовой культуры Японии – похоронного обряда, что

позволит обогатить представление учащихся о мировоззренческом менталитете японского народа.

Наша лингвистическая задача – выявление и анализ лексических единиц японского языка, отражающие необходимые для данной темы национальные культурные смыслы и составление соответствующего глоссария. *Новизна* работы состоит в том, что в составлении ознакомительного материала мы ввели в научный оборот идеи японских авторов по данной теме, однако главным образом – результаты собственных наблюдений при непосредственном участии на всех этапах церемониальных траурных процессов в одном из северо-восточных районов японского архипелага, о чем подробнее будет сказано ниже.

При выполнении поставленной нами страноведческой задачи полезными для нас были работы отечественных авторов в области ряда смежных специальностей. Во-первых, это историко-археологические сведения [2], во-вторых, опыт системного анализа похоронной обрядности, выполняемый при захоронении не только людей, но также животных и даже неодушевлённых предметов [8], и, наконец, изучение похоронных обрядов как явления культуры и факта культурной преемственности [6].

Конечно, особенно важными в работе над данной темой были лингвострановедческие труды японских авторов. В этих работах рассматривались темы похорон и поминальных служб, анализировались различные подходы к этим обрядам в разных религиозных сектах [10], описывались переходящие из поколения в поколение народные традиции траурных ритуалов, основанные на мифологических представлениях о жизни и смерти [11], поднимались вопросы этикета современных обрядов прощания и поминовения и атрибутики этих церемоний [9]. Материалы, изложенные в работах японских авторов, безусловно, способствовали формированию лексикографической позиции автора данной статьи.

Однако, выполняя указанную задачу, мы не ограничились обзором сведений, представленных в указанных источниках. Основным источником стали для нас собственные наблюдения траурных обрядов, к которым мы смогли присоединиться в префектуре Акита (Япония) в период 1995–2022 гг.

Представим ознакомительный материал по теме "В последний путь японски", выполненный в результате этой работы, обращая особое внимание на те фрагменты обряда, в совершении которых мы принимали непосредственное участие. Учитывая учебно-дидактическую направленность этого материала, мы пришли к выводу о необходимости интегративного характера его изложения. Поэтому, создавая этот материал, мы одновременно будем решать не только свою осведомительную страноведческую задачу, но частично и задачу лингвистическую, сразу указывая те лексические единицы японского языка, которые особенно важны для усвоения данной темы.

В повседневной жизни японцев нельзя причислить к очень верующей нации, но они очень щепетильны, когда речь заходит о похоронах. В настоящее время более 90% похоронных церемоний проходит по буддийским ритуалам [9, с. 18; 11, с. 45], поскольку в синтоизме смерть считается скверной и при синтоистских храмах нет могил [Полевые материалы автора, далее ПМА]. Традиционно в Японии насчитывается тринадцать буддийских школ. В 2016 году опрос Управления культуры выявил семь наиболее распространённых: *Tendaishu*: 天台宗, *Shingonshu*: 真言宗, *Jo:doshu*: 淨土宗, *Jo:do-shinshu*: 淨土真宗, *Rinzaishu*: 臨濟宗, *So:to:shu*: 曹洞宗, *Nichirenschu*: 日蓮宗. Больше всего последователей у школы *Jo:do-shinshu*.

Название популярной школы *Jo:do-shinshu*: состоит из двух лексических единиц 淨土骨壺 – плавающая земля и 真宗骨壺 – истинная религия. Словарное значение 淨土 – "верхний слой земли, который может уноситься ветром". В контексте названия школы означает место истинного прибежища души приверженца истинной религии 真宗, которая указывает путь к спасению, где отрицается карма, где нет ни рождения, ни смерти.

Все школы едины в проповедях Сакъя-муни в объяснении путей спасения человека, но подходы различаются, что вносит некоторые различия и в церемонию похорон [10, с. 55].

В современной Японии отмечают четыре варианта организации похорон. *Ippanso*: 一般葬 с участием большого числа людей и исполнением всех прописанных церемоний. Почти половина прощальных церемоний проходит в формате *kazokuso*: 家族葬 с участием не более 30 человек – родственников и близких друзей. Всё большее распространение получает формат *Ichinichiso*:

一日葬, похороны на второй день после кончины с упрощенной церемонией ночного прощания *tsuya* 通夜 и сокращением времени последующих церемоний. Формат *chokuso*: 直葬 вообще не предусматривает церемонию прощания: с места кончины тело перевозится домой или в другое место для подготовки к захоронению и затем в крематорий [11, с. 10].

Прощание может происходить дома, в храме или же в специальном месте. На входе в дом вывешивают табличку *kichu*: 忌中 – в "трауре" и порядок проведения церемонии прощания. Первая церемония ночная *tsuya* 通夜. Это неофициальная процедура, на которую собираются только самые близкие, хотя сегодня на ней могут присутствовать и более отдаленные родственники. Истоки этой церемонии восходят к прощанию с Сакъя-муни, когда его ученики всю ночь читали молитвы у тела покойного [10, с. 12]. Раньше во время прощания семья и близкие друзья также проводили всю ночь с телом усопшего. Они зажигали свечи и жгли благовония. Сегодня в Японии открытый огонь в ночное время запрещен, да и родственники хотят пораньше вернуться домой, поэтому церемония начинается вечером и занимает в среднем два-три часа. По древней традиции покойника надо поить, но в настоящее время чаще всего ограничиваются тем, что ему смачивают губы с помощью накрученной на палочку ваты (ПМА)¹. Священник читает сутры *dokyo*: 読経 – буддийские писания в адрес покойного, смысл которых может различаться в зависимости от философии секты, воскуривается фимиам *sho:ko*: 焼香, и после проповеди *ho:wa* 法話 священника церемония заканчивается благодарением присутствующих.

В день перед ночным прощанием близкие знакомые и друзья покойного могут посетить его дом и выразить соболезнование семье. Ритуал предполагает позу *zazen* 座禅 у изголовья покойного, подушка которого обращена к северу, и низкий поклон с опорой на обе ладони. На второй день зажигают благовония, гроб выносят и устанавливают на катафалк *reikyu:sha* 霊柩車, который выглядит весьма необычно. Это черный автомобиль с китайской крышей, фронтом которой изобилует золотой фольгой (ПМА). Использование таких автомобилей началось в начале периода *Taisho*: 大正 (1912–1926) [12, с. 85].

Организация церемонии поручается похоронным фирмам *so:gisha* 葬儀社, которые полностью берут на себя все заботы. В Японии ежегодно умирает 1,1 млн человек, которых в большинстве случаев подвергают кремации: закон не разрешает захоронение. В Японии насчитывается 1450 крематориев *kaso:jo*: 火葬場. Сооружением их занимаются местные органы власти, чтобы затем передать в управление частным лицам. Например, в 23 районах Токио имеются два государственных крематория и семь частных [11, с. 98].

В обычных календарях каждый день обозначен одной из шести помет с обозначениями благоприятных и неблагоприятных дней. Одной из таких помет является *tomobiki* 友引. Народное поверье гласит, что в этот день следует "удержать" (引 – "hiku") своего близкого человека (友 – "tomo") от несчастья. Этот день считается тяжёлым: все дела якобы заканчиваются неудачей, а похороны влекут за собой ещё чью-то смерть и многие крематории не работают [9, с. 64].

За 15 минут до назначенного времени траурная машина *reikyu:sha* 霊柩車 прибывает к крематорию. Гроб принимают служащие, на специальной тележке доставляют в зал прощания и располагают так, чтобы голова покойного была слева

¹ ПМА – Полевые материалы автора

от провожающих. Открывается часть крышки с окном. Минут десять длится короткое прощание. Священник читает молитву. Потом тележку увозят в помещение кремирования, и все переходят в зал ожидания. Через некоторое время родственников приглашают в спецзал *shu:kotsu-shitsu* 収骨室, куда вывозят ещё не остывшую плиту с останками. Обычными бамбуковыми или деревянными палочками для еды присутствующие собирают останки – от ног к голове – в разовые тарелки и передают служащему, который заполняет урну *kotsutsubo* 骨壺. Начинает сбор распорядитель-самый близкий родственник (ПМА).

В восточных районах Японии используют большую урну и прах собирают полностью, а в западных районах – частично, остатки утилизирует крематорий [9, с. 113]. Урну заворачивают в белую материю и укладывают в ящик. Служащий ставит печать на документе о разрешении кремации *maikaso:kyokasho*: 埋火葬許可証 и передаёт его родственникам. Вся процедура в крематории занимает около двух часов (ПМА).

Примечательно, что японцы, живущие в XIX веке во Владивостоке, тоже прибегали к кремации, хотя недостатка земли в молодом городе не наблюдалось. Об этом нам известно из рассказа журналиста Николая Петровича Матвеева, автора одной из первых книг по истории Владивостока, в которой описывается кремация на костре под открытым небом [1, с. 4].

Возвращение из крематория или с церемонии прощания домой сопровождается ритуалом очищения, изгнания злых духов *okiyome* お清め. Правой рукой берётся щепотка соли, посыпается через левое плечо и давится ногами. (ПМА). Этот ритуал имеет отношение к синтоизму, в котором смерть рассматривается как скверной факт. Считается, что новые духи, которые отделяются от тела после смерти, бывают буйными, особенно если смерть была связана с несчастным случаем, и часто обижают живых. Их надо умиротворить. С течением времени они теряют свою буйность, успокаиваются и через 33 года сливаются с духами предков (божествами). Они, как правило, живут в отдалённых горах и следят за потомками, но дважды в год – в Новый год и праздник *obon* お盆 в середине августа – посещают их дома [11, с. 142].

Поскольку буддизм не считает смерть скверной, школа *Jo:do-shinshu*: 淨土真宗 категорически отрицает ритуал очищения, но японская религия синкретизирована, и некоторые обряды, смысл которых изначально был религиозным, перешли в разряд народных обычаев. Вот и ритуал очищения признан рядом школ как давний обычай японского общества, а на общественных кладбищах в последнее время можно встретить и синтоистские могилы *okutsuki* 奥つ城, которых не найдешь при синтоистских храмах (ПМА). Первый иероглиф 奥 имеет 11 значений, одно из которых означает сокровенное, недоступное место, где обитает божественный дух. Иероглиф 城 в своём прямом значении – "замок", таким образом, можно перевести как "потайной замок". Во втором значении это сочетание иероглифов означает просто "могила".

Пришедшие на прощание в частный дом оставляют запись в журнале регистрации присутствующих и передают деньги *ko:den* 香典, в специальном церемониальном конверте, обвязанном чёрно-белой ниточной лентой *mizuhiki* 水引 с надписью *goko:den* 御香奠, и, ниже, имя дарителя. По буддийским правилам неприлично давать деньги и составляющие элементы сочетаний 香典 и 御香奠 совершенно не обозначают что-либо связанное с деньгами, и имеют значение как "в память об усопшем, на приобретение благовоний". Церемониальное подношение может обозначаться и выражением *goreizen* 御霊前料 – перед духом усопшего.

Значение сочетания иероглифов 水引 связано с процессом изготовления бумажных нитей, которые погружают в крахмальную воду, затем вытягивают и высушивают. До эпохи *Muromachi-jidai* 室町時代 использовали конопляные нити.

Внутри церемониального конверта находится обычный конверт, на лицевой стороне которого обозначена сумма, а на оборотной указан адрес дарителя [10, с. 120]. Традиционно в конверт вкладывается десятитысячная купюра, которая должна быть новой, без сгибов (ПМА).

Гость садится в позе *zazen* 座禅 и выражает соболезнование семье опущенной головой и поклоном с опорой на обе ладони, затем рассматривает табличку с буддийским именем покойного *ihai* 位牌, его портрет *iei* 遺影. После этого ладони складываются вместе для молитвы и по окончании её возвращаются на колени. В тот же день семья покойного вручит пришедшему ответную благодарность *ko:den-gaeshi* 香典返し. Это могут быть сладости, чай, полотенце, мыло и прочие предметы повседневного быта. Спустя некоторое время семья обязательно письменно благодарит всех людей, которые присутствовали на похоронах [9, с. 202].

На церемонии обязательно выдерживается траурный дресс-код. Для мужчин это черный костюм, белая рубашка и чёрный галстук. Допускается тёмно-серый или тёмно-синий костюм, поскольку многие приходят после работы. Женщины обычно одеты в чёрный костюм европейского стиля или в простое чёрное кимоно с пятью гербами. Возможен брючный костюм, но обязательно тёмного цвета, а в качестве украшения к европейскому костюму допускается ожерелье из жемчуга. Дамская сумочка непременно чёрного цвета, в руках чётки *juzu* 数珠. Поскольку по буддийскому учению нельзя убивать животных, сумочку лучше взять не кожаную, а матерчатую [11, с. 84].

Официальное прощание *kokubetsushiki* 告別式 проходит после кремации, но не обязательно в тот же день, в специальных траурных залах. На фоне богато украшенного цветами алтаря с портретом покойного располагается урна с прахом. Все гости подходят по очереди к ней и отдают дань памяти умершему, добавляя благоговение в курильницу или возлагая цветы. Подобные алтари устраивают и в собственном доме перед похоронами (ПМА).

Пришедшие на прощание вручают церемониальный конверт с деньгами с надписью *gokumotsuryo*: 御供物料 – "в качестве пожертвования" или надписью *goko:ryo*: 御香料 – "на ароматические палочки". Суммы составляют от 5 до 50 тыс. иен в зависимости от района и степени близости к покойному. Общие расходы на похороны могут составлять от 160 тыс. до 2 млн иен [12, с. 114].

Первоначально на буддийских похоронах церемония заключалась только в надгробном напутствии священника к душе умершего. В настоящее время похоронная церемония и прощание могут проходить вместе. После молитвы священника родственники и другие присутствующие подходят к алтарю и воскуривают фимиам. Перед этим они по очереди подходят к родственникам и делают поклон. Затем берут щепотку порошка благоговения из шкатулки, поднимают руку с ним до уровня лба и опускают фимиам в курильницу *ko:ro* 香炉. Это можно сделать один раз или трижды. После этого надо поклониться перед портретом покойного, сложив руки ладонями вместе. Второй поклон адресован родственникам. Эта церемония отличается в разных сектах, но каждый может сделать это своим способом [10, с. 75].

По другому варианту используются курительные ароматичные свечи. Держа в левой руке чётки, правой рукой берут свечу и, переложив в левую руку, зажигают ее от рядом стоящей парафиновой свечи. Зажигать огонь движением правой руки не допускается. Затем правой рукой свеча вертикально ставится в курильницу. В школе *Jo:do-shinshu*: 淨土真宗 свеча предварительно делится на две-четыре части, если курильница небольшого размера, и в горящем виде горизонтально укладывается в курильницу с левой стороны [11, с. 107].

Погребение праха (как правило через 49 дней после смерти) может происходить при буддийском храме, на муниципальном или частном кладбище. На примере захоронений в древние времена видно разделение на классы: одних хоронили в больших курганах, а других прямо в земле. Чуть позже стали устанавливать курганы *kofun* 古墳 и *haniwa* 埴輪 изображающие мужчин и женщин господствующего класса. По ним можно судить и о первой одежде японцев. Цилиндрические *haniwa* устанавливались вокруг курганов еще и с целью закрепления почвы [12, с. 25].

В связи с подорожанием земли под кладбища в последнее время проводят развевание праха в определённом месте моря или горы, сохранение его дома без захоронения или погребение под посаженным деревом вместо надгробного камня.

Особой популярностью пользуется погребение под сакурой. Может быть, оно относится к такому идеалу смерти среди японцев, как в известных стихах паломника-лирика XII века Saigyō: (西行):

「願わくは 花の下にて 春死なん その如月の 望月の頃」

(*Negawaku wa hana-no shitanite harushinan sono kisaragi-no mochizuki-no koro*)

Перевод на современный японский язык:

「願うことには、春の満開の桜の下で死にたいものだ。それも(釈迦が入滅したとされている)陰暦2月15日の満月の頃に)」。

"Если моё желание исполнится, хочу умереть под сакурой, весной и в ясное полнолуние".

Желание поэта исполнилось с опозданием всего лишь на один день.

Для надгробий используют разный материал, но чаще всего гранит. По буддийским правилам, ограничений по цвету нет. В северной части района *Kanto*: 関東 и в районе *To:hoku* 東北 предпочитают чёрный цвет, в районе *Kansai* 関西 и в западной части Японии – светлый (ПМА).

Поминальные службы в следующие годы предусматривают довольно сложный график, но можно отметить несколько наиболее предпочтительных. В первый год на седьмой день проводятся поминание *ichishu:ki* 一周忌, на 49-й день – *yonju:kyu:nichi* 四十九日 и на сотый день *hyakukanichiki* 百九日忌. Год смерти считается первой годовщиной. Служба через год относится к первой годовщине и имеет особое название *sho:tsuki-meinichi* 祥月命日. Третья служба *sankaiki* 三回忌 проводится через два года после смерти. Далее чаще всего поминание устраивают через 6 лет, 32 года, 49 лет после смерти [12, с. 143].

Жители Японии весьма бережно относятся к захоронениям, хотя заброшенные могилы изредка и встречаются – вероятно, если нет потомков.

Во время Гражданской войны в России, а особенно после Второй мировой, много японцев умерло за границей. В разных концах Японии существуют *sho:konsha* 招魂社 – храмы, приглашающие дух усопших военнослужащих. Особо почитается память военнослужащих и вольнонаемных, павших на поле боя в Японии и за границей в синтоистском храме *Yasukuni-jinja* 靖国神社. Они считаются обожествленными, а их духи – обитающими там. Прах каждого солдата, как правило, перевозился на родину и бывал захоронен в буддийском кладбище его родного города, если в этой местности проживали родственники умершего [10, с.143].

В заключительной части статьи завершим свою лингвистическую задачу, представив аналитический комментарий выявленных нами единиц японской лексики, отражающей смысловые основы рассматриваемой темы. В основе нашего комментария – основные позиции теоретической лексикографии, предполагающей рассмотрение соотношения разных видов информации о слове, семантику иероглифических компонентов, что способствует лучшему усвоению лексики. Мы выделяем следующие единицы:

- эквиваленты которых присутствуют в русском языке в виде отдельного слова или словосочетания, а иероглифические компоненты отражают семантику: *reikyū:sha* 霊柩車 – катафалк, *kotsutsubo* 骨壺 – урна для праха, *so:gisha* 葬儀社 – похоронное бюро, *ko:ro* 香炉 – курильница;

- лексические единицы, перевод которых эквивалентен, но время и форма проведения церемонии различны: *kokubetsushiki* 告別式 – прощание с усопшим;

- маркированный первый иероглифический компонент: *okutsuki* 奥つ城 – синтоистская могила;

- переносное значение первого иероглифического компонента в названии одной из буддийских школ: *jo:do:-* 浮土 – место истинного прибежища души;

- значительная часть лексики является иносказательной, потому что

а) иероглифические компоненты не передают семантику лексемы, например: *ko:den* 香典, *goko:den* 御香奠, *goreizen* 御霊前 – приношение при похоронах (香 – аромат, 典香 – проповедь, 奠 – решение 霊 – дух, душа, 前 – перед), *tsuya* 通夜 – заупокойная служба накануне похорон (通 – пройти, 夜 – ночь), *mizuhiki* 水引 – ниточная лента (水 – вода, 引 – тянуть);

б) последний иероглифический компонент даёт указание на семантику лексемы, например: *gokumotsuryo*: 御供物料, *goko:ryo*: 御香料 – пожертвование (供 – посвящать, 物 – вещь, 香 – аромат, 料 – плата), *ko:den-gaeshi* 香典返し – ответный подарок (返し – отплачивать).

Таким образом, лингвострановедческий подход к изучению темы "В последний путь по-японски" действительно оказывается продуктивным способом решения многих учебно-дидактических задач в преподавании японского языка. Работа над выбранной темой позволит показать учащимся важные особенности национального менталитета японцев в их отношении к концептуальным философским вопросам жизни и смерти, культурологические основы обрядовой ритуальности японской траурной церемонии. Выявленные средства лексического выражения смысловых ориентиров заданной темы дают возможность познакомиться с необходимыми реалиями японского языка, своеобразием их иероглифических выражений и возможностями перевода указанной лексики с учетом этого своеобразия, тем более что многие японские лексические единицы не имеют русских языковых эквивалентов. Отмечены "прозрачные" сочетания, значение которых составляется из семантики иероглифических компонентов, семантика отдельных иероглифов не связана со значением лексической единицы, широко используется иносказательная лексика, составные иероглифические элементы которых не связаны с лексической семантикой. Семантический анализ иероглифических компонентов может оказать помощь студенту адаптироваться при знакомстве с реалиями жизни и быта японского социума.

Литература

1. Амурский Н. (Матвеев Н.П.). Похороны японца во Владивостоке (С натуры) // Владивосток. 1889. 12 апреля. С. 4.
2. Бакшеев Е.С. "Две смерти" в культурах Японии и Рюкю (Окинавы): двустадийная погребальная обрядность в традиционных обществах как историко-культурологическая проблема (в контексте культур Азиатско-Тихоокеанского региона) // Genesis: исторические исследования. 2013. № 1. С. 129–191. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.1.470 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=470 (дата обращения: 20.08.2024).
3. Верещагин Е.М. Язык и культура // Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 251 с.
4. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М: РУДН, 2008. 340 с.
6. Ермакова Л.М. Почитание предков в японской культуре // Синто-путь японских богов. Т. 1. СПб.: Гиперион, 2002. С. 43–59.
7. Зиновьева Е.С. Лингвокультурология // Е.С. Зиновьева, Е.Е. Юрков. СПб.: МИРС, 2009. 292 с.
8. Лисовик А.Б. Похоронная обрядность в аспекте особенности популярной религиозности современных японцев // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 3. С. 12–19.
9. 新谷尚紀. 年中行事. 東京: ポプラ社. 2016. 216頁 = Синтани Таканори. Ежегодные мероприятия. Токио: Попурася, 2016. 216 с.
10. 「お坊さんがイチから考える「葬儀・法要・お墓・仏壇のすべて」」。東京: 主婦の友社、2018。224頁 = Все о похоронах, поминальных службах, могилах и буддийских алтарях. Токио: Сюфу-но-томося, 2018. 224 с.
11. 新谷尚紀. 日本人の葬儀. 東京: 角川ソフィア文庫出版、2021。480頁 = Синтани Таканори. Японские похороны. Токио: Кадогава Софиа бунко, 2021. 480 с.
12. 島田裕巳. 葬式消滅 お墓も戒名もいらない. 東京: ジー・ビー出版、2022。208頁 = Симада Хироми. Похороны исчезают; нет необходимости в могилах и посмертных именах. Токио: Дзиби, 2022. 208 с.

References

1. Amurskiy N. (Matveev N.P.) The Japanese Funeral in Vladivostok (From life) // Vladivostok. 1889, April 12. P.4. (In Russ.)
2. Baksheev E.S. 'Two Deaths' in Japanese and Ryukyu (Okinawa) cultures: two-stage funeral rituals in traditional societies as a historical and cultural problem (in the context of Asia-Pacific cultures) // Genesis: historical research. 2013. No. 1. P. 129–191. DOI: 10.7256/2306-420X.2013.1.470 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=470 (accessed 20.08.2023). (In Russ.)
3. Vereshagin E.M. Language and culture // E.M. Vereshagin, V.G. Kostomarov. Moscow: Russian language, 1990. 251 p. (In Russ.)
4. Vinokur G.O. Selected works about Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 492 p. (In Russ.)

5. Vorobiyov V.V. Linguoculturology. Moscow: RUDN, 2008. 340 p. (In Russ.).
6. Ermakova L.M. Honouring ancestors in Japanese culture // Shinto. The way of Japanese gods. In 2 vol. // International scientific society 'Sinto'. Vol. 1. S.-Petersburg: Giperion, 2002. P. 43–59. (In Russ.).
7. Zinovieva E.S. Linguoculturology // E.S.Zinovieva, E.E.Yurkov. S.-Petersburg: MIRS, 2009. 292 p. (In Russ.).
8. Lisovik A.B. Features of funeral rituals in the aspect of people's religiosity in contemporary Japan // Bulletin of S.-Petersburg Humanity University. Ser. 6. 2011. Vol. 3. P.12–19. (In Russ.).
9. Shintani Takanori. Annual events. Tokyo: Popurasha. 2016. 216 p. (In Jap.).
10. All about funerals, memorial services, graves and Buddhist altars. Tokyo: Shufu-no-tomosha. 2018. 224 p. (In Jap.).
11. Shintani Takanori. Japanese Funeral. Tokyo: Kadogawa Sofia bunko. 2021. 480 p. (In Jap.).
12. Shimada Hiromi. Funeral disappears; There is no need for a grave and posthumous name. Tokyo: Jibi shuppan. 2022. 208 p. (In Jap.).

Виктор Николаевич НЕЗАМУТДИНОВ, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: nevic2004@mail.ru

Victor N. NEZAMUTDINOV, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: nevic2004@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 28.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 15.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Круглый стол
УДК 811.523
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Концепты "колонизация" и "освоение": диалог

Ярослав Александрович БАРБЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО

независимый исследователь, Хабаровск, demyanenko@ecrin.ru

Для цитирования: Барбенко Я.А., Демьяненко А.Н. Концепты "колонизация" и "освоение": диалог // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Round table
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

The concepts of "colonization" and "development": a dialogue

Yaroslav A. BARBENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru

Alexander N. DEMYANENKO

Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, demyanenko@ecrin.ru

For citation: Barbenko Ya.A., Demyanenko A.N. The concepts of "colonization" and "development": a dialogue // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 72–81. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/72-81>

Задача данного обсуждения, начавшегося достаточно давно (см. [6; 7; 9]), попытаться ответить на вопрос: что есть "колонизация" и что есть "освоение"? В свою очередь, поиски ответа на поставленный вопрос предполагают необходимость определиться не только с терминологией, но и с пониманием того, каким образом и в каком направлении происходила эволюция исследовательских и управленческих практик, имеющих непосредственное отношение к "колонизации" и "освоению". Естественно, что участники диалога отдают себе отчёт в том, что у них нет исчерпывающего ответа, но есть надежда, что им удастся привлечь внимание коллег к проблемам "колонизации" и "освоения" – они того стоят, в этом мы уверены.

Барбенко Я. А.: Современное отечественное обществознание, особенно это свойственно историкам, активно используют связку понятий "колонизация" и "освоение", очень часто доходя до их отождествления. Несмотря на то, что описанная ситуация объективно обусловлена развитием самого знания, на мой взгляд, такое отождествление понятий (а значит и стоящих за ними реалий) сужает возможности и описания, и понимания многих социальных явлений.

Уточню, что термин "колонизация" вошёл в академический словарь раньше термина "освоение", в отечественной традиции он имел широкое содержание. Так, Г. Гинс в 1913 г. определял колонизацию через, а) вовлечение в хозяйственный оборот малоиспользованных производительных сил территории и б) рост культурного уровня жителей этой территории ("туземцев") [8, с. 76]. Уже, казалось бы, в другую эпоху, планируя развитие Дальневосточного края на первую пятилетку, специалисты Далькрайплана описывали задачи колонизации как а) принять переселенцев для б) "полного хозяйственного переустройства" территорий края [20, с. 28]. Отмечу, что Гинс (следуя не просто теории, а планам Переселенческого Управления) чётко отделял переселение от колонизации [8, с. 101], чего мы не видим в версии Далькрайплана.

Формулирование концепции освоения как альтернативы колонизации происходит в 1920-е гг. Уже предложение Наркомзема провести в 1922 г. Колонизацион-

ный съезд для анализа ситуации вокруг переселения и смежных ей вопросов вызвало критику не только содержания идеи съезда, но даже использования термина "колониационный" [25, с. 45]. В 1920-е гг. было сформулирована разница между колониальной (извлекающей выгоды из колоний) и колониационной (развивающей не(до)развитые территории) политикой [30, с. 4–5], и тогда же руководитель Государственного научно-исследовательского колониационного института А. А. Ярилов, борясь за сохранение специфики своего учреждения, предложил переименовать его в "Государственный институт землеустройства и хозяйственного освоения заселяемых районов" [25, с. 54]. Уже в публикации 1930 г. дореволюционная политика на Дальнем Востоке описывается как "колониальная", а не "колониационная", т. е. как эксплуатирующая, насильственная [с. V–XLIV]. Именно с рубежа 30-х гг. термин "колонизация" политизируется, за ним закрепляется место в политическом и пропагандистском словаре, в то время как термин "освоение" становится частью академического словаря.

Всесторонняя теоретическая разработка понятия освоения начинается в 1960-е гг. силами экономико-географа К. П. Космачёва и его сотрудников (см. оценку вклада [3]), хотя ещё в 80-е гг. историки собирали понятие освоения из словарей русского языка [2, с. 3]. Я вспомнил про историков постольку, поскольку именно они уже в советское (позднесоветское) время, видимо, под влиянием источников, использовали термин "колонизация" не в пропагандистском, а в нейтральном смысле, близком значениям, бытовавшим в 1920-е гг. и раньше. Так, в работе 1973 г. можно прочесть: "Судя по всему, с 1914 г. можно было ожидать нового оживления этого процесса <роста числа переселенцев>, однако мировая война прервала колонизацию края на довольно продолжительное время" [15, с. 151], в данном случае автор явно отождествляет переселение и колонизацию. С другой стороны, обращаясь к представлениям К. П. Космачёва, можно видеть, что освоение в первом приближении обозначается как "захват" новых площадей отраслями хозяйства [16, с. 8], А. И. Алексеев же выводил освоение в формулу "открытие-использование-хозяйственное использование" [2, с. 3]. Таким образом, в советское время параллельно с активным использованием термина "освоение", разработкой экономико-географической теории освоения продолжалось использование термина "колонизация".

Реабилитация термина "колонизация" связана с кризисом государственной идеологии СССР или, скорее, с потерей интереса государства к идеологической работе. Но, так же как и сто лет назад, понятия колонизации и освоения остаются в нераздельном слиянии. Так, историк Б. Н. Миронов видит освоенческий смысл колонизации: "экспансия в смысле захвата чужих территорий и колонизация в смысле освоения пустых и никому не принадлежащих, по крайней мере формально, земель" [18, с. 19], экономисты Н. П. Рыжова и О. Г. Васильева также вспоминают о "моделях освоения периферий, колоний" и рассуждают о "колониационной и переселенческой политике Российской империи и позднее – Советского Союза" [24, с. 8, 11]. Наконец, историк Е. И. Нестерова, характеризуя особенности колониационной политики на дореволюционном Дальнем Востоке, указывает, что "освоение приамурских территорий проходило в большей степени под знаком имперского строительства, нежели колонизации региона" [19, с. 15]: она противопоставляет изучаемые понятия, но за счёт, видимо, противопоставления политического по характеру имперского строительства и экономической по характеру колонизации.

На приведённых примерах можно видеть сложные отношения изучаемых понятий. Дореволюционная мысль сформулировала идею колонизации как хозяйственной деятельности и отделила её от переселения, ранняя советская мысль пришла к размежеванию понятий грабительского "колониального" и развивающего "колониационного", а также предложила альтернативу "колониационному" в виде "освоения". Позднесоветская и современная мысль, развивая эти достижения, тем не менее не смогли с определённой дифференцировать понятия колонизации и освоения. Такая дифференциация оказалась возможна только за счёт их интерпретации как разнохарактерных явлений.

Демьяненко А. Н.: Если российское обществознание доходит до отождествления "колонизации" и "освоения", то отечественная социально-экономическая география и региональная (пространственная) экономика просто игнорирует "колонизацию" и если она всё-таки появляется, то в работах по исторической географии и/или истории экономики России. Вспоминая круглый стол ""Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии?" считаю возможным напомнить, что участники обсуждения существенно расходились во мнениях. И если бы это было расхождение между экономистами и гуманитариями, но расхождения имели место и среди гуманитариев, см. [6]. Впрочем, "колонизация" не только появляется, но и становится объектом анализа, хотя и не часто, в исследованиях, посвящённых современным проблемам российской экономики. Термин "колонизация", если и появляется в работах, посвящённых экономическим проблемам, то, как правило, в рамках реализации междисциплинарных исследовательских проектов, см., например, [1]: в заглавии присутствует термин "освоение", а первая часть этой монографии называется "Азиатская часть России как колония".

Теперь буквально несколько слов относительно, скажем так, начального этапа исследования колониционных процессов. Конечно, Г. Гинс человек достаточно известный и свидетель вполне авторитетный, но есть как минимум ряд исследователей, таких как В. П. Вошинин, А. А. Кауфман, В. Ф. Рубинский, Г. Ф. Чиркин, Н. М. Ядринцев, И. Л. Ямзин, А. А. Ярилов, внесших, по моему мнению, немалый вклад в становление отечественной школы, так сказать, колониционной мысли. Важно помнить, что колониционной тематики были не чужды и такие историки, как С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов. Заслуживает упоминания и тот факт, что вопросы колонизации в целом, и отдельных регионов в частности достаточно широко обсуждались и на страницах общественно-политических газет и журналов. Так вот, отечественная школа колониционной мысли включала не только университетских профессоров, но и чиновников, прежде всего служащих Переселенческого управления, опиравшихся в своих суждениях относительно колонизации и переселения на богатый эмпирический материал, собранный своими руками. Подробнее об основных направлениях исследования колониционных процессов в дореволюционной России в целом и Приамурского края в частности, см. [12; 13].

Но прежде всего опять-таки предельно коротко о П. П. Леруа-Болье и его монографии "La colonisation chez les peuples modernes", опубликованной в 1874 г. и переведённой на русский язык уже в 1877 г. [17]. По поводу этой монографии можно смело вести отдельный разговор, но зафиксирую несколько тезисов, которые, по моему мнению, уместны в контексте нашего диалога. Итак, колонизация – это социальный процесс, далее, колонизация рассматривается не только государством, но и обществом в целом как нечто отвечающее его интересам; наконец, "Колонизация есть ... искусство" [17, р. IV]. Здесь, конечно, можно сказать, что эти тезисы излишне абстрактны, а может быть даже несколько прекраснотушны. Может быть и так. Но отрицать, что колонизация – это сложный или, может быть, даже сверхсложный социальный процесс, вряд ли продуктивно. Более того, если использовать современную терминологию применительно к России, то процесс колонизации и его результат – формирование нового качества пространственной организации российского общества – проблема, требующая усилий специалистов из самых разных областей знания. Иначе говоря, мы имеем дело с объектом междисциплинарных исследований. Например, пространственная организация российского общества до и после присоединения Сибири или Дальнего Востока качественно различны, какой бы параметр мы бы ни взяли для сравнения.

Это хорошо понимали, хотя, возможно, далеко не всегда чётко формулировали, упомянутые российские исследователи колониционных процессов. Но при этом, будучи по преимуществу активными участниками колониционного движения, упомянутые выше исследователи (от Вошинина до Ярилова) не могли не испытывать влияния работ уже отмеченных историков (и не забудем Н. И. Костомарова и А. П. Щапова!), которые не только рассматривали колонизацию как основной факт

русской истории, но и анализировали движущие силы этого процесса. Возможно, поэтому у вас, Ярослав Александрович, возникло ощущение, что дореволюционные исследователи и исследования не только отделяли "колонизацию" от "переселения", но ещё и рассматривали "колонизацию" как хозяйственную деятельность.

Мне более вероятной представляется другая интерпретация: "переселение" применительно к социально-экономическим и политическим условиям предреволюционной России вовсе не отделялось от "колонизации", а составляло её сердцевину. При этом следует иметь в виду, что "переселение" никоим образом не сводилось к организации перемещения населения из одной, как правило, "мало-земельной" местности в пределы того или иного колонизационного района, а эти районы имели место не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в том числе в Степном крае и Туркестане. На Переселенческое управление возлагались также и меры не только по оценке колонизационной ёмкости тех или иных мест, но и меры, как бы сказали сейчас, по инфраструктурной подготовке мест вселения переселенцев. Вряд ли в данном случае уместно заниматься анализом воистину безбрежного объёма материалов, полученных в ходе многочисленных экспедиций Переселенческого управления или Амурской экспедиции 1910 г., поэтому только отмечу, что участниками этих экспедиций были исследователи, многие из которых стали в будущем большими учёными. К сожалению, значительная часть этих материалов так и не разработана должным образом до сих пор.

Если воспользоваться вашей терминологией, то, действительно, в "раннесоветский период", то есть до наступления "великого перелома" и массовых репрессий по отношению к "буржуазным специалистам", колонизационная тематика никуда не делась. Более того, в стране вполне успешно действовал Колонизационный институт, колонизационная тематика присутствовала не только в научных журналах, но и в решениях государственных органов власти, как в центре, так и на местах.

Действительно, Ярослав Александрович, вы правы, говоря о том, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. колонизационная тематика стала заменяться тематикой освоенческой. И дело здесь не только в том, что поменяли слово "колонизация", на более политически верное – "освоение". И даже не в том, что "позднесоветская и современная мысль" не смогла дифференцировать понятия "колонизация" и "освоение". По-моему, дело в том, что колонизация, как её понимали классики, представляла, говоря сегодняшним языком, социально-культурный феномен, который не мог быть сведён к экономическим или техническим (при всей их значимости) аспектам.

Барбенко Я. А.: Несомненно, явление колонизации очень широко и включает и переселение, но я не уверен, что нам стоит усложнять работу, включая в предмет разговора ещё и понятие переселения. Что же касается экономической редукции колонизации, то она косвенно проявляется в словосочетании "хозяйственное освоение", являющимся характернейшей чертой исследовательского словаря советского времени.

Предлагаю содержательно развести понятия освоения и колонизации, оставив их в одном тематическом поле, но обозначив их через разный предмет и в результате выстроив две отличные перспективы социальных явлений. В качестве варианта решения этой задачи я хочу развить версию, уже заявленную ранее [4]. В целом идея заключается в том, что колонизация и освоение имеют различающуюся символическую основу, которая формирует разную логику планирования политики колонизации и политики освоения, разную логику поведения участников процесса на месте – в колонизируемом или осваиваемом регионе, или даже сообществе.

Логика колонизации может быть привязана к идее дистанцирования субъекта и объекта колонизации, как собственно символическими средствами (через идею "бремени белого/бритого [29] человека"), так и путём эксплуатации, экономического подчинения, извлечения ресурса из колонии. В 1907 г. Н. Шуман видел причину неэффективности русской колонизации Сибири именно в приоритете интересов Европейской России перед интересами самой Сибири [28, с. 3], не го-

вора уже о позиции сибирских областников по данному вопросу. Колониальное развитие – это эффект от нужд и действий колонизатора по извлечению выгоды из колонии. Собственно, и символический, и материальный аспекты колонизации выстраиваются таким образом, что поддерживают друг друга, образуя замкнутый смысловой круг: более развитые/достойные извлекают выгоду, поэтому они более развитые и извлекают выгоду.

Логика освоения привязана к идее вложения: "освоение территории – это её насыщение вложениями материальных средств и человеческого труда... в результате чего природная основа территории видоизменяется и обогащается техническими сооружениями того или иного рода и их системами" [16, с. 9]. Такой подход пересекается с идеей Переселенческого Управления о колонизации как заселении пустующих окраин империи [8, с. 76]. Именно с этого момента (1912 г.) Переселенческое Управление наращивало бюджет строительства дорог, больниц, школ в переселенческих районах, в то время как практика переселений и колонизации XIX в. породила явление захватного землепользования переселенцев, которое среди прочего было спровоцировано тем, что участки переселенцев десятилетиями оставались необмежёванными: у местной администрации не было средств (вложений!) на достаточный штат землемеров.

Таким образом, применив оптику "колонизации-извлечения" и "освоения-вложения", можно не только видеть специфику понятий, но с её помощью дифференцировать "колонизационные" явления на колониальные и освоенческие, как это видно на примере изменений переселенческой политики в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XX в.

Демьяненко А. Н.: Признаюсь, что я не осознал в полной мере, что это за исследовательская задача, решение которой, по вашему мнению, позволяет "содержательно развести понятия освоения и колонизации, оставив их в одном тематическом поле, но обозначив их через разный предмет и в результате выстроив две отличные перспективы социальных явлений". Мне представляется, что отказ в научном сообществе и в практике государственного управления от термина "колонизация" в пользу "освоения", с одной стороны, отражала смену идеологических установок, когда колонизация стала отождествляться с колониализмом, присущим проклятому царизму, а "освоение" и/или ускоренное развитие окраин, национальных особо, должно было ассоциироваться с научно обоснованным и осуществляемым в плановом порядке развитием периферии, то есть бывших колоний российской империи.

Но идеология в конечном счете отразилась, не могла не отразиться, на понимании роли государства в процессах управления социально-экономическим развитием страны, в том числе и в пространственной организации экономики и общества в целом. Среди работ последних лет, посвящённых этому сюжету, рекомендую статью [27], а также [10]. Поэтому "колонизация" как сложный социальный процесс в конечном счете свелась к индустриальному "освоению" бывших "колониальных окраин", прежде всего основанному на эксплуатации природных ресурсов. "Переселение" досоветского периода, предполагавшее формирование стимулов, имеющих экономическую (рыночную) природу и при этом учёт межкультурных взаимодействий между переселенцами и аборигенами, радикально меняется в советский период истории региона. "Переселение" достаточно быстро сменилось "оргнабором", а затем и использованием неэкономических методов (ГУЛАГ наиболее яркий случай) привлечения рабочей силы на стройки социализма. Что же касается отношений пришлого и аборигенного населения, то здесь возобладало представление о том, что аборигены с их традиционным укладом хозяйствования есть нечто отсталое по определению, и отсталость эту необходимо преодолеть.

Если принять вышесказанное в качестве очень упрощённой схемы, то да, действительно, колонизация и освоение имеют различную основу (не знаю, насколько она имеет символический характер), которая формирует разную логику государственного планирования колонизации и освоения. При этом следует иметь в виду, что и государственная политика освоения периферийных районов также эволю-

ционировала от политики, в основу которой был положен производственный подход и наиболее яркими проявлениями которой были комбинатские структуры, их же в конечном счёте предполагалось трансформировать в территориально-производственные комплексы, которые должны были стать производственным ядром крупных экономических районов, то есть формируемых в плановом порядке пространственных экономических систем. В этой связи уместно привести серию монографий "Проблемные регионы ресурсного типа" в работе над которыми принимали участие специалисты целого ряда институтов СО РАН: [21; 22; 23]. Однако при всех несомненных достоинствах теории ТПК реализация его на практике столкнулась с зачастую с неразрешимыми проблемами.

И последнее по данному вопросу. Сведение колониационного дискурса к экономической проблематике, если только я вас правильно понял, наверное, дело интересное, но вряд ли такой подход является продуктивным, а тем более единственно возможным.

Барбенко Я. А.: Я не вполне чётко проблематизировал нашу работу, исправляюсь: смысл разрушения синкретичного понятия "колонизация/освоение" заключается в том, что пересобранная связка "колонизации" и "освоения" является полезным и продуктивным исследовательским инструментом. Иначе говоря, прежде чем решать "народнохозяйственные" проблемы, нужно разобраться в теории. Собственно, экономическая проблематика выступает только примером, было бы неправильно сужать оба обсуждаемых понятия только к экономике. Вот почему в основу разведения колонизации и освоения следует положить символическое начало: оно позволит относить любые факты к "колонизации" или к "освоению". Выше я показал, как можно не просто выявить динамику переселенческой политики (она давно выявлена другими средствами), но ещё и дать оценку с точки зрения качественного перехода от политики потребления и случайного (с точки зрения объекта) развития колоний к политике целенаправленного развития путём вложения.

Есть и более сложные примеры, в которых отношение колонизации и освоения не столь однозначны [5]. Так, политика наделения землёй всех желающих в Приамурском крае через приобретение в собственность в соответствии с "Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири" 1861 г. является признаком политики освоения, хотя в данном случае "вложение" должны были делать сами собственники (что напрямую не предусматривается концепцией К. Космачёва). Крестьяне-переселенцы же выбирали другой способ приобретения земли – получение льготного надела государственной земли общиной, и это обстоятельство можно понимать, как проявление колониаторских настроений переселенцев, стремившихся взять побольше и подешевле. С учётом того, что наделы переселенцев не имели формальной фиксации долгое время, сложился феномен захватного землепользования; и это ещё один признак колонизации. И только распространение частного землевладения у приамурских крестьян в начале XX в., а также столыпинская политика внедрения хуторского и отрубного землевладения (более ответственного, чем общинное) реконструируют былую политику освоения. С учётом того, что государство было готово относительно щедро финансировать переселение, во второй декаде XX в. можно фиксировать комплексную ситуацию аграрного освоения, участниками которой были и сами переселенцы (старожилы и новосёлы), и государство.

Концепция освоения в данном случае не просто помогла увидеть специфику переселенческой политики, но ещё и позволила выявить такой субъект освоения, как крестьянство (или шире – землевладельцев), причём крестьянство становится субъектом освоения не по указу государства, а под давлением более фундаментального фактора – исчерпания свободных земель. Таким образом, на данном примере можно видеть не только динамику политики, но и движение статуса крестьянства от субъекта колонизации к субъекту освоения.

Демьяненко А. Н.: И вновь я должен предварить свою реплику признанием: я не понял, что есть синкретичное понятие "колонизация/освоение". Это вовсе не

оценочное суждение, это констатация факта. Поэтому ограничусь некоторыми комментариями относительно вашего высказывания.

Начну с пустячка: мне не ясно, что такое "политика целенаправленного развития путём вложения". Полагаю, что речь должна идти об инвестициях в развитие периферийных регионов. Но сказав "а", следовало бы сказать и "б", то есть кто и каким образом формирует и реализует ту самую политику и в чьих интересах. И если мы ограничим свои суждения только Дальним Востоком, то нам придется исследовать не только эволюцию колонизации этого региона, в ходе которой не менялись целевые установки государства, формы и механизмы реализации политики в области колонизации. В отношении смены стратегических приоритетов в развитии Дальнего Востока, см., например, [11; 13].

Захватное землепользование – это не более чем одна из форм землепользования в условиях "земельного простора". Но как только крестьяне, прежде всего старожилы, стали ощущать "земельное стеснение", они стали не только переходить к фиксации своих наделов, но и к покупке и аренде земель.

А теперь по-крупному: мне трудно согласиться с окончательным выводом, согласно которому "на данном примере можно видеть не только динамику политики, но и движение статуса крестьянства от субъекта колонизации к субъекту освоения". Причём у меня в данном случае нет желания спорить о том, кто есть кто в системе объект-субъектных отношений. Скорее всего, это тема отдельного обсуждения. Мне не понятно другое, почему вы весь колонизационный процесс на Дальнем Востоке, сводите к одной его форме: крестьянской колонизации?

На самом деле, вплоть до советизации Дальнего Востока, и даже некоторое время после неё, крестьянская колонизация, по мнению многих специалистов тех лет, в значительной мере исчерпала себя, и на первый план выходила колонизация промысловая и промышленная. И если промысловая предполагала ориентацию, как бы сказали сейчас, на малый и средний бизнес при широком развитии различных форм кооперации, то промышленная или, точнее, промышленно-транспортная колонизация предполагала привлечение крупного капитала (в том числе и иностранного) и создание производств, ориентированных не столько на отечественный, сколько на зарубежные рынки, прежде всего рынки сопредельных стран.

Барбенко Я. А.: Напомню, Александр Николаевич, что вы сами говорили о необходимости комплексного и междисциплинарного изучения сложного явления колонизации, так что прошу меня простить за излишнюю тематическую специализированность моего экспериментально подхода – надо же с чего-то начинать! Субъект-объектные отношения имеют прямую связь с нашим разговором, потому что особенности "колонизации" и "освоения" как раз и заключаются в разном характере этих отношений: целенаправленном извлечении выгоды при колониальных отношениях (и тогда развитие объекта колонизации случайно) и целенаправленном вложении материальных и нематериальных средств в объект освоения (и тогда развитие объекта неслучайно).

Демьяненко А. Н.: Рискну предположить, что прав был Н. М. Ядринцев, который наряду с правительственной колонизацией выделял и вольнонародную, то есть самодеятельную, и именно это проявление самоорганизации по мере роста мобильности населения приобретает, по-моему мнению, всё большее значение в настоящее время. И в этой связи развитие периферийных регионов России, если угодно "колонизация 2.0", предполагает не только масштабные инвестиции (хозяйственное освоение), но и вложения в человеческий капитал, в конечном счёте в создание на российских окраинах условий жизни и ведения бизнеса, которые были бы как минимум не хуже, а желательно – лучше, чем на сопредельных территориях стран-соседей. И тут самое время обратиться не только к научным идеям, но и к опыту разработки и реализации планов колонизации конца XIX – начала XX века.

Возможно, наш не всегда логически выдержанный диалог привлечёт внимание к извечной российской проблеме, когда мы готовы принять чужой опыт (что не

есть, конечно, плохо), но забываем, что есть свой отечественный исторический опыт, который неплохо было бы использовать. Но всё-таки вначале его следует исследовать, а это требует усилий не только отдельных историков или географов, но систематической командной работы.

Литература

1. Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны / Под ред. Кулешова В. В. Новосибирск: ИЗОПП СО РАН, 2008. 428 с.
2. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
3. Бакланов П. Я. К. П. Космачев – основоположник теории освоения // Возможности развития социально-экономического пространства сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности // Мат-лы науч. чтений памяти сибирских географов (Иркутск, 31 мая – 2 июня 2021 г.). Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2021. С. 14–15.
4. Барбенко Я. А. Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье // Предварительные материалы круглого стола "колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии? С. 7–11. // Официальный сайт журнала "Ойкумена. Регионоведческие исследования". URL http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
5. Барбенко Я. А. Модус колонизации и модус освоения в хозяйственно-правовой практике государства и крестьян-переселенцев в Приморской области второй половины XIX в. // Фотьевские чтения – 2022: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 21 декабря 2022 г.). Благовещенск: Дальневост. ГАУ, 2023. С. 170–179.
6. Барбенко Я. А., Горюнов А. П., Демьяненко А. Н., Заколотная А. С., Ковалевская Ю. Н., Кондратенко Г. В., Минакир П. А., Назарова Я. В., Фетисова Л. Е. "Колонизация" и/или "освоение": что нам делать с избытком терминологии? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 4 (43). С. 55–67.
7. Бочарников В. Н., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Барбенко Я. А., Караман В. Н. Возможна ли "колонизация" пространства? // Известия Восточного института. 2020. № 3 (47). С. 79–92.
8. Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. Периодический сборник под ред. Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 12. СПб., 1913. С. 73–120.
9. Демьяненко А. Н., Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О., Симоненко О. А. Возможна ли "колонизация" пространства? Гуманитарии между метафорой и научным исследованием // Известия Восточного института. 2020. № 4. С. 118–132.
10. Демьяненко А. Н. Заметки на полях статьи А. Н. Швецова "Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства)" // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2024. № 1 (2). С. 91–121.
11. Демьяненко А. Н. Об основных этапах стратегических решений в экономике российского Дальнего Востока // Новая экономическая политика на Дальнем Востоке России: институты, инструменты, проблемы, решения. Материалы научного семинара. Отв. ред. П. А. Минакир. 2018. С. 5–19.
12. Демьяненко А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. 284 с.
13. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Введение // Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. 1. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX – XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 208 с. С. 9–15.
14. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока // ЭКО. 2017. № 4 (514). С. 45–60.
15. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). Хабаровск: Кн. изд., 1973. 200 с.
16. Космачёв К. П. Пионерное освоение тайги. Экономико-географические проблемы. Новосибирск: Изд-во "Наука", Сиб. отд-ние, 1974. 144 с.
17. Леруа-Болье П. Колонизация у новейших народов. СПб.: изд. ред. журн. "Всемирный путешественник", 1877. VIII, 526 с.
18. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX вв.) в 2-х т. Т. 1. М.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
19. Нестерова Е. И. Особенности колонизационной политики России в Приамурье (вт. пол. XIX в.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: Мат-лы Вт- Гродековских чтений // отв. ред. Н. И. Рубан. Хабаровск: Изд. дом "Частная коллекция", 1999. С. 11–15.
20. Перспективы развития народного хозяйства и культурно-социального строительства ДВК на пятилетие 1928-9–1932-3 гг. Хабаровск: б. и., 1929. 212, LXXX с.
21. Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России // Под ред. В. А. Ламина, В. Ю. Малова. Новосибирск: СО РАН, 2005. 386 с.

22. Проблемные регионы ресурсного типа: прогнозирование и реализация программ освоения // Под ред. М. К. Бандмана и Ю. В. Малова. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998. 216 с.
23. Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского северо-востока, Урала и Сибири // Под ред. В. В. Алексеева и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2002. 356 с.
24. Рыжова Н. П., Васильева О. Г. Российский Дальний Восток "как череда экспериментов": поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. Регионоведческие исследования 2017. № 4. С. 7–16.
25. Суворова Н. Г., Филимонов А. В. Советская колонизация в терминологических дискуссиях ранне-советских экспертов // Вестник Омского университета. Серия "Исторические науки". 2020. Т. 7, №1 (25). С. 45–57.
26. Цыпкин С., Шурыгин А. Первая революция на Дальнем Востоке. Краткий обзор рев. событий 1905 г. // Станкевич А. П. Первая революция на Дальнем Востоке. Хроника революционных событий 1903–1908 гг. Хабаровск: Дальневост. краев. изд-во "Кн. дело", 1930. XLIV, 280 с.
27. Швецов А. Н. Российское пространство в процессе исторических переходов (к разработке и реализации теории постсоветских системных преобразований организации социоэкономического пространства) // Российский экономический журнал. 2021. № 6. С. 66–100.
28. Шуман Н. К вопросу о землеустройстве и колонизации в Сибири // Вопросы колонизации. Сб. ст. № 1. / Ред. О. А. Шкапский. СПб.: б. и., 1907. С. 3–18.
29. Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С. 265–298.
30. Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение о колонизации и переселениях: уч. пос. для вузов. М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. VI, [2], 328 с.

References

1. The Asian part of Russia: a new stage in the development of the northern and eastern regions of the country / Ed. V. Kuleshov. Novosibirsk, 2008. 428 p. (In Russ.).
2. Alekseyev A. I. Russian Russian people's development of the Far East and Russian America until the end of the XIX century. Moscow, 1982. 288 p. (In Russ.).
3. Baklanov P. Ya. K. P. Kosmachev – the founder of the theory of development [osvoeniye] // Opportunities for the development of the socio-economic space of the Siberian macroregion in conditions of global instability. Irkutsk, 2021. P. 14–15. (In Russ.).
4. Barbenko Ya. A. Distance, colonization, saturation, development: migrant peasants in the Amur region // Preliminary materials of the round table "colonization" and/or "development": what should we do with an excess of terminology? P. 7–11. // The official website of the journal "Oikumena. Regional studies". URL http://ojkum.ru/images/news/olon_materialy.pdf (accessed 30.01.2023). (In Russ.).
5. Barbenko Ya. A. The mode of colonization and the mode of development in the economic and legal practice of the state and migrant peasants in the Primorsky region of the second half of the XIX century. // Fotevsky readings – 2022: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2023. P. 170–179. (In Russ.).
6. Barbenko Ya. A., Goryunov A. P., Demyanenko A. N., Zakolodnaya A. S., Kovalevskaya Yu. N., Kondratenko G. V., Minakir P. A., Nazarova Ya. V., Fetisova L. E. "Colonization" and/or "development": what should we do with the terminology surplus? // Ojkumena. Regional Researches. 2017. No. 4 (43). P. 55-67. (In Russ.).
7. Bocharnikov V. N., Demyanenko A. N., Kireev A. A., Barbenko Ya. A., Karaman V. N. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible?" // Oriental Institute Journal. 2020. No. 3 (47). P. 79–92. (In Russ.).
8. Gins G. Resettlement and colonization // Questions of colonization. A periodical collection. No. 12. St. Petersburg, 1913. P. 73–120. (In Russ.).
9. Demyanenko A. N., Blyakher L. E., Leontieva E. O., Simonenko O. A. Roundtable "Is 'Colonization' of Space Possible? Humanities Scholars between Metaphor and Academic Research" // Oriental Institute Journal. 2020. No. 4. P. 118–132. (In Russ.).
10. Demyanenko A. N. Notes in the margins of the article by A. N. Shvetsov "Russian space in the process of historical transitions (towards the development and implementation of the theory of post-Soviet systemic transformations of the organization of socio-economic space)" // Periphery. Journal of the Peripheries Studies. 2024. No. 1 (2). P. 91–121. (In Russ.).
11. Demyanenko A. N. On the main stages of strategic decisions in the economy of the Russian Far East // New Economic policy in the Russian Far East: institutions, tools, problems, solutions. Materials of the scientific seminar. 2018. P. 5–19. (In Russ.).
12. Demyanenko A. N. Territorial organization of the economy in the Russian Far East. Vladivostok, 2003. 284 p. (In Russ.).
13. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Introduction // Anthology of economic thought in the Far East. Issue 1. Colonization processes in the Amur Region at the turn of the XIX – XX centuries. Khabarovsk, 2008. 208 p. P. 9–15. (In Russ.).

14. Demyanenko A. N., Dyatlova L. A. Modern strategic initiatives and history lessons in the development of the Far East // ECO. 2017. No. 4 (514). P. 45-60. (In Russ.).
15. Kabuzan V. M. How the Far East was settled (the second half of the XVII – the beginning of the XX century). Khabarovsk, 1973. 200 p. (In Russ.).
16. Kosmachev K. P. Pioneer development of the taiga. Economic and geographical problems. Novosibirsk, 1974. 144 p. (In Russ.).
17. Leroy-Beaulieu P. Colonization among the newest peoples. St. Petersburg, 1877. VIII, 526 p. (In Russ.).
18. Mironov B. N. Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX centuries) in 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 2000. 548 p. (In Russ.).
19. Nesterova E. I. Features of the colonization policy of Russia in the Amur region (vt. half of the XIX century) // Historical, cultural and natural heritage of the Far East at the turn of the century. Khabarovsk, 1999. P. 11–15. (In Russ.)
20. Prospects for the development of the national economy and cultural and social construction of the DVK for the fifth year of 1928-9-1932-3. Khabarovsk, 1929. 212, LXXX p. (In Russ.)
21. Problematic resource-type regions: The Asian part of Russia // Ed. by V. Lamin. Novosibirsk, 2005. 386 p. (In Russ.)
22. Resource-type problem regions: forecasting and implementation of development programs // Ed. by M. Bandman. Novosibirsk, 1998. 216 p. (In Russ.)
23. Problematic resource-type regions: economic integration of the European Northeast, the Urals and Siberia // Edited by V. Alekseev. Novosibirsk, 2002. 356 p. (In Russ.)
24. Ryzhova N. P., Vasilyeva O. G. The Russian Far East as a "string of experiments": approaches to study reasons behind successes and failures in development of peripheries // Ojkumena. Regional Researches. 2017. No. 4. P. 7–16. (In Russ.)
25. Suvorova N. G., Filimonov A.V. Soviet colonization in terminological discussions of early Soviet experts // Bulletin of Omsk University. The "Historical Sciences" series. 2020. Vol. 7, No. 1 (25). P. 45–57. (In Russ.)
26. Tsyarkin S., Shurygin A. The first revolution in the Far East. A brief overview of the roar. events of 1905 // Stankevich A. P. The First Revolution in the Far East. Chronicle of the revolutionary events of 1903-1908. Khabarovsk, 1930. XLIV, 280 p. (In Russ.)
27. Shvetsov A. N. Russian space in the process of historical transitions (towards the development and implementation of the theory of post-Soviet systemic transformations of the organization of socio-economic space) // Russian Economic Journal. 2021. No. 6. P. 66–100. (In Russ.)
28. Shuman N. On the question of land management and colonization in Siberia / Questions of colonization, No. 1. St. Petersburg, 1907. P. 3–18. (In Russ.)
29. Etkind A. The burden of a shaved man, or the Internal colonization of Russia // Ab Imperio. 2002. No. 1. P. 265–298. (In Russ.)
30. Yamzin I. L., Voshchinin V. P. The doctrine of colonization and resettlement: academic settlements for universities. Moscow ; Leningrad, 1926. VI, [2], 328 p. (In Russ.).

Ярослав Александрович БАРБЕНКО, канд. ист. наук, магистр географии, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru

Александр Николаевич ДЕМЬЯНЕНКО, д-р геогр. наук, независимый исследователь, г. Хабаровск, Россия, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Yaroslav A. BARBENKO, Candidate of Historical Sciences, Master of Geography, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru

Alexander N. DEMYANENKO, Doctor of Geographical Sciences, Independent Researcher, Khabarovsk, Russia, e-mail: demyanenko@ecrin.ru

Поступила в редакцию

(Received) 16.02.2024

Одобрена после рецензирования

(Approved) 22.02.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2024

Научная статья
УДК 811.521
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Синтаксис как объяснение интуитивизма в японском менталитете

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Андрей Павлович ЛОМАКИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, lomakinap@students.dvfu.ru

Аннотация. В данной работе проводится анализ японского синтаксиса на выявление связи между лингвистическими характеристиками языка и типом мышления японцев. Исследование фокусируется на трёх языковых аспектах, оказывающих влияние на менталитет: относительной свободе структуры, ориентации на ситуацию, неиндивидуализированности. Было установлено, что характерные особенности структуры японского языка отражают нелогические и интуитивные тенденции в японском мышлении.

Ключевые слова: гипотеза лингвистической относительности, японский синтаксис, интуитивизм, японский менталитет

Для цитирования: Кузьменко Н.Н., Ломакин А.П. Синтаксис как объяснение интуитивизма в японском менталитете // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 82–89. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

Syntax as an explanation of intuitivism in the Japanese mindset

Natalia N. KUZMENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kuzmenko.nn@dvfu.ru

Andrei P. LOMAKIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, lomakinap@students.dvfu.ru

Abstract. This study examines Japanese syntax to determine the connection between linguistic features of the language and the way in which Japanese people think. The research contributed to the understanding of three language features that affect the mindset: situation orientation, non-individualization, and relative flexibility of structure. It was discovered that the distinctive aspects of Japanese language structure reflect the culture's non-rational and intuitive inclinations.

Keywords: linguistic relativity, Japanese syntax, intuitivism, Japanese mindset

For citation: Kuzmenko N.N., Lomakin A.P. Syntax as an explanation of intuitivism in the Japanese mindset // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 82–89. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/82-89>

В синтаксисе любого языка, возможно, с наибольшей очевидностью отражаются особенности лексического, грамматического, эмоционального и психологического построения текста или речи. Эта особенность синтаксиса практически постоянно находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных японоведов. Выявлению структурных особенностей построения японского предложения посвящено большое количество исследований. Одними из первых работ, посвященных синтаксису японского языка, следует назвать работы Н.И. Конрада [8], Пашковского [9, с.277-278; 10], А.А. Холодовича [11], И.В. Головнина [5], И.Ф. Вардуля [4] и других исследователей. Идея о существовании двух уровней синтаксиса, высказанная чешским ученым В. Матезиусом и сформулированная им в теории актуального членения предложения [6], была в дальнейшем развита И.Ф. Вардулем в теории двух уровней синтаксиса, названная ученым как синтаксис и супрасинтаксис [4], основное различие которых автор видит в том, что коммуникативные структуры содержат в себе цель, ради которой передается информация, выраженная номинативными структурами. Теоретическое осмысление этих идей находит дальнейшее отражение в ряде исследований ученых, работающих в самых различных областях научного знания – прежде всего в филологии, лингвистике, культу-

рологии, философии, психолингвистике и других смежных отраслях [1]. Так, И.И. Басс концентрирует внимание на проблеме порядка слов в предложении, указывая, что среди японских лингвистов нет единодушия в описании этой проблемы, в связи с чем они также считают эту проблему слабо изученной и требующей дальнейшего изучения [2]. А. С. Комкова в статье "Средства выражения экспрессивности в японском синтаксисе: к постановке проблемы" подробно разбирает некоторые особенности построения экспрессивных предложений в японском синтаксисе, обращая внимание на тот факт, что японцы в основном используют достаточно простые грамматические конструкции для изложения мыслей и в то же время крайне сложные для выражения чувств, эмоций и отношения к собеседнику или предмету речи [7]. В монографии А.А. Шнырко "Вопросы грамматической семантики японского языка. Синтаксис отрицания" на основе изучения взглядов отечественных и зарубежных исследователей дается характеристика категории отрицания в японском языке и ее синтаксический аспект. Особое внимание автор уделяет проблеме границ отрицания, вводя специальное понятие "отрицательной синтагмы" [12, с.70-77]. Привести все исследования, посвященные синтаксису японского языка, не представляется возможности. Тем более что это не входит в задачу нашего исследования. Цель данного исследования заключается в проведении анализа японского синтаксиса на выявление связи между лингвистическими характеристиками языка и типом мышления японцев. Эта проблема не нашла, как нам кажется, всестороннего освещения в отечественной лингвистической науке. Тем не менее некоторые особенности мышления японцев – нелогические и интуитивные тенденции поведенческих характеристик межличностного общения – находят яркое отражение именно в синтаксисе предложения.

"Мир – это мой мир. Границы моего языка означают границы моего мира – это проявляется в том, что границы моего языка, языка, который понимаю только я, есть границы моего мира, мира, который воспринимаю и в котором живу я" [19, с. 68], – заявлял Людвиг Витгенштейн, австрийско-британский философ, в своём логико-философском трактате, предполагая, что восприятие мира зависит от языка. Представление о том, что язык влияет на мышление было в дальнейшем популяризировано с помощью гипотезы лингвистической относительности, или гипотезы Сепира-Уорфа, названной в честь основных идейных лидеров. Гипотеза делала предположение о том, что особенности мышления человека определяются языком, на котором он говорит. На протяжении всего времени существования гипотезы многие её аспекты подвергались критике: Стивен Пинкер, канадско-американский учёный в области психолингвистики, в своём труде "Язык как инстинкт" разбирает первоначальные тезисы Бенджамина Ли Уорфа и развенчивает их, объясняя их несовершенство, концентрируясь на неопытности и отсутствии точных оснований в идеях автора [15, с. 59–63].

Обе стороны фокусировались преимущественно на лексических единицах, а точнее на их наличии или отсутствии, которые должны были объяснять определённые паттерны в мышлении народов. Способен ли человек думать о вещах, для которых у него нет слов, или же у него нет этих слов, поскольку он о них не думает? Проживание опытов универсально, а наличие лексических единиц способно лишь на их подконтрольное осознание, поскольку эти опыты человек может прожить и подсознательно, однако сама идея подобного, даже с отсутствием необходимых для этого слов, может подвести человека к определённым умозаключениям и помочь ему испытать тот же самый спектр эмоций и чувств. Поэтому идея основной гипотезы о том, что каждый аспект языка имеет влияние на мышление, не является уместной. На что ещё стоит обратить внимание, так это на двунаправленность процессов восприятия и мышления – моральные нормы, чувственные практики и когнитивные процессы возникают не только благодаря одному языку, так как язык в большинстве случаев выступает лишь в роли посредника; многие задатки мышления формируются культурными, географическими, религиозными и другими особенностями, которые в нужных обстоятельствах могут переходить и в язык посредством формирования новых лексических единиц, семантически

передающих эти настроения. Поэтому можно сделать вывод, что критика больше обосновывается тем, что идеи лингвистической относительности возводятся в абсолют, превращая её в лингвистический детерминизм, то есть язык полностью определяет все когнитивные процессы в системе мышления человека. Несмотря на шквал критики, утверждения идейных представителей могут найти отклик за счёт мягкой интерпретации теории, уместность которой подтверждается отдельными научными работами за авторством Д. Луны [14], Т. Ведеруса, В. Мариан, М. Каушанской и других [18, с. 3–4], показывающими явные личностные изменения при использовании разных языков у билингвов.

Таким образом, гипотеза данной работы о том, что структура языка может иметь влияние на мышление человека, также уместна в условиях мягкой интерпретации гипотезы, поскольку свидетельствует, что не только язык, но и другие экстралингвистические факторы, могут играть роль в организации типа мышления человека. Наличие или отсутствие лексических единиц хоть и могут объяснять черты мышления людей, не являются их движущей силой, а только отражают изменения и установки, выработанные на уровне культуры. Более детального анализа заслуживает другой аспект языка – его структура, выражающаяся через синтаксис. Наблюдение за структурой языка позволяет изучить уже непосредственное влияние самого языка на тип мышления, вследствие чего станет возможным выделение основных мыслительных паттернов у японского народа, информация о которых будет полезной в области когнитивных наук, социолингвистики и теории коммуникации.

Имеющиеся на данный момент работы, затрагивающие тип мышления японцев, в основном концентрируются на культурных и исторических факторах, имевших влияние на развитие менталитета японцев, без глубокого анализа самого языка и его частей, отражающих взгляды народа. Данная работа фокусируется на том, как сам язык может влиять на мышление человека, используя в качестве опоры исследования, подтверждающие определённую степень верности теории лингвистической относительности. Исследование структуры языка может раскрыть глубинные ценности и особенности японского народа через анализ прежде всего его структуры и синтаксических аспектов, помогая понять, как японцы выражают своё отношение к миру и к другим людям через язык и на какие вещи они обращают особое внимание. Синтаксис, в отличие от других частей языка, в частности лексических единиц, был слабо проанализирован в условиях его влияния на представление японских ценностей и идей. Поэтому разбор данной области может быть востребован для заполнения пробела в лингвистических исследованиях, затрагивающих психологические сферы. Японское предложение характеризуется относительной свободой структуры, неиндивидуализированным аспектом и ориентацией на ситуацию – эти три характеристики показывают связь между японским языком и интуитивной, нерациональной природой мышления. За исключением очень жесткого ограничения, согласно которому сказуемое должно стоять в конце предложения, японский язык имеет относительно свободное расположение слов [1, с. 74–101]. Кроме того, в японском языке часто опускаются подлежащие, особенно те, что означают первое, второе и третье лица [20, с. 738]. В результате переводчикам очень трудно переводить речь с японского языка. Одним из результатов ограничения глагольного окончания в японском языке является то, что, когда человек пишет длинное предложение, сказуемое идёт далеко позади подлежащего, которое часто появляется в начале. Более того, множество небольших клауз затрудняет понимание основной идеи любого разговора. Это можно расценивать как слабость японцев, так и сильную сторону японского языка, поскольку оно помогает обеспечить свободный порядок слов в предложении.

Свобода порядка слов в японском языке во многом обусловлена использованием частиц. Частицы следуют за подлежащим и дополнением. Помимо частиц *が* и *は*, которые обозначают подлежащее предложения, частицы *を* и *に* используются для выделения прямых и косвенных дополнений. Использование этих частиц позволяет японскому языку изменять порядок слов в предложении, поскольку, когда

частица сочетается со словом, относительное положение обоих элементов может быть изменено в предложении. Свобода перемещения частей речи позволяет таким образом подчёркивать различные смысловые аспекты предложения. Кроме того, в японских предложениях основной порядок слов определяется в зависимости от того, какое внимание придается их значениям. Например, сначала идёт упоминание самой важной идеи или вещи, о которой идёт речь в предложении, затем следующей по важности и т.д. Таким образом, поскольку смысловые грамматические единицы можно переставлять с большой свободой, смысл предложения в целом может быть изменён путём перестановки единиц на разные места в предложении. Все вышеизложенные идеи указывают на первую главную особенность японского языка, представляющую интерес: относительную свободу структуры предложения. Кроме того, эллипсис – один из важных аспектов синтаксической структуры любого языка, и это явление очень часто встречается в японском языке, проявляясь в нём не уникальным образом. Например, в разговоре некоторые вещи могут считаться само собой разумеющимися. Людям не нужно говорить о тех вещах, которые уже известны обоим собеседникам. Всё, на что им нужно указывать, – это те вещи или идеи, которые не известны обоим собеседникам. Когда так поступают, на структуру предложения не обращают особого внимания. Говорящие делают больший акцент на смысле, чем на грамматической структуре предложения, которая его и передаёт. Поэтому эллипсис в японском языке в основном связан с контекстом или смыслом, а не с грамматической формой. Это указывает на то, что японский язык не индивидуализирован. То есть, в предложении часто отсутствует явное указание на то, к кому обращаются, и тем не менее передаваемый смысл остаётся понятен.

Ещё одно правило структуры японского предложения заключается в том, что предложение сначала устанавливает сцену происходящего, а затем позволяет исполнителю действовать. Следующий перевод демонстрирует типичный элемент установления сцены, который присутствует в структуре японских предложений [21].

Свет заполняет сад, маленькие, как руки младенца, листья клёна, незаметно растущие горечавки, издавна произрастающие в этих местах плауны – когда я вижу разнообразие горной жизни, моё сердце замирает каждый раз. (庭園一帯に光が満ち、赤ちゃんの手のように小さなカエデの葉や、ささやかに咲くリンドウ、古くからこの地に自生するヒカゲノカズラなど、多様な山のいのちを見つけるたびに、心がふるえまします。)

То есть предложение, в котором речь идёт о действиях людей или природных явлениях, обычно начинается с описания обстановки и заканчивается глаголом. В пространстве до сказуемого есть возможность подчеркнуть различные аспекты деятельности путём перестановки внутренних элементов предложения. Японские предложения обычно фокусируют мысли читателя на непосредственных, конкретных деталях жизни [17, с. 30–31]. Некоторые из приведённых выше предложений о свободе внутреннего порядка слов помогают сделать японский языкком с ситуативной направленностью. Это возможно потому, что свобода порядка слов позволяет сосредоточиться на различных аспектах ситуации в зависимости от цели говорящего или пишущего.

В отношении ситуативного аспекта японского языка также можно сделать некоторые выводы, которые связывают его с интуитивным аспектом японской мысли. Первое, что следует отметить, это то, что дзэн-буддизм, который первоначально пришёл из Китая, прочно укрепился в Японии. Одной из причин популярности этого вида буддизма в Японии может быть его положительное отношение к естеству, а не к интеллектуализации жизни. Кроме того, дзэн-буддизм высоко ценит природные объекты и конкретную ситуацию, находящиеся непосредственно перед человеком [13, с. 94]. Данные характеристики более детально отображаются на примере избранных предложений из эссе за авторством Айхары Нао [22].

П – подлежащее;

С – сказуемое;

Д – дополнение;

КД – косвенное дополнение;

ПД – прямое дополнение.

(Д)「直ちゃん、何しとるんね。けがはないん。」(П)お兄ちゃんが、いろいろ
(С)言ってくれるが、(М)ぼくは(С)何もできなかった。

(КД)お兄ちゃんに(С)言われ、(М)ぼくは(С)はなれて座って待っていた。

(М)お兄ちゃんは、(КД)紙袋に(ПД)われたものを(С)入れてもう一度(ПД)それを
(КД)ビニール袋に(С)入れた。

(М)お兄ちゃんは、(Д)「後で、わっちゃったこと、お母さんに一緒にあやまろうね。」(С)と言った。

(М)お兄ちゃんが(ПД)事情を(С)説明してくれた。

また、(М)お母さんは、(КД)お兄ちゃんに、(Д)「ありがとう。」(С)と言っていた。

В указанных 24 японских предложениях присутствуют 14 различных порядков частей речи. На примере эссе мы можем увидеть первую характеристику японского языка – его относительную свободу структуры. Из-за этой относительной свободы японский язык кажется менее систематичным в своей структуре. Поскольку правила более гибкие, смысл фраз и предложений может варьироваться в зависимости от того, какой аспект хочет подчеркнуть говорящий. Тот факт, что в структуре японского языка присутствует такой объём гибкости, приводит к тому, что японские мыслительные паттерны менее подвержены грамматической структуризации. Это связано со второй характеристикой японского языка – ориентацией на ситуацию. Благодаря относительной свободе структуры японского языка японцы могут иметь несколько большую широту, неограниченность в своём восприятии действительности. Их мировоззрение не так структурировано грамматикой и логикой, и поэтому они могут наблюдать за конкретными объектами и событиями менее строго. Это позволяет интуиции играть большую роль в их восприятии мира. Поэтому они способны более открыто и эмоционально реагировать на мир, который они воспринимают.

Третьей основной характеристикой является неиндивидуализированный аспект языка. Как было уже сказано, это проявляется в том, что в японском языке часто опускается подлежащее. В анализе японского эссе такие пропуски мы находим в семи предложениях. Такое опущение подлежащего или лица, о котором идёт речь, также связано с нелогичным характером мышления и поведенческих характеристик японцев. В этом случае, даже если подлежащее опущено, легко предположить, о ком или о чём идёт речь. Но нельзя отрицать, что иногда, когда ситуация не совсем ясна, опущение подлежащего делает предложение двусмысленным и вызывает непонимание. Ситуативный аспект японского языка также связан с его неиндивидуализированным аспектом. Это объясняется тем, что для того, чтобы человек мог сосредоточиться на реальности конкретных вещей, а не на их концепциях, ему также необходимо не фокусироваться на своём отношении к вещи. Напротив, концентрация на конкретных вещах позволит объекту или событию проявить себя. Фактически это может представляться существенной особенностью интуитивного мышления, позволяющего воспринимаемому объекту проявиться с минимальным вмешательством концепций и "я", насколько это возможно. Ситуативные и неиндивидуализированные аспекты японского языка, похоже, отражают этот интуитивный подход.

Ситуативная направленность японского языка связана, прежде всего, со значительной свободой порядка слов, частым употреблением эллипсиса как важнейшего аспекта японского языка, с самим порядком выбора слов. Кроме того, было установлено, что аспекты, проявляющиеся на каждом уровне, связаны с интуитивной природой японского мышления. А характерные особенности структуры японского языка на уровне предложения соответствуют особенностям на уровне речи, и оба эти аспекта отражают нелогические, интуитивные тенденции в японском мышлении.

В свете полученных результатов, приведённых выше, мы сделали следующие основные выводы:

Во-первых, японский народ выражает меньшую заинтересованность по отношению к идентификации источника информации или исполнителя определенного действия. Это может быть связано с японской концепцией о естественности действий людей, где роль самого исполнителя считается менее значимой, чем в некоторых других культурах [16, с. 131].

Во-вторых, такое отношение можно объяснить тем, что японцы стремятся выйти за рамки формальной грамматики японского языка и использовать своего рода "грамматику" природы. Философски говоря, они рассматривают себя как часть природы [3, с. 76], и поэтому в языке они часто используют свою интуицию и подходят к коммуникации с учетом природных принципов.

Эти наблюдения подчеркивают особенности японской культуры и ее влияние на языковую практику. Понимание этих особенностей может помочь иностранным обучающимся лучше воспринимать и адаптироваться к японскому общению, а также способствовать глубокому взаимопониманию между разными культурами.

Литература

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наталис, 2008. 560 с.
2. Басс И.И. Порядок слов в японском предложении // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. Язык и литература. 2007. № 2-II. С. 93–101.
3. Варакина М.И. Идея единства природы и человека в даосизме // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 75–80.
4. Вардуть И. Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М.: Наука, 1964. 149 с.
5. Головнин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 376 с.
6. Кириллова А.Е. Проблема передачи актуального синтаксиса в практике перевода художественных текстов с японского языка // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 1. С. 98–115.
7. Комкова А.С. Средства выражения экспрессивности в японском языке: к постановке проблемы // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2018. №1 (3). С. 61–68.
8. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка [Текст] // Н. И. Конрад; Ин-т востоковедения Акад. наук СССР. М.: Изд-ское т-во иностр. рабочих в СССР, 1937 (тип. "Искра революции"). 375 с.
9. Пашковский А.А. Порядок членов предложения в современном японском языке // Китай. Япония: История и филология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 277–278.
10. Пашковский А.А. Слово в японском языке. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1980. 208 с.
11. Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка (язык военной документации). М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР, 1937. 247 с.
12. Шнырко А.А. Вопросы грамматической семантики японского языка. Синтаксис отрицания. Владивосток: Дальнаука, 2007. 253 с.
13. Fromm E. Zen Buddhism and Psychoanalysis // E. Fromm, D.T. Suzuki, R. De Martino. HarperCollins, 1970. 180 p.
14. Mihaila M. Does language shape your personality? The Boar (сайт). URL: <https://theboar.org/2019/01/language-personality/> (дата обращения: 24.02.2023)
15. Pinker S. The Language Instinct. Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.
16. Senda M. Japan's traditional view of nature and interpretation of landscape // GeoJournal. 1992. № 26. P. 129–134.
17. Suzuki T. Words in context A Japanese perspective on language and culture. Kodansha USA, 2001. 178 p.
18. Wederus T. Changing language, changing personality: Swedish bilinguals on the effects of speaking English // Umea Universitet, 2017. 18 p.
19. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Routledge, 2001. 142 p.
20. Yonezawa Y. The role of the overt expression of first- and second-person subject in Japanese // Journal of Pragmatics. 2008. №40. P. 733–767.

21. 大橋知沙. 京の奥山、紅葉とコケと山野草 とっておきの庭「白龍園」= Охаси Тиса. Киотская глубь, осенние листья, мох и цветы – Сад белого дракона // 朝日新聞デジタルマガジン = Цифровой журнал "Асахи Синбун" (сайт) URL: <https://www.asahi.com/and/article/20221116/423323109/> (дата обращения: 10.07.2023)

22. 2019年 第13回入賞作品 | 「いつもありがとう」作文コンクール = 2019 13-й конкурс сочинений "Спасибо за всё" // Конкурс сочинений "Спасибо за всё" (сайт) URL: <https://sinanengroup.co.jp/sakubun/prize/13.html> (дата обращения: 10.07.2023).

References

1. Alpatov V.M., Arkadiev P.M., Podleskaya V.I. Theoretical grammar of the Japanese language: in 2 books, Book 2. M.: Natalis, 2008. 560 p. (In Russ.).
2. Bass I.I. Word order in Japanese sentence // Bulletin of St. Petersburg State University. Series. 9. Language and literature. 2007. № 2-II. P. 93–101. (In Russ.).
3. Varakina M.I. Idea of the unity of nature and man in Taoism // Scientific Notes of the Zabaikalsky State University. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work. 2009. P. 75–80. (In Russ.).
4. Vardul I. F. Drafts of potential syntax of the Japanese language. M.: Nauka, 1964. 149 p. (In Russ.).
5. Golovnin I.V. Introduction to the syntax of the modern Japanese language. M.: Moscow University Publishing House, 1979. 376 p. (In Russ.).
6. Kirillova A.E. Problem of transfer of actual syntax in the practice of translation of literary texts from Japanese // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2015. № 1. P. 98–115. (In Russ.).
7. Komkova A.S. Ways of expressiveness in the Japanese language: to the problem // Bulletin of the Siberian State Transport University: Humanitarian Research. 2018. №1 (3). P. 61–68. (In Russ.).
8. Konrad N.I. Syntax of the Japanese national literary language [Text] // N.I. Konrad; Institute of Oriental Studies, Acad. of Sciences of the USSR. M.: Publishing work of foreign workers in the USSR, 1937 ("Iskra revolutsii"). 375 p. (In Russ.).
9. Pashkovsky A.A. The order of parts of sentence in the modern Japanese language // China. Japan: History and Philology. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1961. P. 277–278. (In Russ.).
10. Pashkovsky A.A. Word in the Japanese Language. M.: Main Editorial Office of Oriental Literature Publishing House "Nauka", 1980. 208 p. (In Russ.).
11. Kholodovich A.A. Syntax of the Japanese military language (language of military documentation). M.: Publishing work of foreign workers in the USSR, 1937. 247 p. (In Russ.).
12. Shnyrko A.A. Issues of grammatical semantics of the Japanese language. Syntax of negation. Vladivostok: Dalnauka, 2007. 253 p. (In Russ.).
13. Fromm E. Zen Buddhism and Psychoanalysis // E. Fromm, D.T. Suzuki, R. De Martino. HarperCollins, 1970. 180 p.
14. Mihaila M. Does language shape your personality? The Boar (site). URL: <https://theboar.org/2019/01/language-personality/> (accessed 24.02.2023).
15. Pinker S. The Language Instinct. Harper Perennial Modern Classics, 2007. 576 p.
16. Senda M. Japan's traditional view of nature and interpretation of landscape // GeoJournal. 1992. № 26. P. 129–134.
17. Suzuki T. Words in context A Japanese perspective on language and culture. Kodansha USA, 2001. 178 p.
18. Wederus T. Changing language, changing personality: Swedish bilinguals on the effects of speaking English // Umea Universitet, 2017. 18 p.
19. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Routledge, 2001. 142 p.
20. Yonezawa Y. The role of the overt expression of first- and second-person subject in Japanese // Journal of Pragmatics. 2008. № 40. P. 733–767.
21. 大橋知沙. 京の奥山、紅葉とコケと山野草 とっておきの庭「白龍園」= Ohashi Chisa. Kyoto's Heart, Autumn Leaves, Moss and Flowers – White Dragon Garden // 朝日新聞デジタルマガジン = Asahi Shinbun Digital Journal (site) URL: <https://www.asahi.com/and/article/20221116/423323109/> (accessed 10.07.2023) (In Jap.).
22. 2019年 第13回入賞作品 | 「いつもありがとう」作文コンクール = 2019 13th Thank You for Everything Essay Contest // Thank You for Everything Essay Contest (site) URL: <https://sinanengroup.co.jp/sakubun/prize/13.html> (accessed 10.07.2023). (In Jap.).

Наталья Николаевна КУЗЬМЕНКО, канд. ист. наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Андрей Павлович ЛОМАКИН, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: lomakinap@students.dvfu.ru

Natalia N. KUZMENKO, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kuzmenko.nn@dvfu.ru

Andrei P. LOMAKIN, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: lomakinap@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 26.08.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 17.02.2024

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2024

Научная статья
УДК 327.83
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/90-99>

Роль внутренней интернационализации в развитии "мягкой силы" региона

Юлия Александровна ЛАМАСHEVA

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, yuliya_lamasheva@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена возможностям развития "мягкой силы" российских регионов в условиях изменения международной среды и внешней политики России. "Регионы" рассматриваются как органы власти в сотрудничестве с неправительственными организациями, университетами и бизнесом. Отмечено, что в условиях пандемии и ограничения мобильности населения важным направлением интернационализации, особенно на уровне университетов, стала внутренняя, ориентированная на использование собственных ресурсов. Сделан вывод о том, что достоинством этого типа интернационализации является возможность развития культурного интеллекта для всех жителей региона, что, в свою очередь, способствует развитию привлекательности региона в новых условиях открытия границ.

Ключевые слова: "мягкая сила", публичная дипломатия, субнациональные регионы, внутренняя интернационализация, университеты

Исследование проведено в рамках Программы развития ФГБОУ ВО ТОГУ, грант 9.12

Для цитирования: Ламашева Ю.А. Роль внутренней интернационализации в развитии "мягкой силы" региона // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 90–99. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/90-99>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/90-99>

The Role of Internationalization at Home in Developing Regional "Soft Power"

Yuliya A. LAMASHEVA

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, yuliya_lamasheva@hotmail.com

Abstract. The article is devoted to possibilities of developing "soft power" of Russian regions in view of changing international environment and foreign policy of Russia. The "regions" mean local governments in cooperation with non-governmental organizations, universities and businesses. It is mentioned that in conditions of pandemics and mobility restrictions the increasing role was played by internationalization at home, especially at universities, as this type of internationalization requires more internal resources. It is concluded that internationalization at home is beneficial for developing cultural intelligence for every person in the region, that, in its turn, positively affects attractiveness of the region in view of recent border opening.

Keywords: "soft power", public diplomacy, subnational regions, internationalization at home, universities

The study was conducted within the framework of the Development Program of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pacific National University, grant 9.12

For citation: Lamasheva Yu.A. The Role of Internationalization at Home in Developing Regional "Soft Power" // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 90–99. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/90-99>

Введение

К настоящему времени написано немало работ о процессе и результатах участия субнациональных регионов в международных отношениях. Акцент делается на внешнеэкономических и культурных связях регионов, а также на возможности использования "мягкой силы" регионов.

В то же время современное состояние системы международных отношений требует переосмысления возможностей участия российских регионов в этой системе. Во-первых, в результате закрытия границ в период пандемии внешние связи регионов стали зависеть от того, в какой степени их можно было перевести в дистанционный формат. Во-вторых, начиная с февраля 2022 г. наблюдается кри-

тический пересмотр и, как следствие, разрыв международных связей России по политическим причинам.

Одним из заметных, но малоисследованных последствий политической самоизоляции регионов становится процесс внутренней интернационализации, в котором акцент сделан на подготовке к внешней интернационализации. Объектом исследования является развитие "мягкой силы" региона, предметом – внутренняя интернационализация как один из способов достижения данной цели. Цель работы – охарактеризовать процесс внутренней интернационализации для развития ресурса "мягкой силы" регионов в современных условиях.

Задачи исследования:

- 1) уточнить место регионов в системе международных отношений России;
- 2) оценить роль "мягкой силы" в поддержании международных связей регионов;
- 3) охарактеризовать участников региональной подсистемы публичной дипломатии;
- 4) показать роль внутренней интернационализации в формировании культурного интеллекта региональных участников.

В работе использован системный подход [1]. Участники регионального измерения международных связей представляют собой элементы подсистемы (субнационального региона), входящей в систему международных отношений России. Подсистема испытывает влияние внешней среды (от глобального уровня до уровня государства), для адаптации может использовать ресурсы внутренней среды. Внутренняя интернационализация с точки зрения системного подхода представляет изменение внутренней среды. Системно-элементный аспект исследования показывает участников процесса внутренней интернационализации региона, системно-функциональный – какую роль региональные участники выполняют в этом процессе.

Изменение среды системы международных отношений и, соответственно, приоритетов и направлений действий России в новых условиях отражены в Концепции внешней политики РФ 2023 года [19]. Для целей данной работы важны следующие тезисы. Во-первых, в мире наблюдаются серьёзные проблемы с эффективностью официальной дипломатии (ст. 9). Во-вторых, неотъемлемой частью внешней политики стала экономическая дипломатия (ст. 12, ст. 15, ст. 39). В-третьих, для поддержания экономического и политического взаимодействия необходима культурная дипломатия (ст. 19, ст. 43). Важно также упоминание в статье 75 о том, что "широкое вовлечение конструктивно настроенных общественных сил во внешнеполитический процесс способствует формированию общенационального согласия в отношении внешней политики Российской Федерации, содействует её реализации, имеет важное значение для более эффективного решения различных вопросов международной повестки дня" [19].

Регионы в системе международных отношений России

Вопросы экономического и культурного взаимодействия традиционно решаются не только на федеральном, но и на региональном уровнях, а общенациональное согласие обеспечивается действием Федерального закона от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" [18] и Федерального закона от 04.08.2023 № 420-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и статью 44 Федерального закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации" [17]. Поэтому актуальным представляется рассмотрение роли субнациональных участников в реализации экономической и культурной дипломатии России. В данной работе регион понимается как административно-территориальная единица субнационального уровня.

В 2022 г. вышел доклад "Практики публичной дипломатии регионов России 2017-2021 гг.", в котором дана рейтинговая оценка субъектов Федерации по нескольким показателям [22]. Публичная дипломатия представлена авторами как

программы (проекты, мероприятия) в сфере международных коммуникаций, реализуемые региональными участниками (университеты, некоммерческий сектор, региональные органы власти) согласно своим компетенциям в рамках законодательства России. Особое внимание в докладе уделяется многообразию некоммерческих организаций, которые могут быть универсальными и специализированными, а в последнем случае – исследовательскими, образовательными, культурными, этническими, религиозными и т.д. Региональные некоммерческие организации вносят существенный вклад в международные связи региона, которые, в свою очередь, встроены в систему внешней политики страны [22, с. 75].

Баллы и рейтинги регионов, представленные в докладе, можно считать обусловленными факторами, определяющими международные связи регионов [9]. В то же время всем региональным органам власти (независимо от позиции региона в рейтинге) авторы дают единую рекомендацию – вкладывать ресурсы в образовательный потенциал регионального гражданского общества, поскольку именно жители региона формируют его публичную дипломатию, которая направлена "на завоевание доверия, уважения и признания у широкого круга граждан других стран" [14; 23], иными словами, на развитие "мягкой силы" региона, под которой в данной работе понимаются "невоенные методы воздействия на противоположную сторону" [12].

Роль "мягкой силы" в развитии региональной подсистемы публичной дипломатии

Силовые методы реализации внешней политики являются прерогативой государства, регионы же могут заниматься внешнеэкономической деятельностью и развитием "мягкой силы". В современных условиях "мягкая сила" не потеряла актуальности для субнациональных акторов. Лебедева М. М. подчеркивает, что ключевой момент "мягкой силы" – привлекательность, и это качество можно развивать и сегодня с помощью внутренних ресурсов [12]. В качестве примера успеха "мягкой силы" группа авторов Российского совета по международным делам (РСМД) приводит получение образования за рубежом, так как это результат "осознанной необходимости индивида" и "плод успешной работы других элементов влияния – культуры, спорта, информационной политики, дипломатии" [6]. Региональные университеты продолжают набирать иностранных студентов, что означает сохранение привлекательности российских регионов.

"Мягкая сила" предполагает создание доверительных отношений, ориентируется на диалог и на долгосрочное взаимодействие, не допускает навязывания [12, с. 215]. Наоборот, назойливость при демонстрации привлекательности превращает "мягкую силу" в пропаганду. Важна также ориентация на определенного партнера по диалогу: с учетом многообразия культур универсальный рецепт привлекательности разработать не получится. Эту мысль развивает Ю. Семке, предлагая разработать для каждого партнера индивидуальный план информационной работы на основе анализа особенностей культуры, менталитета и способов потребления информации страны-партнера, причем необходима координация действий государственного сектора, бизнеса и некоммерческих организаций [23].

Участники региональной подсистемы публичной дипломатии

Мысль о взаимодействии внутри региона встречается нередко. Так, "Практики публичной дипломатии регионов России 2017-2021 гг." [22] подчеркивают роль некоммерческих организаций и университетов, помимо собственно региональных органов власти. Поскольку в большинстве субъектов Федерации есть и муниципальные образования, имеющие право заниматься международными связями, они также включены в региональную подсистему публичной дипломатии "мягкой силы". Зачастую город-региональный центр проводит мероприятия, вызывающие интерес и участие региональных органов власти. Чем больше муниципальных образований в регионе, тем более рассредоточенной может быть публичная дипломатия региона. Наконец, уже упоминалась роль бизнеса в развитии "мягкой силы". На уровне региона это, как правило, не крупные корпорации, а скорее средний или

даже малый бизнес, причем не обязательно экспортеры товаров, а, например, туристические компании, принимающие иностранных гостей.

Если продолжить эту мысль, то участниками региональной подсистемы публичной дипломатии становятся все государственные и негосударственные структуры, взаимодействующие с иностранными гражданами, как с туристами, так и с мигрантами. Это могут быть места общественного питания, магазины, банки, больницы, полиция, транспортные компании и т.д. Иностранные туристы и мигранты могут воспользоваться услугами тех же структур, что и граждане России. Сами граждане России как носители российских культурных традиций также создают локальную "мягкую силу".

Чаще всего в научных источниках в качестве носителей региональной "мягкой силы" описываются университеты, принимающие иностранных студентов. Взаимодействие университетов с региональными органами власти и бизнесом иллюстрирует треугольник координации Б. Кларка, который характеризует университет как объект, находящийся под влиянием трёх факторов: государственной власти, рыночных сил и академического сообщества [7]. Международная деятельность университета также зависит от этих факторов.

По данным Чихарева И. А. и Столетова О. В., возможности влияния университетов на международные отношения разнообразны: они включают формирование дискурсов, элитообразование, научно-информационные кампании. Основные ресурсы публичной дипломатии университетов – это не только образовательные, но и конференц-ресурсы, представительские возможности университета, медиаресурсы, веб-технологии, контент университетских библиотек. Указанные авторы выделяют шесть видов инструментов публичной дипломатии университетов. Образовательный и социализационный инструментарий включает собственно образование, смену ролей в процессе социализации, функцию социального отбора (формирование элиты). Медиа и веб-инструменты включают бренд университета и образовательных программ, сайты вузов, интернет-версии журналов. Дискурсивные ресурсы университета – это в первую очередь публикационная активность, позиции в мировых рейтингах, программы повышения квалификации, деятельность научных лабораторий. Университеты, будучи площадкой для международного позиционирования, проводят конференции, мастер-классы, выставки, принимают лекции зарубежных ученых, выступления политических лидеров. Университеты как центры международной исследовательской и иной кооперации организуют совместные научные проекты. Наконец, участие университетов в разработке мирополитических стратегий – это экспертно-аналитическая работа, разработка сценариев [27].

Речь идёт не только о столичных университетах, но и о региональных, иногда именуемых "остальными". Однако, как подчеркивает Томилин О. Б., "остальные" вузы – это стеновая хребет высшей школы России, определяющий состояние экономики страны в целом, обеспечивающий социально-экономическую стабильность регионов" [26, с. 44].

Авторы Российского совета по международным делам (РСМД) выделяют ряд угроз, с которыми столкнулось высшее образование после февраля 2022 года. Это не только разрыв гуманитарных связей со стороны стран Запада, но и развернувшиеся информационные войны [6]. Это и проблемы, связанные с логистикой, транспортом и финансами, что напрямую влияет на иностранных студентов и абитуриентов.

В этих условиях очевидным становится изменение баланса между двумя видами интернационализации: внутренней и внешней. Понятие "интернационализация" трактуется довольно широко, при этом для целей данной работы интернационализация понимается как процесс развития международных связей, в котором цели и средства определяются самим участником (в отличие от глобализации, носящей преимущественно характер внешнего воздействия). Традиционно и в теории, и на практике преобладала внешняя интернационализация, понимаемая как академическая мобильность преподавателей, студентов и сотрудников универси-

тетов. Однако сначала пандемия, а затем разрыв сложившихся в образовании и науке связей стали серьезными барьерами на пути внешней интернационализации университетов России. Внутренняя интернационализация, то есть включение международного и межкультурного измерения в стратегию развития её субъекта без условия пересечения государственных границ, обычно упоминалась только как инструмент для привлечения иностранных студентов, но теперь она играет более важную роль.

Роль внутренней интернационализации в развитии культурного интеллекта и связь с "мягкой силой" региона

Внутреннюю интернационализацию зачастую определяют как процесс, обслуживающий внешнюю интернационализацию. Отсюда появляется конкретизация, иногда избыточная. По мнению Левченко В. В., внутренняя интернационализация затрагивает такие процессы, как "содержание учебных планов и программ, создание лабораторий академического письма, преподавание и обучение на иностранном языке" [13, с. 3]. Кузовенкова К. О. считает, что это "включение межкультурного и межнационального измерений в содержание учебных планов, процессы преподавания и обучения, а также во внеаудиторную работу со студентами" [11, с. 255]. Однако, на наш взгляд, целесообразно говорить о внутренней интернационализации как о "любимой активности в сфере международной деятельности, за исключением исходящей академической мобильности студентов и сотрудников" [24]. Эта активность включает и формирование толерантности местного сообщества, и готовность университетских организационных структур решать бытовые и иные проблемы иностранных граждан, что Антонова Н. Л. характеризует как составляющие "мягкой силы" высшего образования [2, с. 40]. Помимо собственно образовательной и научной деятельности, у всех университетов есть "третья миссия", а именно "добровольное участие университетов или отдельных его членов в социальных, общественных, экологических и экономических проектах общин, региона, страны в целом" [5, с. 69]. Частью "третьей миссии" университетов и их внутренней интернационализации является "формирование такого климата и культуры в вузе, которые поддерживают и продвигают межкультурное и международное взаимопонимание" [11, с. 254], а также "формирование принципов и отношений к открытому взаимодействию между представителями различных культур и, как следствие, обучение разрешению конфликтов посредством диалога и мирного сосуществования" [12, с. 130]. Действительно, поскольку инокультурные студенты являются представителями других культурных и религиозных традиций, то "с неизбежностью возникает проблема их социокультурной адаптации" [16, с. 72].

Внутренняя интернационализация касается не только университетов, но и региональных, и муниципальных органов управления, и некоммерческих организаций, и бизнеса. Этот процесс может происходить и внутри индивидов. В период пандемии он был активизирован ограничениями мобильности. Мечтая о свободе путешествовать, люди искали информацию о других странах и культурах в интернете, смотрели передачи о путешествиях по телевидению, читали книги страноведческого содержания. В период пандемии возрос спрос на онлайн-курсы, в т.ч. изучение иностранных языков и культур, как в практических целях (зарубежная кухня, дизайн интерьеров, методы организации пространства, уход за экзотическими растениями и животными), так и для интеллектуального и духовного развития (зарубежная музыка, театр, кино, литература, история, праздники). Пользуясь выражением С. Кови, наступило время "затачивать пилу", то есть развивать личные ресурсы за счет обновления знаний и навыков. Для этого надо быть проактивным, поскольку внутренние ресурсы находятся в центре круга влияния. Следуя логике С. Кови, чем выше проактивность, тем выше эффективность в управлении, в поиске синергетических решений в духе "выиграл/выиграл" [8]. "Затачивали пилу" не только отдельные люди, стремившиеся к личной эффективности, но и компании, например, туристические. Они в период вынужденной паузы в турпотоке занялись изучением зарубежных практик привлечения туристов и

оказания туристических услуг, выделяя в первую очередь те страны, откуда приезжали туристы до закрытия границ.

В период, когда ограничения на пересечение границ только начали сниматься, началась специальная военная операция. Фактически границы государств, которые ввели санкции и были отнесены к "недружественным", так и остались закрытыми по причине проблем с выдачей виз, транспортной логистикой, а также валютно-финансовых ограничений. Поэтому внутренняя интернационализация не потеряла своей актуальности. "Отмены культуры" даже "недружественных стран" в России не произошло, а для близкого (контактного) знакомства с культурой "дружественных стран" необходимо предварительное обучение во избежание тяжелых последствий "культурного шока".

В условиях ограниченных возможностей внешней интернационализации выявились преимущества внутренней. Во-первых, последняя доступна большему количеству пользователей. Достаточно иметь электричество и доступ в интернет, но в крайнем случае выучили и самоучители по иностранным языкам, и переводная научная и художественная литература. Во-вторых, внимание на внутреннюю интернационализацию обратили организации: университеты ввели дисциплины по межкультурной коммуникации, расширили перечень преподаваемых иностранных языков, компании нашли местных бизнес-тренеров с международными компетенциями (вместо того, чтобы требовать от сотрудников самостоятельных усилий для участия в международных стажировках). Этому способствовало третье преимущество: внутренняя интернационализация не только более массовая и финансово доступная, она также дает возможность формировать программу обучения по запросу (государства, компании или индивида). Для государства, например, это может быть важно как противодействие "мягкой силе" других государств. Россия обозначила подобные угрозы в ряде документов, в т.ч. в Концепции гуманитарной политики [20] и новой Концепции внешней политики России [19].

Кроме того, внутренняя интернационализация сместила на её участников ответственность за развитие собственных международных связей. Неучастие во внешней интернационализации можно было оправдывать дефицитом возможностей и ресурсов. Внутренняя интернационализация предполагает использование внутренних ресурсов для достижения собственных целей. Примеры ко스플레이еров и танцоров в стиле К-Поп, активно участвующих в открытых мероприятиях городов Дальнего Востока России в нынешнем году, наглядно демонстрируют возможности внутренней интернационализации. Если речь идет о привлечении иностранных студентов, то примером является включение в процесс адаптации не только уполномоченного "отдела международных связей", но и преподавателей и студентов, заинтересованных в развитии собственного культурного интеллекта без выезда за границу. То же можно сказать и о бизнесе, например, туристическом: оказывать помощь иностранцам научились не только переводчики, но и рядовые сотрудники.

Именно об этом в марте 2022 года говорили участники круглого стола Российского совета по международным делам (РСМД) по теме международного маркетинга российского образования: "Кризис – это время, когда нужно инвестировать в отношения. В настоящий момент следует переосмыслить ценности и работать с внутренней средой (сотрудниками и студентами) ... Стоит увеличивать количество живых встреч сотрудников административного звена со студентами, разнообразить мультикультурную среду университета" [6]. Это значит, что всем сторонам придется развивать культурный интеллект.

Понятие "культурного интеллекта" дополняет длинный перечень типов интеллекта, описываемых разными авторами. Наиболее известна концепция множественности интеллектов Гарднера, которая включает лингвистический, музыкальный, логико-математический, телесно-кинестетический и другие типы интеллекта. "Культурный интеллект" у Гарднера не описан, "потому, что в каждой культуре имеется своя система символов и собственные средства для интерпретации событий, "сырьевой материал" личностных интеллектов быстро оказывается

под воздействием различных смысловых систем, которые могут во многом отличаться друг от друга" [4, с. 453]. Исключительно этому типу интеллекта посвятил работу Д. Ливермор. Он выделяет четыре составляющих культурного интеллекта. Мотивационный компонент включает интерес, решимость и желание заниматься межкультурной адаптацией. Когнитивный компонент подразумевает понимание межкультурных норм и различий (общекультурных и контекстно-специфических). Метакогнитивный компонент означает осмысление межкультурного опыта и планирование с учетом этого фактора. Наконец, поведенческий компонент – это подходящее к случаю изменение вербальных и невербальных действий в ходе межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется когнитивному компоненту, потому что именно он подразумевает изучение разных языков, базовых культурных систем и культурных ценностей. Уровень развития культурного интеллекта Ливермор называет культурной компетентностью. Этот термин описывает способность понимать и ценить людей, обладающих другим культурным бэкграундом, а также общаться с ними [14].

Стоит отметить, что интернационализация может приводить не только к развитию культурного интеллекта, но и к отторжению другой культуры, например, в результате "культурного шока". Поэтому важно, кто, где и как выступает проводником интернационализации.

Как подчеркивает Поликанов Д., проблемой в развитии международных связей (а также "мягкой силы" и публичной дипломатии) на всех уровнях управления от федерального до муниципального является дефицит квалифицированных кадров, обладающих организаторскими способностями, управленческими и административными талантами, потому что "к этому не готовит практически ни один вуз" [21]. Кроме того, продолжает автор, "в субъектах России и городах международные вопросы часто сосредоточены по остаточному принципу в компетенции того или иного вице-губернатора или вице-мэра" [21], которые редко "создают практико-ориентированные проекты, которые берет на вооружение региональное правительство или мэрия, поскольку осознает пользу международных связей для реализации инвестиционного, туристического и иного потенциала территории" [21]. Нечасто региональные и муниципальные органы власти учитывают возможности бизнеса в развитии международных связей.

О необходимости грамотно и эффективно использовать ресурсы внутренней интернационализации для развития "мягкой силы" региона говорит и известный российский китаевед Маслов А. А. Он отмечает большой спрос на преподавателей китайского языка в России, при этом подчеркивает, что "многие преподаватели на курсах, в школах и университетах не обладают необходимой профессиональной подготовкой" [15]. Есть проблема с представлением информации о современном Китае (в противоположность устаревшей или стереотипной). Наконец, данные статистики невозможно интерпретировать экспертам, не имеющим глубокого понимания того, как функционирует экономическая и политическая система Китая.

Действительно, использование внутренних ресурсов при внутренней интернационализации может представлять как возможности, так и риски. Необходимо проверять и постоянно повышать качество имеющихся в регионе ресурсов, не забывая при этом, что они есть не только у региональных органов власти и университетов, но и у некоммерческих организаций, у бизнеса, у широких кругов гражданского общества. Так, в 2023 году студенты Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) перевели материал для экскурсии на китайском языке. Аудиогид помогает узнать об истории и архитектуре Хабаровска, он уже апробирован туристами из КНР [25].

Заключение

В сложившихся условиях регионы России продолжают развивать международные связи с учетом новых программных документов. Существуют примеры приостановления или разрыва связей между регионами и городами-побратимами, однако параллельно заключаются новые соглашения. При этом "регион" – это не только региональные или местные органы власти. Внутри региона важно налажи-

вать сотрудничество между всеми участниками процесса развития международных отношений, чтобы сохранять баланс в меняющихся условиях.

Одним из инструментов сохранения "приостановленных" и развития новых связей является внутренняя интернационализация. Она формирует готовность участников региональной подсистемы к возобновлению контактов в процессе открытия границ и восстановления пассажиропотоков. Можно предположить, что университетская база преподавательского опыта и педагогических материалов является ценным ресурсом для создания программ повышения квалификации представителей региональных органов власти, бизнеса, некоммерческих организаций в сфере международных связей и, как результат, для развития "мягкой силы" региона в целом.

Литература

1. Альтшулер А. И. Особенности системного подхода в теории организации // А.И. Альтшулер, Ю.В. Альтшулер // Казанская наука. 2010. № 8 (2). С. 262–268.
2. Антонова Н. Л. "Мягкая сила" высшего образования как фактор мирового лидерства // Н.Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 31–58. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58>
3. Арапова Е. Я. Модель экспорта образования: внутренняя интернационализация // Е. Я. Арапова, А.А. Байков, Г. А. Краснова // Аккредитация в образовании. 2017. № 8 (100). С. 31–34.
4. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта: пер. с англ. М.: ООО "И.Д. Вильямс", 2007. 512 с.
5. Зиневич О. В. "Третья миссия" и социальная вовлечённость университетов: к постановке проблемы // О. В. Зиневич, Т. А. Балмасова // Власть. 2015. № 6. С. 67–72.
6. Карпинская Е. Перспективы развития международного маркетинга российского высшего образования // Е. Карпинская, Е. Швецова // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/conferencereports/perspektivy-razvitiya-mezhdunarodnogo-marketinga-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya-itogi-kruglogo-st/> (дата обращения: 01.09.2023).
7. Кларк Б. Система высшего образования. Академическая организация в кросс-национальной перспективе // пер. с англ. А. Смирнова под ред. Д. Александрова. М.: Высшая школа экономики, 2019. 360 с.
8. Кови С. 7 навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности // пер. с англ. О. Кириченко. М.: Альпина Паблишер, 2019. 396 с.
9. Колыхалов М. И. Анализ и классификация основных факторов, определяющих современные международные связи регионов государств // Регионология. 2019. Т. 27, № 2. С. 270–289. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289>
10. Корякина А. А. Обзор зарубежных исследований в области межкультурного образования // Инновации в образовании. 2021. № 2. С. 25–32.
11. Кузовенкова К. О. Теоретические аспекты проблемы интернационализации высшего образования в современном мире // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2. С. 252–256. <https://doi.org/10.17816/snvt201872308>
12. Лебедева М. М. "Мягкая сила": понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54). С. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223>
13. Левченко В. В. Деятельность преподавателей высших учебных заведений в контексте интернационализации образования // В. В. Левченко, Е. В. Агрикова, В. Г. Упирова // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 1–12.
14. Ливермор Д. Культурный интеллект. Почему он важен для успешного управления и как его развить // пер. с англ. А. Захарова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 352 с.
15. Маслов А. О перспективах образовательного и экспертно-аналитического взаимодействия между Россией и Китаем // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-perspektivakh-obrazovatel'nogo-i-ekspertno-analiticheskogo-vzaimodeystviya-mezhdu-rossiei-i-kitaem/> (дата обращения: 02.09.2023).
16. Миронова С. В. Экспорт высшего образования в России: обзор теоретических подходов и практических решений // С. В. Миронова, Н. С. Тимченко // Социодинамика. 2020. № 11. С. 65–78. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.11.33940>
17. О внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" и статью 44 Федерального закона "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации": Федеральный закон от 04.08.2023 № 420-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040013> (дата обращения: 15.09.2023).
18. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 04.01.1999 г. № 4-ФЗ // Официальные сетевые ресурсы Президента России.

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (дата обращения: 13.09.2023).

19. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 13.09.2023).

20. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 13.09.2023).

21. Поликанов Д. Роль "мягкой силы" в международных отношениях: современный российский опыт и перспективы // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyyu-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (дата обращения: 06.09.2023).

22. Практики публичной дипломатии регионов России 2017-2021 гг. : доклад № 86, 2022 // Н. В. Буринова, Д. Е. Божко, В. Н. Табак и др.; под ред. Е. О. Карпинской, Е. С. Швецово́й, С. М. Гавриловой // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Regions-Public-Diplomacy-Report86.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

23. Семке Ю. "Мягкая сила" как инструмент расширения внешнеполитического влияния России // Российский совет по международным делам (РСМД): сайт. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/russian-softpower/myagkaya-sila-kak-instrument-rasshireniya-vneshnepoliticheskogo-vliyaniya-rossii/> (дата обращения: 09.09.2023).

24. Стенина Т. Л. Анализ содержания понятия "интернационализация высшего образования" в контексте педагогики // Т. Л. Стенина, А. О. Чамчян // Наука и школа. 2016. № 2. С. 69–75.

25. Студенты ТОГУ подготовили аудиогид по Хабаровску на китайском языке // Интерфакс: сайт. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/10822/> (дата обращения: 10.09.2023).

26. Томилин О. Б. Отложенные проблемы университетского менеджмента: стратегическое измерение // Университетское управление: практика и анализ. 2022. № 26(2). С. 38–58. <https://doi.org/10.15826/упра.2022.02.011>

27. Чихарев И. А. Университеты как субъекты публичной дипломатии // И. А. Чихарев, О. В. Столетов // Международные отношения. 2013. № 4. С. 519–529. <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2013.4.9752>.

References

1. Altshuler A. I. Specifics of System Approach in Organization Theory // A. I. Altshuler, Yu. V. Altsuler // Kazan Science. 2010. № 8 (2). P. 262–268. (In Russ.).

2. Antonova N. L. The "Soft Power" of Higher Education as a Factor of World Leadership // N. L. Antonova, A. D. Suschenko, N. G. Popova // Education and Science. 2020. Vol. 22. № 1. P. 31–58. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58> (In Russ.).

3. Arapova Ye. Ya. The Model of Education Exports: Internationalization at Home // Ye. Ya. Arapova, A. A. Baikov, G. A. Krasnova // Accreditation in Education. 2017. № 8 (100). P. 31–34. (In Russ.).

4. Gardner G. Frames of Mind: the Theory of Multiple Intelligences. M.: LLC "I.D. Williams", 2007. 512 p. (In Russ.).

5. Zinevich O. V. The "Third Mission" and Social Involvement of Universities: Naming the Problem // O. V. Zinevich, T. A. Balmasova // Power. 2015. № 6. P. 67–72. (In Russ.).

6. Karpinskaya Ye. Prospects of Developing International Marketing of Russian Higher Education // Ye. Karpinskaya, Ye. Shvetsova // Russian Council for International Relations (RCIR): website. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/conferencereports/perspektivy-razvitiya-mezhdunarodnogo-marketinga-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya-itogi-kruglogo-st/> (accessed 01.09.2023). (In Russ.).

7. Clark B. The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective/ translated by A. Smirnov, edited by D. Alexandrov. M.: Higher School of Economics, 2019. 360 p. (In Russ.).

8. Covey S. The 7 Habits of Highly Effective People. Powerful Instruments of Personal Development // translated by O. Kirichenko. M.: Alpina Publisher, 2019. 396 p. (In Russ.).

9. Kolykhalov M. I. Analysis and Classification of the Main Factors Determining Modern International Connections of Regions of States // Regionology. 2019. Vol. 27, № 2. P. 270–289. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201902.270-289> (In Russ.).

10. Koryakina A. A. Review of Foreign Studies of Cross-Cultural Education // Innovations in Education. 2021. № 2. P. 25–32. (In Russ.).

11. Kuzovenkova K. O. Theoretical Aspects of Higher Education Internationalization Problem in the Modern World // Samara Journal of Science. 2018. Vol. 7. № 2. P. 252–256. <https://doi.org/10.17816/snv201872308> (In Russ.).

12. Lebedeva M. M. Soft Power: the Concept and Approaches // MGIMO Review of International Relations. 2017. № 3(54). P. 212–223. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223> (In Russ.).

13. Levchenko V.V. The Activities by Higher Education Instructors in the Context of Education Internationalization // V.V. Levchenko, Ye. V. Agrikova, V. G. Upirova // Prospects of Science and Education. 2019. № 4 (40). P. 1–12. (In Russ.).

14. Livermor D. Cultural Intelligence. Improving Your CQ to Engage Our Multicultural World // translated by A. Zakharov. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2023. 352 p. (In Russ.).
15. Maslov A. On Prospects of Educational, Expert and Analytical Interaction between Russia and China // Russian Council for International Relations (RCIR): website. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-perspektivakh-obrazovatel'nogo-i-ekspertno-analiticheskogo-vzaimodeystviya-mezhdu-rossiyei-i-kitaem/> (accessed 02.09.2023). (In Russ.).
16. Mironova S. V. Export of Higher Education in Russia: Review of Theoretical Approaches and Practical Solutions // S. V. Mironova, N. S. Timchenko // Social Dynamics. 2020. № 11. P. 65-78. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.11.33940> (In Russ.).
17. On Amendments in Federal Law "On General Principles of Local Governing Organization in Russian Federation" and article 44 of Federal Law "On General Principles of Public Power Organization in Subjects of Russian Federation": Federal Law of 04.08.2023 № 420-ФЗ // Official Publication of Legislation. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040013> (accessed 15.09.2023). (In Russ.).
18. On Coordination of International and Foreign Economic Connections of Subjects of Russian Federation: Federal Law of 04.01.1999 г. № 4-FZ // Official Net Resources of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13347> (accessed 13.09.2023). (In Russ.).
19. On the Concept of Foreign Policy of Russian Federation: Order by the President of Russian Federation of 31.03.2023 № 229 // Official Net Resources of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 13.09.2023). (In Russ.).
20. On the Concept of Humanitarian Policy of Russian Federation Abroad: Order by the President of Russian Federation of 05.09.2022 № 611 // Official Net Resources of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (accessed 13.09.2023). (In Russ.).
21. Polikanov D. The Role of "Soft Power" in International Relations: Modern Russian Experience and Prospects // Russian Council for International Relations (RCIR): website. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-myagkoy-sily-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-sovremennyy-rossiyskiy-opyt-i-perspektivy/> (accessed 06.09.2023). (In Russ.).
22. Practiced Public Diplomacy in Russian Regions 2017-2021: Report 86, 2022 // N. V. Burlinova, D. Ye. Bozhko, V. N. Tabak and others: edited by Ye. O. Karpinskaya, Ye. S. Shvetsova, S. M. Gavrilova // Russian Council for International Relations (RCIR): website. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Regions-Public-Diplomacy-Report86.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ.).
23. Semke Yu. "Soft Power" as an Instrument for Wider Influence of Russian Foreign Policy // Russian Council for International Relations (RCIR): website. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/russian-softpower/myagkaya-sila-kak-instrument-rasshireniya-vneshnepoliticheskogo-vliyaniya-rossii/> (accessed 09.09.2023). (In Russ.).
24. Stenina T. L. Analysis of the Term "Internationalization of Higher Education" in Context of Pedagogics // T. L. Stenina, A. O. Chamchiyan // Science and School. 2016. № 2. P. 69–75. (In Russ.).
25. PNU Students Prepared Audio-Guide on Khabarovsk in Chinese Language // Interfax: website. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/10822/> (accessed 10.09.2023). (In Russ.).
26. Tomilin O. B. Postponed Problems of University Management: A Strategic Dimension // University Management: Practice and Analysis. 2022. № 26(2). P. 38–58. <https://doi.org/10.15826/umpa.2022.02.011> (In Russ.).
27. Chiharev I. A. Universities as Subjects of Public Diplomacy // I. A. Chiharev, O. V. Stoletov // International Relations. 2013. № 4. P. 519–529. <https://doi.org/10.7256/2305-560X.2013.4.9752> (In Russ.).

Юлия Александровна ЛАМАСHEVA, канд. полит. наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия, e-mail: yuliya_lamasheva@hotmail.com

Yuliya A. LAMASHEVA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Higher School of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: yuliya_lamasheva@hotmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 11.10.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 15.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Проблематика регулирования использования коммерческих спутников в военной сфере

Вадим Борисович КОЗЮЛИН

Дипломатическая академия МИД РФ, v.kozyulin@dipacademy.ru

Аннотация. Пентагон первым оценил преимущества использования гражданских спутников в военных целях (ГСВЦ). Вашингтон надеется, что этот инструмент поможет закрепить за Соединенными Штатами лидерство в космосе. Пользуясь отсутствием четкого регулирования использования коммерческих спутников в военной сфере, Агентство космического развития США переходит от развертывания военных спутников разведки и связи на использование малых коммерческих спутников. Более того, коммерческие спутники ставятся на службу в интересах Вооруженных сил Украины (ВСУ). Принципы международного гуманитарного права (МГП) требуют четкого разделения военных и гражданских объектов. Ответственность за последствия уничтожения ГСВЦ ложится на страну-оператора или страну запуска спутника. Коммерциализация космоса требует принятия соглашений, ограничивающих использование ГСВЦ и регулирующих освоение космического пространства в интересах всего мирового сообщества.

Ключевые слова: военный космос, коммерческие спутники, космическая политика, международное гуманитарное право, ВСУ

Для цитирования: Козюлин В.Б. Проблематика регулирования использования коммерческих спутников в военной сфере // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 100–107. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/100-107>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/100-107>

The issues of regulating the use of commercial satellites in the military sphere

Vadim B. KOZYULIN

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, v.kozyulin@dipacademy.ru

Abstract. The Pentagon was the first to appreciate the benefits of using civilian satellites for military purposes (CSMP). Washington hopes this tool will help cement the United States' leadership in space. Taking advantage of the lack of clear regulation of the use of commercial satellites in the military sphere, the US Space Development Agency is moving from the deployment of military intelligence and communications satellites to the use of small commercial satellites. Moreover, commercial satellites are put into service in the interests of the Armed Forces of Ukraine. The principles of international humanitarian law (IHL) require a clear separation of military and civilian objects. Responsibility for the consequences of the destruction of the CSMP lies with the operating country or the country of launching the satellite. The commercialization of space requires the adoption of agreements that limit the use of the CSMP and regulate the exploration of outer space in the interests of the entire world community.

Keywords: military space, commercial satellites, space policy, international humanitarian law, Ukrainian Armed Forces

For citation: Kozyulin V.B. The issues of regulating the use of commercial satellites in the military sphere // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 100–107. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/100-107>

Новый подход Пентагона к созданию космической инфраструктуры

Пентагон применил инновационный подход к развитию военной спутниковой группировки: созданное в марте 2019 года Агентство космического развития (Space Development Agency – SDA) приняло решение перейти от традиционного развертывания военных спутников на использование малых коммерческих спутников для обеспечения космической разведки и широкополосного доступа в интернет. По проекту будут созданы три спутниковых группировки: для обеспечения связи и передачи данных; отслеживания пусков ракет с помощью инфракрасных датчиков, а также для отслеживания целей на земле в режиме реального времени.

SDA разработало концепцию "Распределенной оперативно-тактической космической архитектуры" (Proliferated Warfighter Space Architecture), предусматривающую развертывание сети из сотен спутников, размещенных в основном на низкой околоземной орбите. Значительная роль в ней отводится коммерческим активам.

Прообразом и ориентиром по использованию ИИ и машинного обучения для обработки и анализа растущего объема спутниковых снимков и других геолокационных данных послужила начатая в 2017 году программа "Мавен" (Project Maven).

Пентагон протестировал передачу космических снимков через датчики масштабируемой наземной системы TITAN пользователям, которые получают данные уже вместе с координатами для нацеливания систем вооружения. TITAN использует программу искусственного интеллекта под названием Prometheus для обработки снимков, обнаружения угроз и преобразования в данные целеуказания. Помимо Prometheus для анализа собранной информации используются ИИ-системы Dead Center, FIRESTORM, SHOT, которые определяют оптимальные средства для поражения цели, учитывают присутствие "дружественных" подразделений и т.д.

Сообщают, что, благодаря интеграции орбитальных датчиков с системой TITAN и программой Prometheus, артиллерийские орудия в тестовом режиме смогли сократить время от обнаружения цели до ее поражения с 20 минут до 20 секунд [13].

В феврале 2023 году 16 стран НАТО подписали соглашение о создании Объединенной группировки национальных и коммерческих космических спутников Aquila. Использование коммерческих спутников в интересах ВСУ позволяет странам этого блока решить проблему запрета на передачу секретных данных стране, не являющейся членом НАТО.

Еще до начала СВО NGA начало приобретать электронно-оптические снимки прилегающих к Украине территорий России у компаний Maxar Technologies, BlackSky Global, HySpecIQ и Planet Federal. Сегодня к ним добавились Capella Space (одна из пяти компаний, которые эксплуатируют радары с синтезированной апертурой); HawkEye 360, спутники которой осуществляют дистанционное зондирование радиочастот; филиал финской фирмы ICEYE в США; флоридский стартап PredaSAR; и калифорнийская Umbra. Так, Maxar Technologies предоставляет электрооптические изображения высокого разрешения и данные, полученные с помощью радаров с синтезированной апертурой (позволяют наблюдение сквозь облака и в условиях темноты, определяют такие параметры, как свойства материала, координаты движущегося объекта и высота над уровнем моря). В перспективе Maxar будет предоставлять трехмерное изображение объектов.

Работающие в интересах ВСУ спутники финской компании ICEYE с использованием особого диапазона волн способны просвечивать бетонные перекрытия, выявлять военную технику на замаскированных позициях, в ангарах. Благодаря нахождению на орбите большого количества спутников, сканирование территории может осуществляться с интервалом в 3-4 часа [9].

Наиболее резонансным случаем использования коммерческой спутниковой группировки в интересах ВСУ стало предоставление компанией Starlink высокоскоростного широкополосного спутникового доступа к интернету и обеспечение не только бесперебойной связи на поле боя, но также связи и управления ударными дронами дальнего действия. Очевидно, сознавая, что его компания перешла грань дозволенного рамками МГП, Илон Маск заявил, что Starlink ограничивает спектр предоставляемых ВСУ услуг, чтобы "не допустить третьей мировой войны". Однако британский аналог Starlink – компания WebOne, а также зарегистрированная в Люксембурге корпорация SES с сетью спутников O3b mPOWER не связывают себя подобными ограничениями. Перспективный проект Starshield от компании Маска SpaceX также изначально рассчитан на предоставление услуг связи с беспрецедентно высоким сквозным шифрованием государственным учреждениям.

Проблематика регулирования коммерческих спутников в военной сфере

Практическое использование ГСВЦ требует рассмотрения этой проблемы с точки зрения международного права.

- Вашингтон уже запустил дестабилизирующий механизм, который создает опасную зону неопределенности в международном праве. Директива администрации Трампа по космической политике США (Trump Administration's Space Policy Directive-2) сняла почти все ограничения, которые ранее не позволяли коммерческим компаниям предоставлять снимки определенного уровня разрешения или

фотографии некоторых регионов. Джон Хилл, исполняющий обязанности помощника министра обороны по космической политике, признает, что Пентагон решает вопросы об ответственном поведении в космосе "по ходу дела", поскольку международное право не дает четких указаний относительно того, "что допустимо в космосе" [5]. То есть американские военные начали использовать гражданские спутники в военных целях, не проработав для себя и не обсудив на международном уровне вопрос, как страна будет реагировать, если ее коммерческие активы станут мишенью противника.

- Остается открытым вопрос о том, какими должны быть ограничения по передаче коммерческих космических данных. Этот вопрос чувствителен не только для участников региональных конфликтов, но и для всего мирового сообщества, поскольку такие передачи провоцируют перенос конфликтов в космос. Сегодня США становятся "законодателем мод" в этой области. Однако при рассмотрении этого вопроса следует учитывать, что Вашингтон исходит из текущего доминирования американских спутников на орбите. Позиция "космического гегемона" едва ли служит идеальным ориентиром для стран, чьи активы в космосе пока невелики.

- Известны и другие сомнительные космические инициативы США: в 2015 году Соединенные Штаты приняли Закон о стимулировании частной аэрокосмической конкурентоспособности и предпринимательства (Spurring Private Aerospace Competitiveness and Entrepreneurship), который позволяет гражданам США заявлять права собственности на любые ресурсы, добываемые в космосе, что явно противоречит Договору о космосе 1967 года. Вслед за США аналогичный закон приняли в Люксембурге.

- Действия властей США подтолкнули ряд спутниковых компаний начать делиться снимками и данными с Украиной напрямую, минуя государственные лицензирующие и разрешительные органы. Как минимум пять провайдеров согласились сотрудничать с Киевом. Компании Viasat, BlackSky или Maxar Technologies, предоставлявшие Киеву спутниковые снимки российской военной техники до и во время конфликта, или Spacex Илона Маска, обеспечивающая услуги связи на территории Украины, все больше привлекаются к военным действиям и фактически оказывают военные услуги. Их роль не четко определяется международным правом, однако для российской стороны они определенно выглядят участниками конфликта, что делает их мишенью для противодействия различными средствами [6]. Своими действиями коммерческие компании фактически не только провоцируют эскалацию конфликта, но и вовлекают в него свои государства.

- "Неразрушающие" методы воздействия на такие спутниковые группировки (например, с использованием кибернетического и электронного оружия) приобретают форму оправданного легитимного ответа на недружественные действия. Насколько известно, в Вашингтоне не определились, как США должны реагировать в случае нападения на коммерческие космические активы. Между тем статья VI Договора о космосе 1967 года гласит: "Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства – участника Договора". В соответствии с этим положением государства обязаны осуществлять больший надзор за своими коммерческими организациями в космосе, что особенно важно, когда эти организации предоставляют информацию для целеуказания воюющим сторонам. При отсутствии должного контроля гипотетически возможны ситуации, когда коммерческие организации будут предоставлять чувствительную информацию даже противнику.

- Пентагон первым воспользовался коммерческими услугами для военных нужд, но сервисом коммерческих корпораций могут начать пользоваться и другие страны, например, Китай.

Известен случай, когда Иран использовал сделанные с коммерческих спутников снимки при подготовке ракетного удара по американской авиабазе Айн аль-Асад в Ираке в январе 2020 года. Тогда было повреждено оборудование и было

ранено более 100 американских военных. Реакция Вашингтона на использование космических данных Ираном была весьма нервной. Между тем космическая политика США ведет дело к тому, что подобная практика станет повсеместной.

Военные США о необходимости регулирования:

Американские военные опасаются быстрого роста активов КНР в космосе и выражают заинтересованность в международно-правовом регулировании развития космической отрасли.

Начальник космических операций генерал Джон У. Рэймонд считает необходимым разработать руководящие принципы для работы в космосе (в первую очередь имея в виду риски развертывания на орбите устройств постановки помех и лазеров). На необходимость урегулирования "неизбежного конфликта в космосе" указывал заместитель председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерал Джон Э. Хайтен [12].

В части ведения военных действий в космическом пространстве позиция Соединенных Штатов выражена в Руководстве Министерства обороны по военному праву [7], согласно которому договоры о ведении войны и обычное право войны регулируют правила военных действий независимо от того, где они ведутся.

США считают оправданным применение силы к коммерческим спутникам при условии соблюдения правил целеуказания, применимых к наземным операциям. В частности, авторы статьи в *Breaking Defense* доказывают, что "Право вооруженных конфликтов" (Law of Armed Conflict) признает коммерческие активы законными целями в войне, если те используются в военных целях [10].

Вопрос о законности создания помех спутниковой связи рассмотрен в докладе Военно-морского колледжа США, автор которого приходит к выводу, что ни одно международное соглашение не запрещает постановку помех или атаку на коммерческие спутники при соблюдении принципов МГП [11].

- Одним из основных представляется вопрос о том, при каких условиях можно считать гражданский коммерческий спутник военным объектом. МККК дает такое определение: "Что касается объектов, то военные объекты ограничиваются теми объектами, которые в силу своего характера, расположения, назначения или использования вносят эффективный вклад в военные действия и полное или частичное разрушение, захват или нейтрализация которых при существующих в данный момент обстоятельствах даёт явное военное преимущество" [1]. ГСВЦ абсолютно подпадают под данное определение и могут становиться законными мишенями, являясь "объектами двойного назначения". По этому поводу, например, "Доктрина ВВС США 3-60, О выборе цели" (Air Force Doctrine Publication 3-60, Targeting) дает определение: "Объекты двойного назначения. Это сооружения или объекты, которые служат как военному, так и гражданскому назначению. Например, энергосистема, которая поддерживает авиабазу противника, но также поддерживает гражданские города, имеет двойное назначение. Эти цели необходимо рассматривать в свете соразмерности; в частности, командиры и планировщики оценивают, перевешивают ли побочные последствия удара по энергосистеме для гражданского населения конкретное и прямое военное преимущество" [3, с. 70]. В этом же документе говорится: "Если атака направлена против объекта двойного назначения, и это может быть законная военная цель (в юридическом смысле), но также она может служить законной гражданской потребности (например, в электроснабжении или телекоммуникациях), то при выборе оружия этот фактор должен быть тщательно сбалансирован с конкретным и прямым военным преимуществом, равно как и соображениями восстановления и стабилизации после окончания военных действий" [4, с. 62].

Таким образом, вопрос о правомерности рассмотрения ГСВЦ в качестве легитимной военной цели возвращается к проблеме соблюдения "принципа соразмерности" МГП. В случае использования гражданских спутников в интересах ВСУ этот принцип вполне может быть истолкован Россией в пользу права на нейтрализацию спутников, поскольку ожидаемое военное преимущество будет значи-

тельным: защита жизней российских военных и гражданских лиц и сохранение военной техники, а ущерб гражданским лицам или гражданскому имуществу не будет являться "чрезмерным по сравнению с ожидаемым конкретным и прямым военным преимуществом".

Более того, "неразрушающие методы" нейтрализации спутников могут вовсе не считаться атакой. Например, "Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибернетическим войнам" дает такое определение кибератаки: "Это кибероперация, будь то наступательная или оборонительная, которая, как разумно ожидается, приведет к ранению или смерти людей или повреждению или разрушению объектов" [15, с. 91-92].

Наконец, существует мнение, что смешение гражданских и военных спутниковых активов противоречит фундаментальным международно-правовым принципам, которые требуют, в частности, избегать "размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них" [2]. Согласно статье 57 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, участники должны придерживаться четкой дифференциации гражданских и военных объектов, а стороны, являющиеся объектом нападения, должны принимать собственные меры предосторожности. То есть Соединенные Штаты фактически нарушают обязательство о разделении категорий космических аппаратов на военные и гражданские.

Космические коллизии ближайшего будущего

- Хотя в последние годы стоимость запуска людей и полезных грузов в космос снизилась, доставка на орбиту по-прежнему обходится в тысячи долларов за килограмм. Однако к 2040 году эта сумма может снизиться до десятков долларов, что вызовет массовое стремление коммерческих компаний к освоению земных орбит и лунных богатств. Взрывной рост числа орбитальных проектов и космических запусков создаст многочисленные связанные с "космической золотой лихорадкой", никак не предусмотренные международным регулированием риски. Возрастет число "непроизводительных" космических полетов, связанных с космическим туризмом, рекламой и т.п. Быстро растущее количество космического мусора заметно повысит риск возникновения синдрома Кесслера. Ужесточится конкуренция за орбиты и частоты. Остро встанет вопрос международного регламентирования космических запусков.

- Частные компании, ориентирующиеся на получение сверхприбыли, возьмут на себя ответственность, к которой они не будут готовы. Инцидент на орбите, по масштабу подобный аварии на АЭС Фукусима-1 в 2011 году, может надолго лишить человечество доступа в открытый космос. Он приведет к пониманию, что односторонние национальные меры, регулирующие частную коммерческую космическую деятельность, неэффективны и должны быть заменены на единообразные международные правила и принципы. Одним из решений проблем, связанных с хаосом освоения космоса, может стать создание международного космического агентства по образцу МАГАТЭ.

- США постараются возглавить кампанию по освоению космических богатств, но будут сталкиваться с конкуренцией как соперничающих держав, так и со стороны транснациональных корпораций, которые станут использовать для регистрации и запуска спутников более выгодные юрисдикции. Возникнет коллизия, при которой принадлежность космических ТНК перестанет быть очевидной. Более того, частные компании получают возможность создавать не только активы, но и собственные юрисдикции, например, на Луне.

- Нерегулируемое использование ГСВЦ однажды может вылиться в инцидент с атакой на спутники, что вызовет серию военно-политических и юридических последствий: взаимные обвинения сторон с апелляцией к международному праву, обсуждение инцидента на международных площадках, исковые требования к операторам со стороны инвесторов, проблемы со страховыми и штрафными выплатами. Ввиду того, что неопределенность в отношении легитимности использования ГСВЦ сохранится, инцидент может не стать поводом для резкой эскалации.

- Источником новых проблем может стать тот факт, что инновационные технические решения позволят осуществлять негласное использование гражданских космических услуг в военных целях. Например, уже сегодня спутники связи Starlink возможно использовать в том числе в качестве навигационных приборов с точностью в 7,7 метра [3].

- КНР постарается стать лидером в освоении космического пространства: китайские ученые-космологи уже спрогнозировали, что, как только добыча лунных ресурсов станет осуществимой, они могут ожидать ежегодной прибыли в размере десяти триллионов долларов к 2050 году. Китайская компания Galaxy Space уже приступила к разворачиванию на орбите многотысячной спутниковой группировки сети 5G. Другая китайская компания, ADA Space, планирует создать сеть из 192 спутников, которые будут предоставлять спутниковые изображения Земли в онлайн-режиме с применением ИИ-технологий.

Китай не позволит обойти себя в сфере военного космоса. Университет космической инженерии НОАК сообщил, что планирует развернуть 12992 спутника на низкой околоземной орбите для того, чтобы при необходимости подавить Starlink и обеспечить собственный канал связи [8].

Пекин будет развивать космическое сотрудничество в рамках коридора "Один пояс, один путь" и постарается стать провайдером космических услуг для 139 участников проекта. КНР будет мотивировать государства к космическому партнерству методами, которые страны Запада называют "экономическим принуждением".

- США будут пытаться перетянуть малые страны в "демократический" лагерь с помощью обещаний "демократического доступа к космическим ресурсам" и экономических выгод от сотрудничества. Основные черты американского "космического порядка" можно разглядеть в многостороннем соглашении The Artemis Accords.

- Страны "демократического лагеря" объединят свои космические гражданские и военные спутники в общую сеть для более эффективного использования. Китай, Россия, Иран и союзные страны также начнут объединять космические активы для обмена данными и услугами. Наряду с созданием "суверенных" интернет-сетей и разделением цифровых активов на земле раздел космоса между двумя лагерями будет переносить "холодную войну" на орбиту, на Луну и в космическое пространство.

Выводы

Использование коммерческих спутников для военных целей ставит перед мировым сообществом ряд требующих решения вопросов, а именно:

- 1) Использование военными коммерческих спутников, очевидно, нарушает один из важнейших принципов МГП.

- 2) Используемые в военных целях спутники сами становятся законной военной целью. Ответственность за последствия их уничтожения ложится на страну-оператора или страну запуска спутника.

- 3) С учетом того, что коммерческие спутниковые системы теперь могут рассматриваться как военные цели, для противодействия им будут активнее использоваться "неразрушающие средства" (электронно-лучевые, радиоэлектронные, киберсредства) – как для снятия конфиденциальной информации, так и для срыва военных операций. Применение "неразрушающих средств" против ГСВЦ фактически не несет правовых последствий для применившей их стороны.

- 4) Возрастает риск милитаризации космоса в том числе за счет того, что на орбиту будут вынужденно выводиться средства противодействия ГСВЦ.

- 5) Использование ГСВЦ для сбора разведывательных данных может быть расценено как нарушение национального суверенитета, что будет провоцировать рост напряженности и недоверия между странами.

- 6) Более широкое использование коммерческих спутников военными также может способствовать обострению проблемы космического мусора, усугублению "светового загрязнения" для астрономии, росту конкуренции за орбиты, часто-

ты, "пусковые окна" спутников и т.п. Внезапное "возникновение" "коммерческого космоса" создает целый круг проблем, связанных с отсутствием ограничений на количество спутников на орбите. В ближайшем будущем эта проблема потребует отдельного рассмотрения.

7) Соединенные Штаты пытаются подменить международное обсуждение проблемы контроля над космическими вооружениями дискуссией о защите окружающей среды, связанной с перегруженностью космического пространства и образованием мусора, тогда как Китай и Россия на протяжении ряда лет вносят в ООН проекты ДПРОК, сосредоточившись на проблеме стабильности и безопасности, связанной с милитаризацией космоса. Фактически США стремятся к установлению авторитарного космического режима, закрепляющего американское лидерство в космосе. Можно ожидать, что по мере увеличения космических активов КНР, России и других стран Вашингтон будет более восприимчив к российско-китайским инициативам и установлению принципа инклюзивности в космическом пространстве.

Литература

1. Базы данных по МГП, Базы данных по международному гуманитарному праву, Норма 8. Определение военных объектов, МККК. // Международный Комитет Красного Креста: сайт. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule8> (дата обращения: 29.12.2023).
2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, 12 августа 1949 года, статья 58b. // Конституция РФ: сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/5f5aeb9844a3cec55dca4cf7554741a3> (дата обращения: 29.12.2023).
3. Starlink может быть использован в качестве GPS, Новая наука, 26 сентября 2021 г. // Новая наука: сайт. URL: <https://new-science.ru/starlink-mozhet-byt-ispolzovan-v-kachestve-gps> (дата обращения: 29.12.2023).
4. Air Force Doctrine Publication 3-60, Targeting, 12 November 2021 // Official website of the US Air Force US Air Force: website. URL: https://www.doctrine.af.mil/Portals/61/documents/AFDP_3-60/3-60-AFDP-TARGETING.pdf (дата обращения: 07.01.2024).
5. Albon Courtney. How commercial space systems are changing the conflict in Ukraine, Apr 25, 2022. // C4ISRNet: сайт. URL: <https://www.c4isrnet.com/intel-geoint/2022/04/25/how-commercial-space-systems-are-changing-the-conflict-in-ukraine> (дата обращения: 29.12.2023).
6. Davenport Christian. Commercial satellites test the rules of war in Russia-Ukraine conflict, Washington Post, March 10, 2022. // The Washington Post: сайт. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/03/10/commercial-satellites-ukraine-russia-intelligence> (дата обращения: 29.12.2023).
7. Department of Defense Law of War Manual, June 14, 2015. // Официальный сайт министерства обороны США US Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/DoD%20Law%20of%20War%20Manual%20-%20June%202015%20Updated%20Dec%202016.pdf?ver=2016-12-13-172036-190> (дата обращения: 29.12.2023).
8. Chen Stephen. China aims to launch nearly 13,000 satellites to 'suppress' Elon Musk's Starlink, researchers say, // Stephen Chen, South China Monitoring Post, 24 Feb, 2023. // South China Monitoring Post: сайт. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3211438/china-aims-launch-nearly-13000-satellites-suppress-elon-musks-starlink-researchers-say> (дата обращения: 29.12.2023).
9. ICEYE Signs Contract to Provide Government of Ukraine with Access to Its SAR Satellite Constellation, Press Release, August 18, 2022. // ICEYE: сайт. URL: <https://www.iceye.com/press/press-releases/iceye-signs-contract-to-provide-government-of-ukraine-with-access-to-its-sar-satellite-constellation> (дата обращения: 29.12.2023).
10. Hitchens Theresa. Commercial Satellites: Will They Be Military Targets? // Theresa Hitchens and Colin Clark, Breaking Defense, July 16, 2019. // Breaking Defense: сайт. URL: <https://breakingdefense.com/2019/07/commercial-satellites-will-they-be-military-targets/> (дата обращения: 29.12.2023).
11. Mountin Sarah M. The Legality and Implications of Intentional Interference with Commercial Communication Satellite Signals, US Naval War College, 2014. // Официальный сайт Морского колледжа ВМС США Digital Commons. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=iils> (дата обращения: 29.12.2023).
12. Space Force Commander Calls for Space Rules, March 3, 2021 // The Presidential Prayer Team: сайт. URL: <https://www.presidentialprayerteam.org/2021/03/05/space-force-commander-calls-for-space-rules/> (дата обращения: 29.12.2023).
13. Strout Nathan. Satellites played a starring role at Project Convergence, C4ISRNet, Oct 12, 2020. // C4ISRNET: сайт. URL: <https://www.c4isrnet.com/digital-show-dailies/ausa/2020/10/12/us-army-uses-satellites-to-affect-the-state-of-the-battlefield/> (дата обращения: 29.12.2023).

14. Tallinn Manual on International Law Applicable to Cyber Warfare, Rule 30. Definition of Cyber Attack, Cambridge University Press, March 2013, P. 91–92. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/tallinn-manual-on-the-international-law-applicable-to-cyber-warfare/50C5BFF166A7FED75B4EA643AC677DAE> (дата обращения: 07.01.2024).

References

1. IHL Databases, International Humanitarian Law Databases, Rule 8. Identification of Military Objectives, ICRC. // International Committee of the Red Cross website. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/ru/customary-ihl/v1/rule8> (accessed 29.12.2023). (In Russ.).
2. Additional Protocol to the Geneva Conventions, 12 August 1949, Article 58b. // Constitution of the Russian Federation: website. URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540377/chapter/5f5aeb9844a3cec55dca4cf7554741a3> (accessed 29.12.2023). (In Russ.).
3. Starlink can be used as GPS, New Science, September 26, 2021 // New Science: website. URL: <https://new-science.ru/starlink-mozhet-byt-ispolzovan-v-kachestve-gps> (accessed 29.12.2023). (In Russ.).
4. Air Force Doctrine Publication 3-60, Targeting, 12 November 2021. P. 62 and 70. // Official website of the US Air Force US Air Force: website. URL: https://www.doctrine.af.mil/Portals/61/documents/AFDP_3-60/3-60-AFDP-TARGETING.pdf (accessed 07.01.2024).
5. Albon Courtney. How commercial space systems are changing the conflict in Ukraine, Apr 25, 2022. // C4ISRNet: website. URL: <https://www.c4isrnet.com/intel-geoint/2022/04/25/how-commercial-space-systems-are-changing-the-conflict-in-ukraine> (accessed 29.12.2023).
6. Davenport Christian. Commercial satellites test the rules of war in Russia-Ukraine conflict, Washington Post, March 10, 2022. // The Washington Post: website. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/03/10/commercial-satellites-ukraine-russia-intelligence> (accessed 29.12.2023).
7. Department of Defense Law of War Manual, June 14, 2015. // Official sat of the US Department of Defense US Department of Defense. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/DoD%20Law%20of%20War%20Manual%20-%20June%202015%20Updated%20Dec%202016.pdf?ver=2016-12-13-172036-190> (accessed 29.12.2023).
8. Chen Stephen. China aims to launch nearly 13,000 satellites to 'suppress' Elon Musk's Starlink, researchers say, // Stephen Chen, South China Monitoring Post, 24 Feb, 2023. // South China Monitoring Post: website. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/3211438/china-aims-launch-nearly-13000-satellites-suppress-elon-musks-starlink-researchers-say> (accessed 29.12.2023).
9. ICEYE Signs Contract to Provide Government of Ukraine with Access to Its SAR Satellite Constellation, Press Release, August 18, 2022. // ICEYE: website. URL: <https://www.iceye.com/press/press-releases/iceye-signs-contract-to-provide-government-of-ukraine-with-access-to-its-sar-satellite-constellation> (accessed 29.12.2023).
10. Hitchens Theresa. Commercial Satellites: Will They Be Military Targets? // Theresa Hitchens and Colin Clark, Breaking Defense, July 16, 2019. // Breaking Defense: website. URL: <https://breakingdefense.com/2019/07/commercial-satellites-will-they-be-military-targets/> (accessed 29.12.2023).
11. Mountin Sarah M. The Legality and Implications of Intentional Interference with Commercial Communication Satellite Signals, US Naval War College, 2014. // Official website of the US Naval War College Digital Commons. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=ils> (accessed 29.12.2023).
12. Space Force Commander Calls for Space Rules, March 3, 2021 // The Presidential Prayer Team: website. URL: <https://www.presidentialprayerteam.org/2021/03/05/space-force-commander-calls-for-space-rules/> (accessed 29.12.2023).
13. Strout Nathan. Satellites played a starring role at Project Convergence, C4ISRNet, Oct 12, 2020. // C4ISRNET: website. URL: <https://www.c4isrnet.com/digital-show-dailies/ausa/2020/10/12/us-army-uses-satellites-to-affect-the-state-of-the-battlefield/> (accessed 29.12.2023).
14. Tallinn Manual on International Law Applicable to Cyber Warfare, Rule 30. Definition of Cyber Attack, Cambridge University Press, March 2013, P. 91–92. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/tallinn-manual-on-the-international-law-applicable-to-cyber-warfare/50C5BFF166A7FED75B4EA643AC677DAE> (accessed 07.01.2024).

Вадим Борисович КОЗЮЛИН, канд. полит. наук, заведующий Центром глобальных исследований и международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Vadim B. KOZYULIN, Candidate of Political Sciences, Head of the Center for Global Studies and International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, e-mail: v.kozyulin@dipacademy.ru

Поступила в редакцию
(Received) 08.01.2024

Одобрена после рецензирования
(Approved) 01.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии

Андрей Владимирович ГУБИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай, gubin.av@dvfu.ru

Аннотация. Международные отношения в Северо-Восточной Азии отличаются турбулентностью, вызванной хаотичным поведением акторов и видоизменяющимся характером связей между ними. В регионе отсутствуют институты в сфере безопасности, что снижает стабильность и предсказуемость. Современное положение дел зависит от изменения природы противоречий, сокращения возможностей для переговоров, увеличения значения силового сдерживания, подключения когнитивного и информационного измерений. Разрядка возможна только при нахождении компромисса двумя главными центрами силы – КНР и США, однако противоречия приобрели системный и всеобъемлющий характер. Нарастание американо-китайского противоборства оказывает существенное воздействие на интересы безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, региональная безопасность, военный конфликт, Китай, США

Для цитирования: Губин А.В. Современное состояние комплекса региональной безопасности Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Contemporary status of regional security complex of North East Asia

Andrey V. GUBIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Jilin University, Changchun, China, gubin.av@dvfu.ru

Abstract. International relations in North East Asia are characterized by turbulence, caused by chaotic behavior of actors and changing character of ties between them. In the region, there are no institutions in the field of security, which reduces stability and predictability. The current situation depends on the change in the nature of contradictions, the reduction of opportunities for negotiations, the increase in the significance of forceful restraint, the inclusion of cognitive and informational dimensions. A defusing is possible only when a compromise is found between two main centers of power – PRC and USA, however, contradictions have become systemic and all-encompassing. The growing Sino-American rivalry exerts a significant impact on the security interests of the Russian Federation.

Keywords: North East Asia, regional security, military conflict, China, USA

For citation: Gubin A.V. Contemporary status of regional security complex of North East Asia // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 108–115. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/108-115>

Введение

Все основные противоречия в Северо-Восточной Азии обусловлены итогами Второй мировой войны, а также особенностями течения холодной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где не сложилось противостоящих друг другу блоков. Американо-китайское сближение 1970-х – 1980-х годов и развал Советского Союза обеспечили лишь временное облегчение – ни один из конфликтов в регионе окончательно решён не был и ещё более усложнился с точки зрения поиска приемлемых путей решения. Главными зонами противоречий, как и прежде, являются Корейский полуостров, южная часть Курильских островов и Тайваньский пролив, однако расстановка сил во всех случаях в настоящее время претерпевает существенные изменения.

Активные боевые действия в СВА не ведутся с момента перемирия сторон конфликта в Корее 1953 года, первого "тайваньского кризиса" 1958 года и столкнове-

ний за остров Даманский 1968 года. Однако сегодня положение дел осложняется, прежде всего, нарастанием интенсивности комплексного противоборства между Китаем и США, куда неизбежно оказались втянуты и американские союзники – Япония и Республика Корея. Фактором нестабильности становится и активная позиция тайбэйской администрации в сфере укрепления обороны острова. Повышение уровня напряжённости в СВА влечёт за собой и обострение угроз для национальной безопасности России.

Особо стоит отметить существенное сокращение горизонта прогнозирования событий до ближайших двух-трёх лет. Это привело к увеличению сложности выработки эффективного плана действий в сфере внешней политики и безопасности, в том числе и для российских ведомств и организаций, задействованных в процессе принятия решений.

Современная стратегическая ситуация в Северо-Восточной Азии, то есть совокупность факторов, оказывающих значимое воздействие на региональную подсистему международных отношений, имеет ряд отличительных черт. Понимание современных особенностей позволит более точно определить характер угроз для России на данном направлении и предложить возможные способы реагирования.

Работа во многом выстроена вокруг теории комплекса региональной безопасности, разработанной представителями Копенгагенской школы исследований безопасности Барри Бузаном и Оле Вейвером в начале 2000-х годов. Данная концепция подразумевает, что безопасность каждого актора в регионе находится в тесной и взаимной зависимости от других.

Видоизменение характера двусторонних споров

Ни один из вышеперечисленных потенциальных конфликтов в настоящее время прямо не направлен на установление контроля над территорией или акваторией. Захват и удержание участков суши или моря затрудняются в каждом конкретном случае собственным набором причин, однако в целом аргументы против сводятся к невозможности обеспечить решающее военное превосходство и добиться однозначной победы над противником.

В частности, российско-японские противоречия выходят за рамки так называемой проблемы "северных территорий". Притязания Токио на Малую Курильскую гряду (группа Хабомаи и остров Шикотан) и два острова южной части Курильских островов (Кунашир и Итуруп) в современных условиях отказа России от переговоров по данному вопросу [3] и перехода Японии в категорию "недружественных стран" [5], абсолютно нереализуемы через достижение договорённостей. Данный тезис неоднократно доводился Москвой по линии МИД. Гипотетическая же опора японцев на военную силу для удовлетворения претензий неизбежно приведёт к силовому ответу со стороны России. Вашингтон не оспаривает российского суверенитета над вышеупомянутыми островами, а значит действия Токио будут явно выходить за рамки гарантий оказания военной помощи, согласно Договору 1960 года.

Республика Корея (РК), равно как и КНДР, скорее всего, осознают невозможность создания единого корейского государства в любом виде. В частности, в декабре 2023 года Ким Чен Ын объявил о невозможности объединения как путём поглощения, так и через совмещение систем, которые рассматриваются на Юге, так как это противоречит единственно возможному принципу – "одна нация, одна страна и две системы" [11]. Мирный путь закрыт, главным образом, отсутствием на данный момент устойчивого канала переговоров. Военные потенциалы любой из сторон недостаточны для уверенного разгрома противника. Надежды Сеула на крах северокорейского режима в силу экономических проблем и борьбы за власть не оправдались, также как не состоялся и выход РК из-под американского влияния. Вопрос же о Северной разграничительной линии в Жёлтом море¹ не может обсуждаться сторонами отдельно от общего урегулирования отношений.

¹ Оспариваемая морская демаркационная линия в Жёлтом море, разделяющая КНДР и Республику Корея и фактически являющаяся морской границей между двумя странами. Проведена в односторон-

Несмотря на приоритет мирного воссоединения родины для Пекина и демонстративную готовность руководства Коммунистической партии Китая применить военную силу в случае провозглашения тайбэйской администрацией независимости или вмешательства "третьих сил", вхождение острова в состав КНР как полноценной административно-территориальной единицы – практически невыполнимая задача. Перспектива воссоздания Китайской Республики со столицей в Нанкине в границах до 1 октября 1949 года вообще выглядит абсолютно фантастической и уже практически не упоминается нынешними тайваньскими властями, оставшись уделом малой части реваншистски настроенных пользователей социальных сетей.

Спор относительно принадлежности островов Сэнкаку/Дьяоюйдао более нельзя рассматривать как часть только японо-китайских отношений, территориальный аспект явно отошёл на второй план. Для Пекина принципиальным является не фактическое владение Дьяоюйдао, а затруднение любых действий Токио, противоречащих коренным интересам КНР², прежде всего военного характера. Потому управление и освоение данной части акватории Восточно-Китайского моря для Японии чрезвычайно затруднено постоянным присутствием китайских военных кораблей и рыболовных судов, а также манёврами и патрульными миссиями Народно-освободительной армии (НОАК), в том числе совместно с Вооружёнными Силами Российской Федерации [8].

Территориальный аспект (острова Токто/Такэсима) присутствует в японо-южнокорейских отношениях, однако сегодня не определяет характер взаимодействия и признан сторонами "замороженным" [10]. Упоминания о правах некой абстрактной Кореи на "остров Ноктун (Олений)" в русле реки Туманной³ или условного Китая на "64 деревни" на северном берегу Амура⁴ не встречаются в официальных заявлениях, документах и материалах СМИ и не возникают в повестке дня дипломатических отношений.

Сокращение переговорного поля

Практически ни одна пара связей в Северо-Восточной Азии в условиях потенциальных конфликтов не реализуется автономно и по собственной логике. За период пандемии COVID-19 существенно сократилась интенсивность обменов Китая с Японией и Республикой Корея, а также через Тайваньский пролив. В итоге стало возможным проведение Вашингтоном целенаправленной политики по отда-

нем порядке решением ООН от 30 августа 1953 года в качестве продолжения военной демаркационной линии и не признаётся Пхеньяном, поскольку отделяет пять прибрежных островов, находящиеся у северо-корейской береговой черты. Военные корабли Республики Корея и КНДР патрулируют воды в районе Северной разграничительной линии. Несколько раз здесь происходили вооружённые инциденты, самые серьёзные – в 2002 и 2010 годах в районе острова Ёнпхёндо, подконтрольного южнокорейцам.

² К коренным интересам Китая обычно относят суверенитет, территориальную целостность, безопасность, политическую систему и важнейшие интересы экономического развития.

³ Участок, площадью 32 кв. км, в русле реки Туманной на границе КНДР и Приморского края России. Входил во владения Кореи в период династии Чосон. В результате обмеления и изменения течения реки соединился с сушей левобережья и перестал быть островом. По Пекинскому договору 1860 года, Ноктундо отошёл от Цинского Китая к Российской империи, с 1926 года находится в составе Хасанского района Приморского края. Согласно договору 1990 года между СССР и КНДР, была установлена линия государственной границы по фарватеру реки Туманной, и территория бывшего острова была признана северокорейскими властями советской. Однако данное соглашение не признаётся Сеулом, который продолжает считать данный участок "корейской землей", хотя и не предъявляет официально никаких претензий.

⁴ Территория, площадью 3 600 кв. км, на северном берегу реки Амур, напротив китайского города Хэйхэ провинции Хэйлуцзян и на восточном берегу реки Зейя, напротив Благовещенска Амурской области. По Айгунскому договору 1858 года между Цинским Китаем и Российской империей, все земли к северу от Амура перешли к России. Китайская Республика, образовавшаяся в 1911 году, не признавала данное соглашение. Согласно советско-китайскому договору о границе от 1991 года, Китайская Народная Республика отказалась от всех претензий на указанные земли. Тем не менее формально власти острова Тайвань, считающие себя преемниками Китайской Республики, продолжают считать "64 деревни" китайской территорией. Однако в силу того, что самостоятельность Тайваня не признаётся ни Россией, ни КНР, данные претензии не могут быть предъявлены официально.

лению сторон сотрудничества друг от друга, прерыванию сложившихся связей и культивированию взаимной враждебности.

Связи Пекина с Сеулом и Токио постепенно становятся более зависимыми от контекста китайско-американских отношений. Автономия и собственная логика всё ещё сохраняется в торгово-экономических аспектах в силу значительного пока объёма товарооборота порядка 350 млрд долл. с каждым из партнёров [14]. Взаимодействие России с Республикой Корея и Японией практически полностью подчинено логике общей конфронтации со странами Запада, ограниченные возможности диалога ещё сохраняются по линии малого и среднего бизнеса, гуманитарных связей. Можно утверждать, что и наблюдаемое японо-южнокорейское сближение носит вынужденный характер в силу проведения Вашингтоном курса по сплочению собственных союзников в целях противодействия Китаю, России и КНДР.

Ликвидация политической самостоятельности таких значимых стран региона, как Япония и Республика Корея, в итоге привело к существенному уменьшению переговорного поля, утрате доверия и затруднению обмена мнениями и намерениями. Фактически самостоятельное развитие диалога, в частности, для Москвы с Сеулом и Токио стало невозможным вне контекста российско-американских отношений.

Новой чертой является также увеличение активности европейских союзников США по НАТО на азиатском направлении, включая рост числа патрульных миссий и совместных учений, обсуждение вопросов постоянного или ротационного размещения элементов вооружённых сил, взаимную логистическую поддержку, обмен разведывательной информацией. Вопрос об открытии офиса Альянса в Токио пока не решён из-за блокирования Францией данной инициативы на саммите 2023 года в Вильнюсе, но окончательно не снят.

Расширение возможностей сдерживания

По инициативе Вашингтона все вопросы отношений с КНДР были увязаны исключительно с ракетно-ядерной программой Пхеньяна. Предложения России и Китая по отделению военной составляющей от экономических и гуманитарных аспектов сотрудничества, а значит и постепенное ослабление режима санкций Совета Безопасности ООН, остаются нереализованными [2]. Фактически американская администрация использовала фактор северокорейской угрозы как обоснование для сплочения союзников [12], наращивания собственной военной активности и изменения архитектуры военного присутствия, включая перспективное развёртывание на Тихом океане ракет средней, меньшей дальности и гиперзвукового оружия.

Кроме того, внушение чувства постоянной опасности на уровне руководителей и обывателей позволило США добиться от Токио, Сеула и Тайбэя взятия курса на существенное наращивание собственных военных возможностей. Приоритет отдаётся развитию ударного ракетного оружия наземного, морского и авиационного базирования, а также систем противоракетной обороны, что также отражено в ряде доктринальных документов [15]. Подобная иллюзия защищённости существенно снижает порог применения военной силы и начала конфликта.

Также США проводят целенаправленную политику по дискредитации Китая и России как стран, не желающих продолжить процесс сокращения стратегических наступательных вооружений и ограничения/запрещения отдельных видов оружия. Намерения у самого Вашингтона конструктивно подойти к данному вопросу отсутствуют, о чём свидетельствует неготовность предложить даже проект документа в продолжение истекающего в 2026 году договора СНВ-3.

Крайне опасной для стабильности в регионе и во всём мире представляется практическая реализация дискуссий в Японии, Республике Корея и на острове Тайвань о перспективах разработки собственного ядерного оружия или учреждения совместных ядерных миссий с США [9]. Тем более что Вашингтон ранее, в годы холодной войны, уже размещал в регионе собственные тактические средства ядерного нападения. Существует возможность и дальнейшего распространения

австралийского опыта приобретения многоцелевых атомных подводных лодок с ударным ракетным оружием в рамках соглашения о военно-техническом сотрудничестве AUKUS, в чём проявляет заинтересованность прежде всего Токио [6].

Идеологический и когнитивный аспекты противоборства

Особенности формирования в XX веке государственности нового образца в Японии, Республике Корея и на острове Тайвань, а также исторический опыт преопределили мощное влияние националистских идей на политические круги и широкие массы. Все три участника международных отношений в годы холодной войны являлись форпостами американского военного присутствия и существовали исключительно в капиталистической парадигме, что и обусловило доминирование там либеральных идей. Сегодня пусть антироссийские и антикитайские идеи и не разделяются большинством населения, но сторонники таких взглядов чрезвычайно влиятельны во внутривнутриполитической жизни и пользуются поддержкой США.

В средствах массовой информации и блогосфере нередко существенно искажается роль Китая, России и КНДР в современных международных отношениях. Данные государства упоминаются как ответственные за сложности экономического и социального характера без надлежащего объяснения мотивов действий и национальных интересов. При этом доступ к альтернативной информации, как правило, затруднён, а возможности публичных дискуссий, научных и экспертных обменов серьёзно ограничены. Подобные действия сделали возможной мобилизацию широких слоёв населения под явно националистскими лозунгами и позволяют перераспределять средства из социально значимых областей на нужды обороны, разведки и подрывной деятельности. Примерами клише, уже внедрённых на когнитивном уровне, являются выражения "китайский вирус" и "путинское вторжение", которые предлагаются идеологами в качестве универсальных причин всех проблем.

Особую тревогу вызывает процесс создания своеобразного "анти-Китая" на базе Тайваня, проводящийся Вашингтоном с начала 2000-х годов и окончательно оформившийся при администрации Демократической прогрессивной партии. США фактически реализуют здесь "украинский сценарий", обещая гарантии безопасности и военную поддержку, а также втягивая в зону потенциального конфликта союзников – Японию и некоторые страны НАТО. Идеи "особенности", новой идентичности и имидж "молодой демократии" активно распространяются по линии Американского института на Тайване и некоммерческих организаций [7].

Проводником тезиса о либеральном миропорядке как единственно верном стала и Япония, которая активно использует его в дипломатической линии и торгово-экономическом сотрудничестве для привлечения партнёров и трансляции антикитайских идей [13].

Есть ли опасность для России?

В условиях притязаний Токио на часть Курильских островов явным вызовом является военное строительство Японии, сопровождающееся антироссийской риторикой в выступлениях и документах. Появление у Токио ударного ракетного оружия, дальнейшее совершенствование сил и средств авиации и флота побудят Россию привлечь дополнительные ресурсы для защиты государственных интересов на Дальнем Востоке. Очевидные сложности быстрого устранения системных недостатков группировки российских вооружённых сил в регионе могут быть компенсированы совершенствованием системы развёртывания, обеспечения и применения собственных средств сдерживания, в том числе ядерного. Также перспективным направлением следует считать совместные патрульные миссии и учения с НОАК, особенно с учётом изменения позиции Пекина к японским территориальным претензиям в сторону поддержки позиции Москвы [1].

Усиление военного потенциала Республики Корея и Тайваня косвенно связаны с интересами национальной безопасности России. Конфликт в любой форме на Корейском полуострове или в Тайваньском проливе хотя и не предусматривает воен-

ного вмешательства России в силу отсутствия формальных обязательств помощи КНДР и КНР, однако потребует дополнительных мер защиты. Однако полноценное вовлечение Китая в боестолкновения с любым противником создаст для России ситуацию неопределённости и необходимость выбора рациональной линии поведения.

Существенная опасность для глобальной системы стратегического сдерживания исходит из действий США в Северо-Восточной Азии по размещению элементов собственных нестратегических ядерных сил и противоракетной обороны, в том числе с использованием потенциалов и территорий зарубежных партнёров в регионе.

Активное внедрение Вашингтоном малосторонних, камерных и эксклюзивных форматов взаимодействия ограничивает возможности российской дипломатии. Двусторонние связи Москвы с Токио и Сеулом практически полностью контролируются Вашингтоном, что сужает и чрезмерно политизирует повестку дня. В современных условиях наша страна может свободно доносить собственную позицию только на западных площадках, таких как G20, БРИКС, ШОС, АСЕАН, а также в ходе проводимых в России и дружественных странах международных форумов.

Серьёзную проблему представляет и ограничение доступа к официальной и независимой информации о России в Японии, Республики Корея и на Тайване. Официальный дискурс представляет Москву исключительно как опасного и непредсказуемого агрессора и ревизиониста, угрожающего миру ядерным оружием. Сложности в системном и последовательном распространении российских взглядов и оценок создают возможности для США по манипулированию общественным мнением и внедрению собственных идей, например, о "порядке, основанном на правилах" (rules-based order).

Также следует отметить последовательную работу США и союзников с Монголией. Улан-Батор пытается найти оптимальный путь развития и остаться в стороне от любых форм противоборств. Тем не менее антикитайские и антироссийские идеи активно распространяются Вашингтоном в монгольском обществе в качестве обоснования преодоления зависимости от Пекина и Москвы. Эти мотивы были заметны в ходе визита премьер-министра и министра иностранных дел Монголии в США в августе 2023 года [4].

Наконец, на всём пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона США настаивают на привилегированном положении стран, разделяющих западные ценности и взгляды. Для этой цели используются гуманитарные связи, торговое и инвестиционное сотрудничество, технологии формирования "гражданского общества" на демократических принципах западного образца, пропаганда через СМИ и средства коммуникаций, а также прямое давление на властные круги. Все остальные государства автоматически оказываются в лагере "автократий", к которым при необходимости могут применяться и методы принуждения – экономического, политического и военного.

В настоящее время из Северо-Восточной Азии не исходит прямой и явной угрозы государственному суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации. Ни одна страна не в состоянии отторгнуть часть российской территории или сделать невозможным выполнение властных полномочий на восточном направлении. Тем не менее нельзя однозначно утверждать, что таких намерений у представителей коллективного Запада нет.

Основная опасность исходит из стратегии США по намеренному обострению всех противоречий в регионе в интересах перенапряжения политических и экономических ресурсов своих основных противников – Китая, России и КНДР. При этом Вашингтон сознательно ликвидировал практически все каналы переговоров внутри региона по наиболее важным вопросам, добившись дезинтеграции СВА, для контроля политического поведения Токио, Сеула и Тайбэя и недопущения достижения сепаратных договорённостей.

Рост военных расходов и возможностей региональных игроков также отвечает американским интересам и соответствует логике сдерживания. При этом в США рассматривают различные сценарии применения военной силы со стороны Пекина, Пхеньяна или даже Москвы против любого из своих союзников и партнёров в СВА. В таком случае в регионе сложится явная ситуация биполярного противостояния практически без шансов на нормализацию внутрорегионального взаимодействия.

Литература

1. Китай сменил позицию по вопросу Курильских островов // РИА Новости. 03.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230403/kurily-1862731351.html> (дата обращения: 13.08.2023).
2. Лавров: положения российско-китайской дорожной карты по КНДР признаны востребованными // ТАСС. 21.03.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5050963> (дата обращения: 25.07.2023).
3. Лакстыгал И. Россия закрыла вопрос о мирном договоре с Японией // Ведомости. 10.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/10/962581-rossiya-ne-hochet-mira> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Петров Г. Монголия сближается с США // Независимая газета. 03.08.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-08-03/6_8791_mongolia.html (дата обращения: 13.08.2023).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 430-р // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/44745> (дата обращения: 02.08.2023).
6. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // Foreign Policy. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-aukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific/> (дата обращения: 10.08.2023).
7. Bush R.C. Taiwan's democracy and the China challenge // Brookings Institution. 22.02.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/taiwans-democracy-and-the-china-challenge/> (дата обращения: 02.08.2023).
8. Chan M. China and Russia to hold joint military drills in strategic waters near Japan // South China Morning Post. 15.07.2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3227824/china-and-russia-hold-joint-military-drill-strategic-waters-near-japan> (дата обращения: 10.08.2023).
9. Choe Sang-Hun. In a first, South Korea declares nuclear weapons a policy option // The New York Times. 12.01.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/world/asia/south-korea-nuclear-weapons.html> (дата обращения: 10.08.2023).
10. Gan N., Bae G., Ogura J. Japan and South Korea agree to mend ties as leaders meet following years of dispute // CNN. 16.03.2023. <https://edition.cnn.com/2023/03/15/asia/south-korea-yoon-japan-visit-regional-security-int-hnk/index.html> (дата обращения: 10.08.2023).
11. Kim Soo-yeon. N.K. leader says 2 Koreas are 'hostile nations at war' with no chance of unification // Yonhap News Agency. 31.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231231002300315> (дата обращения: 10.01.2024).
12. Leader's Joint Statement in Commemoration of the 70th Anniversary of the Alliance between the United States of America and the Republic of Korea // The White House. 26.04.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/leaders-joint-statement-in-commemoration-of-the-70th-anniversary-of-the-alliance-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-korea/> (дата обращения: 25.07.2023).
13. Solis M. Japan's democratic renewal and the survival of the liberal order // Brookings Institution. 22.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/japans-democratic-renewal-and-the-survival-of-the-liberal-order/> (дата обращения: 02.08.2023).
14. Workman D. China's Top Trading Partners // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (дата обращения: 02.08.2023).
15. Yamaguchi M. Japan declares plan to have preemptive strike capability and cruise missiles // Japan Times. 17.12.2022. URL: <https://japantoday.com/category/politics/as-regional-threats-rise-japan-eases-defense-only-strategy> (дата обращения: 10.08.2023).

References

1. China changed its stance to Kuril Islands // RIA Novosti. 03.04.2023. URL: <https://ria.ru/20230403/kurily-1862731351.html> (accessed 13.08.2023).
2. Lavrov: provisions of China-Russia roadmap on the DPRK were acknowledged as highly demanded // TASS. 21.03.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5050963> (accessed 25.07.2023).
3. Lakstygala I. Russia abolished the peace treaty issue with Japan // Vedomosti. 10.02.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/02/10/962581-rossiya-ne-hochet-mira> (accessed 10.08.2023).
4. Petrov G. Mongolia is gravitated to the USA // Nezavisimaya Gazeta. 03.08.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-08-03/6_8791_mongolia.html (accessed 13.08.2023).
5. Russia's Government Decree, March 5, 2020, N430-r // Government of the Russian Federation. URL:

<http://government.ru/docs/44745> (accessed 02.08.2023).

6. Auslin M. Why Japan should join AUKUS // Foreign Policy. 15.11.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/11/15/japan-ukus-jaukus-security-defense-pact-alliance-china-containment-geopolitics-strategy-indo-pacific/> (accessed 10.08.2023).

7. Bush R.C. Taiwan's democracy and the China challenge // Brookings Institution. 22.02.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/taiwans-democracy-and-the-china-challenge/> (accessed 02.08.2023).

8. Chan M. China and Russia to hold joint military drills in strategic waters near Japan // South China Morning Post. 15.07.2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/military/article/3227824/china-and-russia-hold-joint-military-drill-strategic-waters-near-japan> (accessed 10.08.2023).

9. Choe Sang-Hun. In a first, South Korea declares nuclear weapons a policy option // The New York Times. 12.01.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/01/12/world/asia/south-korea-nuclear-weapons.html> (accessed 10.08.2023).

10. Gan N., Bae G., Ogura J. Japan and South Korea agree to mend ties as leaders meet following years of dispute // CNN. 16.03.2023. <https://edition.cnn.com/2023/03/15/asia/south-korea-yoon-japan-visit-regional-security-int-hnk/index.html> (accessed 10.08.2023).

11. Kim Soo-yeon. N.K. leader says 2 Koreas are 'hostile nations at war' with no chance of unification // Yonhap News Agency. 31.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231231002300315> (accessed 10.01.2024).

12. Leader's Joint Statement in Commemoration of the 70th Anniversary of the Alliance between the United States of America and the Republic of Korea // The White House. 26.04.2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/04/26/leaders-joint-statement-in-commemoration-of-the-70th-anniversary-of-the-alliance-between-the-united-states-of-america-and-the-republic-of-korea/> (accessed 25.07.2023).

13. Solis M. Japan's democratic renewal and the survival of the liberal order // Brookings Institution. 22.01.2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/japans-democratic-renewal-and-the-survival-of-the-liberal-order/> (accessed 02.08.2023).

14. Workman D. China's Top Trading Partners // World's Top Exports. URL: <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/> (accessed 02.08.2023).

15. Yamaguchi M. Japan declares plan to have preemptive strike capability and cruise missiles // Japan Times. 17.12.2022. URL: <https://japantoday.com/category/politics/as-regional-threats-rise-japan-eases-defense-only-strategy> (accessed 10.08.2023).

Андрей Владимирович ГУБИН, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия; адъюнкт-профессор Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета г. Чанчунь, Китай, e-mail: gubin.av@dvvf.ru

Andrey V. GUBIN, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, International Relations Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Adjunct-Professor, North East Asia Research Center, Jilin University, Changchun, China, e-mail: gubin.av@dvvf.ru

Поступила в редакцию
(Received) 08.12.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 23.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях

Ильсур Закирзянович НАФИКОВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, ilsur.nafikov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам усиления активности внешней политики Турции в постсоветских республиках Центральной Азии, а также участию в духовно-культурных и этно-конфессиональных проектах стран тюркского мира. Вместе с этим реализуется поэтапная интеграция государства-члена НАТО в общественное, экономическое и политическое поле взаимодействия стран СНГ. В статье уделяется внимание инструментам и методам реализации политики "мягкой силы" Турции в Центральной Азии.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, СНГ, внешняя политика, дипломатия, тюркский мир

Для цитирования: Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 116–123. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/116-123>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/116-123>

Turkish foreign policy in Central Asian states of post-soviet period: regional integration in new political realities

Ilsur Z. NAFIKOV

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, ilsur.nafikov@gmail.com

Abstract. Article aimed to analyse the activity of Turkish foreign policy on the Post-soviet Republics of Central Asia within the cultural, ethnic and confessional identities of the states name as a "Turkic world" members. At the same time Turkey as a NATO member realise the policy that includes the integration the Central Asian Republics of CIS to sphere of its social, political and economical field of interests. at the same time article is aimed to research the tools and methods of Turkish Soft power policy in the region of Central Asia.

Keywords: Republic of Turkiye, Central Asia, CIS, foreign policy, diplomacy, "Turkic world"

For citation: Nafikov I.Z. Turkish foreign policy in Central Asian states of post-soviet period: regional integration in new political realities // Oriental Institute Journal. 2024. № 1. P. 116–123. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/116-123>

Введение

Центральная Азия как отдельное понятие впервые употребилось в 1864 г. немецким географом Александром Гумбольдтом [3]. Тогда территория была известна благодаря тому, что являлась транзитным регионом маршрутов Великого Шелкового пути [6]. Сегодня регион, по версии Британники [2], представляет собой совокупность пяти государств, в числе которых Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения и Таджикистан. Геополитическая ценность Центрально-Азиатского региона вызывает интерес у многих передовых стран. Среди основных преимуществ региона в первую очередь следует выделить его геополитически выгодное расположение: значительное количество природных ресурсов и энергетический потенциал; близость района со странами, находящимися в состоянии вооруженного конфликта (Иран, Афганистан), а также транспортно-транзитный потенциал региона. Область представляет собой некую сферу пересечения интересов крупных мировых держав по всему миру. Среди стран, оценивающих привлекательность данного региона, есть и Турция, которая, однако, определяется больше "звеном среднего класса" [15]. Несмотря на это, страна высоко оценивает свои шансы и успешно преобразовывает внешнюю политику для расширения влияния в интересующие регионы. Так, сразу после распада СССР Турция для продолжительного диалога с государствами ввиду общих исторических, языковых и культурных свя-

зей была первой страной, признавшей независимость данных государств [22]. В результате распад СССР на отдельные государства дал шанс Турции показать себя как модель развития светского государства с сохранением тюркской идентичности. Важно отметить, что Анкара оценивает перспективы развития отношений со странами Центральной Азии в контексте общего религиозного начала. Турция не только активно продвигает свои планы по объединению всех тюркских народов, но и осваивает новую роль в связи с изменениями на мировой арене [5, с.27]. За двадцать лет нахождения у власти ПСР активно внедряет такие понятия, как "тюркский мир" и "тюркское братство". Результатом такого рода политики является успешная интеграция в регионы Центральной Азии, что говорит о рациональном выборе Турцией концепции "мягкой силы" как основного инструмента. Началом турецкой интеграции можно считать визит президента Турции Тургута Озала в страны Центральной Азии 1991 году. Уже тогда Турция ясно показала свои намерения вследствие сложившейся ситуации. В декабре 1991 года было основано Содружество Независимых государств, где Турция официально признала новые независимые республики [18], а также предоставила свои взгляды касательно действий в период трансформационных процессов: попытка заговорить об объединении тюркских государств. Этот период сопровождался активным обсуждением турецкими политиками возможности "восстановления тюркского единства", а в СМИ даже появились новые термины: "узбекские тюрки", "киргизские тюрки", "татарские тюрки" и так далее [21]. Началась интенсивная турецкая интеграция в Среднюю Азию: создаются новые образовательные программы, предоставляются стипендии для тюркских студентов, транслируются тюркские каналы [17]. Таким образом, страна пытается показать преимущества турецкого пути развития. Этнокультурные связи, историческое прошлое настраивают Турцию на заключение дипломатических отношений со странами Центральной Азии. Более того, проблема в области энергетической безопасности и безопасности в целом подталкивает страны к обоюдному сотрудничеству в экономической и политической сферах [11].

Фактор историко-культурной общности во внешнеполитической стратегии Турции в странах Центральной Азии

Возможность использовать "мягкую силу" выпала на саммит тюркоязычных стран в октябре 1992 года [10]. В этот период по инициативе турецкого лидера Тургута Озала в столице состоялась встреча с президентами Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана. На саммите подняли вопрос о формировании общего экономического пространства, включая создание общего рынка, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов, учреждение регионального банка развития, создание условий для безвизового режима, а также определение общего языка для тюркских государств. Что интересно, впоследствии создание общего алфавита осуществилось наполовину – Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан перешли с кириллицы на латиницу, Казахстан обещает сделать это к 2025 году. По итогам данной встречи 31 октября 1992 года была подписана Анкарская декларация, которая стала основополагающим фактором для дальнейшего сотрудничества тюркоязычных государств с Турцией в обоих направлениях. Для Турции подписанная декларация имела большое значение: документ доказывал роль Турецкой республики как "старшего брата" в историческом, культурном и языковом контексте отношений. Также Анкарская декларация подразумевала активное сотрудничество в области образования, культуры и науки, что также положительно сказывалось на всех странах-участницах и, в частности, на Турции, которая в тот момент активно продвигала интеграционные идеи "мягкой силы". Теперь страна имела возможность высказываться как наднациональный лидер. Все это являлось важным фактором на пути к осуществлению плана Турции по объединению всех тюрков.

Однако изначально проводимая политика не добилась достаточных успехов. Страны постсоветского пространства отказывались от предложенной Турцией роли "большого брата", опираясь на собственные политические приоритеты. Тур-

ция, в свою очередь, была вынуждена признать, что, несмотря на общность культурных и этнических связей, новообразованные тюркские страны искали свой собственный путь государственного строительства. Более того, с середины 1990-х годов ЕС начинает непосредственный диалог с государствами без упоминания Турции.

Ситуация меняется с приходом к власти АКР (Партии справедливости и развития) в 2002 году. Начинается стремительное преобразование внешней и внутренней политики Турции, что отмечается положительным влиянием на ее "мягкую силу". Главными инструментами "мягкой силы" Турции в Центральной Азии стал язык, образование, культура и религия [7]. Данное политическое направление бывший премьер-министр Турции А. Давутоглу прокомментировал как "невидимая сила", а в турецкой политической среде появился термин "новый стиль дипломатии", под которым подразумевается использование Турцией экономической и культурной интеграции вместо военной [1],

Рассматривая образование как элемент политики "мягкой силы", важно выделить проекты для студентов Центральной Азии. Итак, Турция провела подготовку религиозного персонала в своей стране для реализации плана по восстановлению исламских ценностей в новообразовавшихся государствах путем интеграции через образовательные учреждения. Данный элемент в политике "мягкой силы" рассматривается в первую очередь в рамках Министерства образования Турции. Здесь в 1992 году стартует "Большой студенческий проект" [19], который предоставляет возможность студентам Центрально-Азиатского региона без проблем поступать в ВУЗы Турецкой республики и получать стипендии. Основными задачами "Большого студенческого проекта" в рамках укрепления влияния Турции в регионах Центральной Азии являлось формирование профессиональных кадров в тюркоязычных странах, а также распространение турецкого языка и культуры.

Также для продвижения диалога и сотрудничества между странами был создан Тюркский Совет или Совет сотрудничества тюркских государств. Это крупная международная платформа, которая была создана в 2009 году, с одной стороны, для объединения интересов входящих туда стран: Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, а с другой – для восстановления утраченного влияния Турции в регионах Центральной Азии [20]. Взаимоотношения Турции со странами Центральной Азии способствовали росту регионального авторитета не только в данном регионе, но и на Ближнем Востоке, и во всем мире.

В условиях трансформации внешней политики ряда стран Балканского полуострова и изменений внешнеполитических реалий на Ближнем Востоке, Турция сконцентрировала свое внимание на расширении своего влияния именно в Центральной Азии. С момента распада Советского союза и образованием тюркоязычных независимых государств на постсоветском пространстве были сделаны конкретные шаги по созданию объединения стран, говорящих на тюркских языках. В 2006 году Президент Казахстана озвучил необходимость структурного изменения Организации тюркоязычных государств, и Анкара поддержала данную инициативу. В 2009 году на саммите Организации было подписано Нахичеванское соглашение и определены этапы институциональных изменений. В результате активной внешнеполитической деятельности Анкары в 2021 году Азербайджан, Турция, Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан стали членами Организации Тюркских Государств, А Турмения, Венгрия и Турецкая Республика Северного Кипра вошли в объединение в статусе стран наблюдателей. Нахичеванское соглашение сформировало политико-правовую основу и определило роли и возможности стран членов и государств-наблюдателей, а также обозначило Организацию Тюркских Государств как правопреемницу ранее существовавшего Совета тюркоязычных стран. При этом Анкара инициировала разработку и принятие программы стратегического развития Организации Тюркских Государств, определившую основные шаги до 2040 года.

Важную роль в реализации внешнеполитических амбиций Турции в регионе сыграла Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением

общих исторических корней тюркской культуры; Фонд исследования тюркского мира "Туран", который оказывает финансовую помощь российским студентам при поступлении в турецкие образовательные учреждения; "Turkvision" – музыкальный конкурс песни, по аналогии с Евровидением, на котором выступают представители тюркоязычных стран и регионов [14, с.14-19].

Развитие торгово-экономических отношений как инструмент интеграции в региональную политику Центральной Азии

Одним из приоритетных направлений интеграции Турецкой политики в регионы Центральной Азии является экономическое сотрудничество, в рамках которых Турция вложилась в ряд масштабных инвестиционных проектов. В 2017 году по инициативе Казахстана, который высказал желание выхода в мировую транспортную сеть, был открыт Транкаспийский международный транспортный маршрут. Сегодня эта организация возрождает маршрут Великого Шелкового Пути и предоставляет услуги по контейнерной транспортировке грузов из Китая и регионов Центральной Азии в страны Европы и Африки в обоих направлениях. В Транкаспийском международном транспортном маршруте принимают участие 8 стран, а именно: Азербайджан, Грузия, Казахстан, Китай, Польша, Румыния, Украина и Турция. Таким образом, это не только обеспечивает Турции проход в Центральную Азию, но и способствует увеличению экспорта товаров промышленного производства, а также импорту сырьевых материалов. Касательно экономического сотрудничества с Казахстаном, в 2020 году "TAV Airports" приобрел 100% акций аэропорта Алматы. Данный аэропорт Казахстана стал пятнадцатым в глобальной сети TAV. Сотрудничество Турции и Туркменистана в энергетической сфере неоднократно обсуждалось, тем не менее конкретные шаги были сделаны 24 февраля 2021 года, когда в МИД Турции была проведена встреча министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу и министра иностранных дел Туркменистана Р. Мередова по подготовке к началу поставок туркменского газа в Европу через Турцию. Транкаспийский газопровод позволил бы присоединить газотранспортную систему Туркменистана через Южно-Кавказский газопровод к Трансанатолийскому газопроводу. По заявлению властей, подписание соответствующего меморандума откроет дорогу проектам по повышению энергобезопасности Турецкой и европейских стран. Вместе с этим, рассматривая экономические связи Турции с Туркменистаном, значительное внимание заслуживает и проект строительства международного порта в Ашхабаде, а также восстановление порта в Туркменбаши.

Между тем отечественные востоковеды-тюркологи уделяют внимание исследованию динамики роста, так, например, Москаленко В.А.[11] рассмотрел экономический потенциал Турции с разными регионами Центральной Азии и провел краткий сравнительный анализ объема товарооборота между странами за 2018 и 2019 гг. В результате с Узбекистаном объем товарооборота увеличился на 22,7 процента и в краткосрочной перспективе должен увеличиться с 2,5 млрд долларов до 5 млрд.; с Казахстаном путем экспорта различного сырья товарооборот в 2019 году составил 3,13 млрд. долларов; с Туркменистаном товарооборот вырос на 216 млн долларов и продолжает расти благодаря промышленным проектам Турции в регионе; в Киргизии импортируются в первую очередь бытовая техника, цветные металлы, текстиль, трикотаж, строительные материалы и т.д., а экспортируются в основном продукты сельского хозяйства, алюминий и медь; наконец, с Таджикистаном экономическое и культурное взаимодействие ограничивается работой с 1996 г. в Душанбе Турецким агентством по международному сотрудничеству. На современном этапе процесс экономического сотрудничества стран Центральной Азии и Турции продолжает развиваться. 31 марта 2021 года в онлайн-режиме президенты Турции, Азербайджана, Казахстана, Киргизии и Узбекистана провели неформальный саммит в рамках Тюркского совета. На встрече обсуждались ряд политических дискуссий, а также была затронута тема развития экономического сотрудничества. Президент Казахстана Касым-Жомарт Кемелевич Токаев выступил с предложением о создании совместной экономической зоны в Туркменистане с целью повышения внутреннего товарооборота после кризисов 2020,

вызванных пандемией. Более того, лидеры стран обсудили взаимную помощь в борьбе с новой коронавирусной инфекцией. Президент Узбекистана Шавкат Миромонович Мирзиёв отметил важность обеспечения доступа через Центральную Азию к основным мировым рынкам, включая Китай, Индию, Пакистан и другие азиатские страны, а также из Азербайджана и Турции – в европейские страны. Также на саммите уделили внимание культурному аспекту. Все эти процедуры, по словам президента, приводят к новому этапу в истории объединения тюркских стран, где каждое из государств готово вместе преодолевать любые испытания и угрозы. Присутствие на центрально-азиатском рынке Китая и России сильно затрудняет реализацию планов Турции среднеазиатском регионе. Ее успехи в начинаниях экономического освоения территорий Центральной Азии недостаточны, чтобы конкурировать с более крупными акторами. Однако, согласно статистике, с 2010 по 2020 года товарооборот между Турцией и центральноазиатскими странами вырос с 5,5 млрд долларов США до 6,3 млрд долларов США, что свидетельствует о высоком потенциале Турции. Большую часть товарооборота приходится на торговлю с Узбекистаном и Казахстаном – 2 млрд долл., тем не менее Турция не входит даже в тройку лидеров крупных торговых партнеров этих стран. Однако, несмотря на экономические уступки Китаю и России в торговле с Центральной Азией, планы Турции выглядят довольно масштабными.

Военно-стратегический вектор сотрудничества как новый вызов региональным лидерам

Военная сфера также является важным аспектом в установлении международных связей Турции со странами Центральной Азии. Сразу после распада СССР новообразованные государства столкнулись с проблемой модернизации военных сил, и Турция, как член НАТО, являлась для них привлекательным вариантом. Более того, модернизация военной сферы означала ослабление зависимости от России. Для Турции же создание союза с тюркскими странами означало военную поддержку и увеличение геополитического значения. Пересмотрев свой план по предводительству альянса тюркоязычных стран, Турция поняла, что для достижения дипломатических отношений необходимо военное присутствие в регионах, и сделала акцент на военном сотрудничестве. Уже с конца 1990-х годов Турецкая республика спонсировала различные военные программы тюркских стран [12, с. 130-137].

Начало активных разговоров об активизации политико-дипломатических отношений и военного сотрудничества началось после заявления лидера Турецкой республики Р. Т. Эрдогана в 2019 году о желании видеть "одну нацию в шести государствах" (включая Туркмению) [22]. Данное заявление было воспринято положительно государствами Центральной Азии и сформировало мысль о дальнейшей тесной интеграции стран. В 2020 году министр обороны Турции Хулуси Акар прибыл в Казахстан для обсуждения позиций двустороннего сотрудничества в военной сфере и его дальнейшего укрепления. Далее министр обороны совершил визит в Узбекистан с целью подписания соглашения о военном и военно-техническом сотрудничестве с Турцией. Следует отметить, что идентичный договор о военном и военно-техническом сотрудничестве с Казахстаном был подписан еще в 2018 году, в рамках которого офицеры обоих государств прошли военную подготовку в вузах Турции и Казахстана [9].

Все это обеспокоило российские СМИ и расценивалось как новый сдвиг в пантюркистских стремлениях. Речь идет о создании "Армии Турана" как тюркского военного блока, объединяющего страны Центральной Азии. Прообразом данной военной организации можно считать "Организацию евразийских военных правоохранительных органов" (ТАКМ), основанную в ходе конференции Ассоциации правоохранительных органов военного статуса Евразии в Баку в 2013 году. В состав вошли Турция, Азербайджан, Киргизия и Монголия с последующим изъявлением Казахстана о вступлении. Основными целями данной организации можно выделить борьбу с преступностью, терроризмом и контрабандистскими проявлениями на территориях стран Центральной Азии. ТАКМ имела все возможности

для становления первой военной организацией, объединяющей тюркские страны. Однако уже скоро стало понятно, что желаемых результатов данная организация не достигнет.

Вопрос о создании тюркского военного блока стал вновь актуален в контексте Карабахского конфликта в 2020 году. Именно в этот момент Хулуси Акар совершает поездку в страны Центральной Азии с вопросом об укреплении военного сотрудничества. Далее в марте 2021 г. уже главой МИД Турции Мевлютом Чавушоглу был совершен визит в Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Создание тюркского военно-стратегического блока под началом Турции может способствовать амбициям Анкары занять позицию регионального лидера. Однако для достижения такой степени интеграции Турции следует провести еще большую подготовительную работу. Необходима ресурсная база для обеспечения такого рода военной интеграции. Также стоит брать во внимание более влиятельных акторов в регионах Центральной Азии, а именно: Россию, Китай и Иран, так как в разговорах о формировании "Армии Турана" данные страны могут ощутить угрозу своей безопасности. Несмотря на то, что Россия и Турция считаются стратегическими партнерами ввиду общности интересов и целей в Центрально-Азиатском регионе, страны также являются геополитическими соперниками. На данную тему рассуждал и научный сотрудник Института востоковедения РАН Амур Гаджиев: по его мнению, прямой политической угрозы интересам России Турция пока не представляет, но сама конкуренция внутри этих стран "практически неизбежна" [4]. Сейчас же основными препятствиями на пути создания "Армии Турана", по мнению научного сотрудника Дипломатической академии МИД России Шангарева Р.Н. [15], можно считать недостаточность средств и экономическую зависимость Турции от России. Большую роль играет также курдский вопрос, борьба со сторонниками исламского пути развития за выстраивание светского государства, а также растущие противоречия с ЕС.

Таким образом, Турция позиционирует себя как государство с богатым историческим опытом, стремящееся к сохранению тюркской идентичности и демонстрирующее успешную модель внешнеполитического развития стран Центральной Азии. Государства Центрально-Азиатского региона, в свою очередь, видят в Турции сторонника пантюркистских идей, что очень привлекает лидеров региона в условиях идеологического вакуума в постсоветскую эпоху. Военная организация, экономический и политический авторитет формирует у Турции образ лидера мнения в кругу членов Организации Тюркских Государств. Страны Центральной Азии, в свою очередь, нацелены на получение от сторон новых предложений по структуризации экономического потенциала регионов, а также на выход в международный рынок при условии сохранения нейтральности во внутренних делах региона.

Исходя из этого, стоит отметить, что Турция за период с 1991 по 2021 год выстроила новую концепцию внешней политики для приобретения статуса наднациональной державы. Активное сотрудничество с Центральной Азией в рамках международных и региональных организаций обеспечивает стране проход сразу в несколько регионов: Турция является активным участником военно-стратегического присутствия сил НАТО в программах "поддержания мира", при посредничестве Венгрии декларирует свои задачи на площадках Европейского союза, а недавнее включение Турецкой Республики Северного Кипра закрепило единую позицию по присутствию в Восточном Средиземноморье. Процесс интеграции путем взаимодействий в социально-экономической и военной сферах приводит к положительным результатам – Турция имеет шансы стать региональным лидером и вернуть себе ключевую историческую роль.

Литература

1. Алиева А.И. "Мягкая сила" в современной внешней политике Турции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94.
2. Британская энциклопедия // Большой Кавказ – Великий канал. 2006. С. 214. URL: <https://www.britannica.com/search?query=central+asia> (дата обращения: 25.07.2023).
3. Буряев А.И. К вопросу о применении термина "Центральная Азия" в исторических исследованиях

// Вестник БГУ. 2011. №8. С. 142–146.

4. "Великие турки": как Турция объединяет Среднюю Азию. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml (дата обращения: 28.12.2021).

5. Габдуллин Э. Центральная Азия: геополитика, безопасность, сценарии развития // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 1. С. 26–41.

6. Гусевская Н.Ю. Великий Шелковый путь: история и современность // НАУ. 2015. №7-3 (12). С. 44–46.

7. Зубкова А.И. Мягкая сила Турции: феномен "Soap power" как инструмент культурной дипломатии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология. 2015. № 2. С. 52–62.

8. Казахстан расширяет военное сотрудничество с Турцией. URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/news/details/864> (дата обращения: 21.11.2021).

9. Курманов З. Тюркские республики в поисках новой идентичности // Центр политико-правовых исследований. URL: <https://center.kg/article/158> (дата обращения: 11.07.2023).

10. Мирфат Ауф. Мягкая сила Турции: как Анкара бросила вызов Кремлю в Центральной Азии? URL: <https://inosmi.ru/20210319/249369822.html> (дата обращения: 27.07.2023)

11. Москаленко В.А. "Мягкая сила" Турции в интеграционных процессах в Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2021. № 4-1. С. 128–132.

12. Овсепян Л. Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическими интересами Запада // Центральная Азия и Кавказ, 2009. № 2 (62). С. 130–137.

13. Русакова О.Ф., Ковба Д.М. Стратегические модели "мягкой силы" стран восточноазиатского региона // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12, № 2. С. 14–29.

14. Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020 Т.3. № 7. С. 609–615. <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2020-7-609-615>

15. Шангараев Р.Н. "Армия Турана" – проект Турции по военной интеграции тюркского мира // Observer. 2021. №7 (378). С. 70–84. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_7_70

16. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель– Observer. 2017. №11 (334). С. 73–82.

17. Шангараев Р. Н. Формирование концептуального подхода турецкой внешней политики в Центральной Азии // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 2. С. 475–481. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.66.2.021>

18. Юбилей "Большого студенческого проекта": азербайджанские выпускники турецких вузов встретились спустя 20 лет. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/образование/юбилейбольшого-студенческого-проекта-/292437> (дата обращения: 11.11.2021).

19. Efeğil E., Akçalı P. Orta Asya'nın Sosyo-kültürel Sorunları: Kimlik, İslam, Milliyet Ve Etnisite. İstanbul, 2013. 240 s.

20. Gadzhiev A.G. Geopolitical, Trade and Economic Interests of Turkey and Iran in the Southern Caucasus // Review of Armenian Studies. No. 32. 2015. P. 155–170. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/777525> (дата обращения: 30.07.2023).

21. Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the Turkish context: what is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–235. <https://doi.org/10.54561/prj1302199s>

22. Turkey's Relations with Central Asian Republics // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 11.03.2022).

References

1. Aliyeva A.I. "Soft power" in foreign policy of modern Turkey // Vestn. Mosk. universiteta. Vol. 25. International relations and world policy. 2014. № 3. P. 63–94. (In Russ.).

2. Encyclopædia Britannica // Greater Caucasus – Great Chanal. 2006. P. 214. URL: <https://www.britannica.com/search?query=central+asia> (accessed 25.07.2023) (In Russ.).

3. Buraev A.I. To the question on term application "the Central Asia" in historical researches // Vestnik BGU. 2011. № 8. P. 142–146. (In Russ.).

4. "Great Turks": how does Turkey consolidate the Central Asia. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml ((accessed 28.12.2021) (In Russ.).

5. Gabdullin E. The Central Asia: geopolitics, security, scenario of development //Central Asia and Caucasus. 2011. Vol. 1. P. 27. P. 26–41. (In Russ.).

6. Gusevskaya N. The Silk road: past and present// NAU. 2015. № 7-3 (12). (In Russ.).

7. Zubkova A.I. Turkish soft power: the phenomenon of "soap power" as a tool of cultural diplomacy // Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhbi narodov. Political sciences. 2015. № 2. P. 52–62. (In Russ.).

8. Kazakhstan expands military cooperation with Turkey. URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/news/details/864> (accessed 21.11.2021) (In Russ.).

9. Kurmanov Z. Turkic republics in search of a new identity // Center for Political and Legal Studies. URL: <https://center.kg/article/158> (accessed 11.07.2023). (In Russ.).

10. Mirfat Auf. Turkey's Soft Power: How Ankara Challenged the Kremlin in Central Asia? URL: <https://inosmi.ru/20210319/249369822.html> (accessed 27.07.2023) (In Russ.).
11. Moskalenko V.A. "Soft power" of Turkey in the Integration processes in Central Asia // Great Eurasia: development, security, cooperation. 2021. No. 4-1. P. 128–132. (In Russ.).
12. Ovsepyan L. The Turkish model and the conditionality of Ankara's foreign policy in the countries of Central Asia by the strategic interests of the West // Central Asia and the Caucasus, 2009, № 2 (62). P. 130–137. (In Russ.).
13. Rusakova O.F., Kovba D.M. Strategic Models of "Soft Power" of the East Asian Region // Political Expertise: POLITEKS. 2016. V. 12, № 2. P. 14–29. (In Russ.).
14. Sarimsokov Z. The Turkic factor in Turkey's soft power policy in relations with the countries of Central Asia // Post-Soviet Studies. 2020 V.3. No. 7. P. 609–615. <https://doi.org/10.24412/2618-7426-2020-7-609-615> (In Russ.).
15. Shangaraev R.N. "Army of Turan" – Turkey's project for the military integration of the Turkic world // Observer. 2021. №7 (378). P. 70–84. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_7_70 (In Russ.).
16. Shangaraev R.N. Ideological aspects of Turkish foreign policy // Observer. 2017. № 11 (334). P. 73–82. (In Russ.).
17. Shangaraev R.N. Formation of conceptual approach of Turkish foreign policy in Central Asia // Political Science Issues. 2021. V. 11. № 2. P. 475–481. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.66.2.021> (In Russ.).
18. Anniversary of the "Big Student Project": Azerbaijani graduates of Turkish universities met after 20 years. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/образование/юбилейбольшого-студенческого-проекта-/292437> (accessed 11.11.2021). (In Russ.).
19. Efeğil E., Akçalı P. Orta Asya'nın Sosyo-kültürel Sorunları: Kimlik, İslam, Milliyet Ve Etnisite. İstanbul, 2013. 240 s.
20. Gadzhiev A.G. Geopolitical, Trade and Economic Interests of Turkey and Iran in the Southern Caucasus // Review of Armenian Studies. No. 32. 2015. P. 155–170.
21. Shlykov P. The secularization and desecularization nexus in the Turkish context: what is behind? // Politics and Religion Journal. 2019. Vol. 13. № 2. P. 199–235. <https://doi.org/10.54561/prj1302199s>
22. Turkey's Relations with Central Asian Republics // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (accessed 11.03.2022).

Ильсур Закирзянович НАФИКОВ, канд. ист. наук, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Ilsur Z. NAFIKOV, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Altaic, Turkic and Central Asian studies, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 01.08.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 09.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Текущее состояние сферы высшего образования в Мьянме

Данил Сергеевич УХАЛОВ

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ukhalovdaniil@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена описанию текущего состояния сферы высшего образования в Республике Союз Мьянма на весну 2023 года. В статье на основе доступных и полученных через сеть Интернет данных представлена целостная картина нынешнего состояния, в котором пребывает сфера высшего образования Мьянмы. В статье проанализированы проблемы, структура высших учебных заведений страны, а также перспективы развития высшего образования на современном этапе.

Ключевые слова: высшее образование Мьянмы, развитие Мьянмы, вузы Мьянмы, проблемы образования Мьянмы, перспективы развития Мьянмы

Для цитирования: Ухалов Д.С. Текущее состояние сферы высшего образования в Мьянме // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 124–133. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/124-133>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/124-133>

The current state of higher education in Myanmar

Danil S. UKHALOV

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ukhalovdaniil@gmail.com

Abstract. The article reviews the state of higher education in the Republic of the Union of Myanmar in the spring of 2023. The process of researching Higher Education in Myanmar is highly complicated because of the current political and economic turmoil that is happening in the country. Based on the available data and the data acquired through the Internet, the author of this article gathers a holistic picture of Higher Education in Myanmar. The data for writing the article was collected by analyzing articles by other authors and independently collected by the author of the article. The article analyzes the problems of Myanmar's higher education, the structure of higher educational institutions of the country, as well as the prospects for the development of the country's higher education in the future. The article also covers the consequences of the current political and economic crisis in the field of higher education in Myanmar.

Keywords: Myanmar higher education, universities in Myanmar, Myanmar education problems, development of Myanmar, Myanmar education system

For citation: Ukhalov D.S. The current state of higher education in Myanmar // Oriental Institute Journal. 2024. No 1. P. 124–133. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/124-133>

Вводные замечания

В декабре 2022 года стало известно, что Дальневосточный федеральный университет, находящийся в городе Владивосток, планирует открытие филиала в Республике Союз Мьянма. Это событие повысило актуальность изучения сферы высшего образования Мьянмы для ДВФУ и Российской Федерации, так как деятельность филиала университета в Мьянме предполагает тесное соприкосновение сфер высшего образования обеих стран. Кроме того, за последние несколько лет в России не было сделано исследований, касающихся высшего образования в Мьянме.

Республика Союз Мьянма находится на западе материковой части Юго-Восточной Азии. За последние десятилетия страна пережила множество политических и экономических кризисов. Кризисные явления, произошедшие в стране, оказали сильное влияние на развитие сферы высшего образования. Данное исследование анализирует текущее состояние сферы высшего образования в Мьянме, а именно: нынешние проблемы, структуру вузов и перспективы развития. Исследования сферы образования в Мьянме ограничены малым количеством доступной информации и плохой изученностью темы другими исследователями, поэтому для на-

писания этой статьи были использованы источники до 10-летней давности. Точной информации о текущем состоянии высших заведений в Мьянме из-за сложной политической обстановки крайне мало, поэтому в данной статье автор полагался на доступные менее точные способы исследования. Автор посетил все доступные официальные сайты и страницы в социальных сетях высших учебных заведений Мьянмы.

Проблемы в сфере высшего образования Мьянмы

За годы политической и экономической нестабильности в сфере высшего образования Мьянмы так и не было решено множество различных проблем: от низкой доступности высшего образования до недостатка квалифицированных кадров и ресурсов и, как следствие, низкого качества образования. После смены власти в феврале 2021 года состояние сферы высшего образования сильно ухудшилось. По некоторым данным, от 35% до 50% преподавателей покинули свои должности, а пришедшее в результате переворота правительство начало "откат" проводившихся ранее реформ [8]. Система образования во многих аспектах уже много десятков лет находится под давлением сменяющихся режимов. Так как для системы образования государство и иностранные доноры являются единственными источниками финансирования, развитие системы образования в Мьянме во многом зависит от отношений между совокупностью вузов и государства, а также отношений государства и стран, оказывающих материальную, финансовую и информационную поддержку.

Проблемы в сфере высшего образования Мьянмы начинаются ещё в старшей школе. Политический кризис затронул не только высшие учебные заведения, но и школы. Всё меньше школьников в Мьянме сдают экзамены по окончании школы для поступления в вузы. Согласно данным СМИ, которые они получили у Министрства образования Мьянмы, в 2019 году до начавшейся пандемии COVID-19 экзамен сдали 910 тыс. человек, а в 2023 это число снизилось до 160 тыс. [5]. Такое снижение связывают с тем, что подготовка к экзаменам является серьезным бременем для семей, на чьё финансовое благополучие сильно воздействовали экономические последствия пандемии COVID-19, а также с давлением части общества, не поддерживающего текущую власть и считающего посещение государственных школ и сдачу государственного экзамена сотрудничеством с режимом [12].

Большой проблемой высшего образования Мьянмы является низкая доступность. Низкая доступность высшего образования в стране начинается со ступени школьного образования. Исследования, проводившиеся в первой половине 2010-х годов, показывают, что как минимум 1,1 миллион человек начинает учиться в первом классе, однако только около 300 тысяч доходят до 11 класса и только около трети учащихся успешно сдают экзамен по окончании школы для поступления в высшие учебные заведения [4]. Такая ситуация во многом связана с недостатком денежных средств у семей учащихся, так как школьное образование хоть и обеспечивается государством и является обязательным, но, по сути, не является бесплатным. За обучение в средней школе и далее родители обязаны платить взносы в Ассоциацию учителей. Кроме того, сохраняется крайне низкая доступность высшего образования для национальных меньшинств Мьянмы, особенно тех, среди представителей которых плохо распространено знание государственного языка страны – бирманского.

Другой проблемой является качество образования, предоставляемого высшими учебными заведениями. Высшее образование в Мьянме совершенно не соответствует мировым критериям. Согласно рейтингу Мирового Экономического Форума 2015-2016 по глобальной конкурентоспособности, высшее образование Мьянмы занимает 134 место среди 140 стран [9]. Профессор Тэйн Луин, директор центра подготовки учителей Мьянмы, в 2007 году отмечал, что университеты предоставляют курсы, основанные на устаревших учебниках и крайне бедной ресурсной базе [3]. Исследование конца 2010-х отмечает и ещё раз подтверждает ситуацию, описанную профессором Тэйном Луином, а также дает информацию о не-

хватке и перегруженности преподавателей вузов и о том, что методы преподавания сводятся к заучиванию учебных материалов [6].

Сотрудничество с иностранными вузами и учёными довольно сильно затруднено. В 2010-х годах в период демократических преобразований Мьянма активно развивала сотрудничество с Великобританией, Австралией и Японией в сфере высшего образования. Эти страны начали поднимать в Мьянме важность неолиберального дискурса в высшем образовании: важность автономии вузов, соревновательность, вопросы финансирования, инклюзивности и равенства [7]. Однако на данный момент сотрудничество приостановлено, так как многие иностранные организации отказались от сотрудничества с нынешним правительством и какой-либо финансовой поддержки реформ в Мьянме.

В связи со сложной политической ситуацией и низким качеством образование, полученное в высших учебных заведениях Мьянмы, не признаётся за границей. Нет никаких свидетельств признания дипломов и степеней, выданных в высших учебных заведениях страны, за рубежом. Множество источников информации даёт крайне противоречивые данные по этому поводу. Частные учебные заведения Мьянмы, позиционирующие себя как высшие, часто вместо степени бакалавра предлагают курсы, которые направлены на подготовку студентов к получению образования в зарубежных, чаще всего британских вузах, так как лишь получение образования за границей может гарантировать его признание за пределами Мьянмы.

Сложная политическая ситуация также оказывает влияние на отношения высших учебных заведений и государства. В Мьянме преобладает государственное образование, то есть основным источником финансирования для подавляющей части вузов является государство. Однако в обществе страны после смены власти в феврале 2021 года назрел мощный конфликт, так как большая часть населения отказалась признавать новое правительство. Протестные акции, в которых в большом числе принимали участие студенты, продолжались несколько месяцев, а преподаватели, поддерживающие студентов, были подвергнуты увольнениям и арестам. В связи с этим во многом для нынешнего правительства Мьянмы вузы считаются потенциальными маяками сопротивления установившемуся режиму. Развитие высшего образования в стране в такой ситуации крайне затруднено, так как академическая среда находится под сильным политическим давлением и контролем со стороны государства.

Мьянма имеет серьёзные проблемы в сфере высшего образования. Низкая доступность, недостаток квалифицированных кадров и ресурсов, низкое качество образования – все эти факторы оказывают отрицательное влияние на систему высшего образования Мьянмы. После смены власти в 2021 году ситуация ухудшилась ещё больше, поскольку многие преподаватели покинули свои должности, а правительство начало "откат" проводившихся реформ. Кроме того, политический кризис коснулся не только высших учебных заведений, но и школ, что привело к снижению количества школьников, сдающих экзамены для поступления в вузы. В целом высшее образование в Мьянме совершенно не соответствует мировым критериям и не признается за границей.

Текущее состояние структуры вузов

За последние десятилетия (до февраля 2021 года) количество высших учебных заведений в Мьянме сильно увеличилось. Правительство страны долгое время прилагало усилия для обеспечения каждого из регионов как минимум одним гуманитарным, одним научным, одним техническим и одним университетом компьютерных технологий. Вузы различных отраслей науки управляются 13 различными министерствами: образования, здоровья, науки и технологий, обороны, культуры, сохранения окружающей среды и леса, сельского хозяйства и ирригации, животноводства и рыболовства, кооперативов, религии, границы, транспорта и Советом государственной службы Союза. Единый орган, занимающийся управлением всех вузов, отсутствует, поэтому система управления довольно запутана. Большинство высших учебных заведений концентрируется в двух крупнейших городах страны

– Янгоне и Мандалае. Кроме всего, большой особенностью сферы высшего образования Мьянмы является то, что большинство (около 60%) всех студентов находятся на дистанционном обучении, которое было введено и популяризировано во времена правления военных, опасавшихся формирования студенческих общественных организаций на территориях кампусов [11].

Для понимания текущего состояния сферы высшего образования Мьянмы, было решено найти точное число вузов в стране. В 2021 году число вузов доходило до 174, однако после смены власти в стране в феврале того же года число вузов начало снижаться, так как многие преподаватели по разным причинам отказались выполнять свои обязанности, а студенты приняли участие в антиправительственных акциях и движениях. Автор отследил информационный след каждого из вузов Мьянмы, существовавшего до февраля 2021 года. В результате оказалось, что огромное число официальных сайтов вузов не работают, а даты публикации информации о вузах с неработающими официальными сайтами в различных источниках заканчиваются либо раньше 2021 года, либо после 1 февраля 2021 года, либо немногим позже в 2021 году. Из этого можно сделать вывод, что закрытие некоторого числа высших учебных заведений связано с начавшейся пандемией COVID-19, а также последующей политической нестабильностью в стране. Список, составленный автором на апрель 2023 года, имеет 156 высших учебных заведений, имеющих ныне рабочие онлайн-ресурсы. Однако после проверки официальных соцсетей и новостного блока на официальных сайтах вузов оказалось, что из 156 за 2022 и 2023 проявляли какую-либо активность лишь 85 вузов. На апрель 2023 года активность в текущем году была проявлена 47 вузами. Таким образом, количество реально действующих вузов в Мьянме не превышает 85. Среди закрытых вузов есть некоторое количество университетов, полностью примкнувших к антиправительственному движению, например, Технологический университет Танльиня (Thanlyin Technological University), чья официальная страница в социальной сети "Facebook" призывает поддержать Движение неповиновения (движение, выступающее против власти, пришедшей в феврале 2021 года).

В Мьянме есть 4 заметно отличающихся группы высших учебных заведений. Автор сгруппировал их в соответствии с направленностями вузов. Военные вузы безусловно являются государственными, а некоторые религиозные высшие учебные заведения также близки к тому, чтобы быть отнесёнными к государственным. В группу государственных вузов автор определяет гражданские учебные заведения, не имеющие религиозной и военной направленности.

Государственные вузы составляют большинство всех высших учебных заведений в Мьянме. Финансируются такие учреждения государством через соответствующие профилю вуза министерства. В государственных вузах Мьянмы студенты проходят подготовку по широкому набору специальностей. Эти учебные заведения имеют как технические, так и гуманитарные профили. Они пострадали больше всех в результате пандемии COVID-19 и политической нестабильности в стране. В профильном составе государственных вузов заметны усилия правительства по расширению возможностей получения технического и связанного с компьютерными технологиями высшего образования. На 2022-2023 гг. в Мьянме имеется 13 государственных высших учебных заведения, предоставляющих высшее образование по компьютерным технологиям и 18 вузов, имеющих техническую направленность из 63 государственных учебных заведений. Такая ситуация связана с большой нехваткой технических специалистов и специалистов в сфере компьютерных технологий. 13 вузов на тот же период дают образование в сфере медицины. Из них 2 являются стоматологическими, 1 вуз традиционной медицины, 2 вуза медицинских технологий и 2 вуза фармацевтики. За исключением 2, все вузы находятся либо в Янгоне, либо в Мандалае. В стране также наблюдается нехватка специалистов в сфере здравоохранения, поэтому нет ничего удивительного, что практически все высшие учебные заведения в этой сфере концентрируются в 2 крупнейших городах страны.

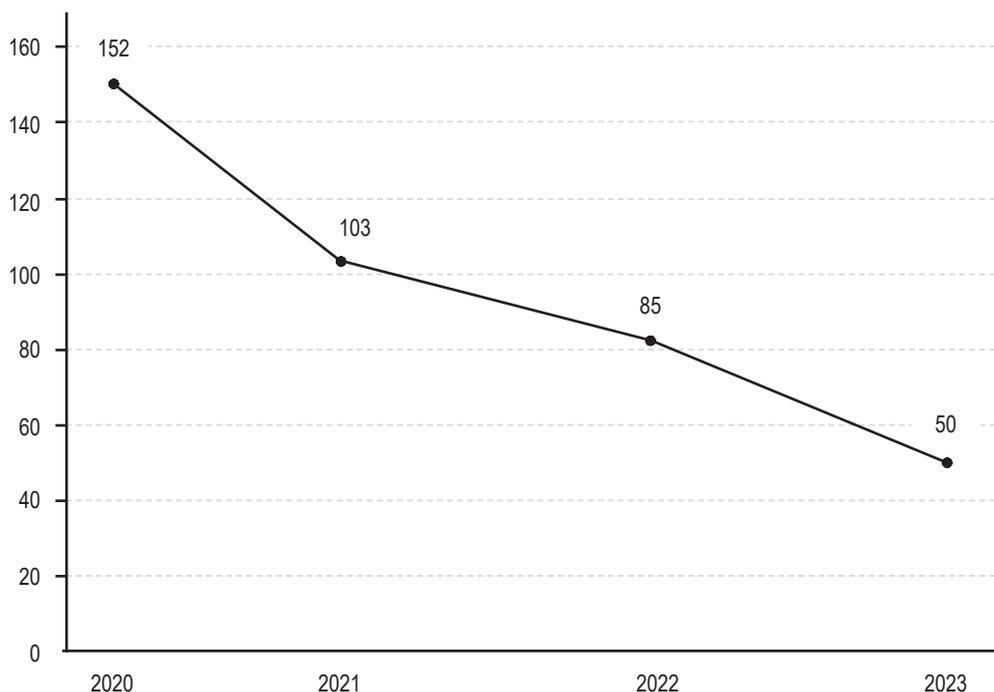

Рис. 1. Количество вузов, проявивших активность на своем официальном сайте или соц. сетях.

Источник: составлено автором на основе данных официальных сайтов вузов Мьянмы.

Fig. 1. The number of higher education institutions which updated their official websites or social media.

Source: compiled by the author based on the data from the official websites of universities in Myanmar.

Среди государственных учебных заведений имеется вуз, предоставляющий дистанционное образование. Для Мьянмы необходимость перехода на дистанционное обучение во время пандемии COVID-19 хоть и была сюрпризом, как и для университетов по всему миру, однако часть университетов страны и конкретно Янгонский университет дистанционного образования уже много лет обеспечивали дистанционный формат получения высшего образования. Такой способ получения высшего образования довольно популярен в Мьянме, так как дистанционное образование дешевле, позволяет избежать дополнительных расходов, связанных с переездом, а также во время получения дистанционного образования студенты могут работать и помогать родственникам, что очень важно для многих семей с низким доходом.

Религиозные высшие учебные заведения представляют собой христианские семинарии и буддистские университеты. Христианские семинарии относятся к нескольким направлениям протестантизма. Такие семинарии не финансируются государством. Буддистские университеты относятся к буддизму Тхеравада.

В Мьянме также присутствуют 9 частных высших учебных заведений. Многие из них сотрудничают с британскими вузами и таким образом получают аккредитацию. Цены на обучение в таких вузах весьма высоки для уровня доходов средних жителей Мьянмы. Программы, предлагаемые вузами, часто не являются стандартными бакалавриатом и магистратурой, а годовыми курсами.

Военные вузы представляют отдельную ветвь высшего образования в стране. Военное образование в Мьянме считается наиболее престижным, так как армия играет решающую роль в жизни страны. В военные вузы поступают учащиеся с самыми высокими результатами на экзамене по окончании школы. Всего в стране есть 4 военных вуза, информации о которых в свободном доступе сравнительно меньше, чем о других высших учебных заведениях страны. Их двери закрыты для студенток. В вузах студенты обучаются по широкому числу специальностей, часто

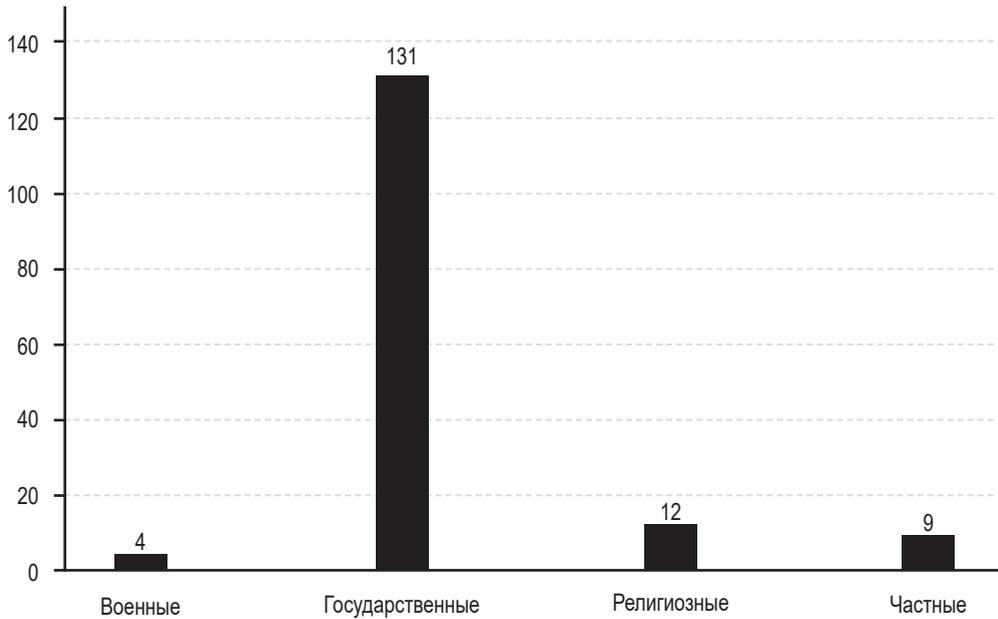

Рис. 2. Количество вузов по группам.

Источник: составлено автором на основе данных официальных сайтов вузов Мьянмы.

Fig. 2. The number of higher education institutions by group.

Source: compiled by the author based on the data from the official websites of universities in Myanmar.

не связанных с военной направленностью вуза, от философии до компьютерных технологий. Считается, что в военных учебных заведениях студентами получается лучшее образование в стране.

В текущей структуре вузов Мьянмы преобладают государственные вузы, даже несмотря на фактическое закрытие многих из них. Частное высшее образование в стране развито слабо. Важнейшими категориями высших учебных заведений являются государственные и военные вузы не столько по количеству учебных заведений, сколько по их влиянию на формирование системы высшего образования в стране. Военные вузы предоставляют широкий набор направлений обучения и считаются лучшими высшими учебными заведениями в стране, хотя объективной подтверждённой информации о них довольно мало. Религиозные высшие учебные заведения, существующие в стране, представлены христианскими семинариями и буддистскими высшими школами. Как видно из проведённого исследования, высшее образование Мьянмы значительно пострадало от пандемии COVID-19 и политического кризиса в стране – были закрыты десятки, прежде действующих высших учебных заведений по различным причинам. В целом в структуре высших учебных заведений страны доминируют государственные вузы, а конкретно вузы, дающие образование в технической сфере и сфере компьютерных технологий.

Инициативы по улучшению доступа к образованию

Несмотря на вызовы, с которыми сталкивается развитие сферы высшего образования в Мьянме, государство прикладывает усилия для его развития. В 2012 году в действие вступил Национальный стратегический план в сфере образования (National Education Strategic Plan), который фокусируется на расширении доступа к высшему образованию. Этот план был частично составлен в сотрудничестве с британскими специалистами ещё в начале 2010-х годов. Время от времени правительство обновляет и дополняет план исходя из достижений и возникающих проблем. Последнее обновление вышло в 2021 году [10].

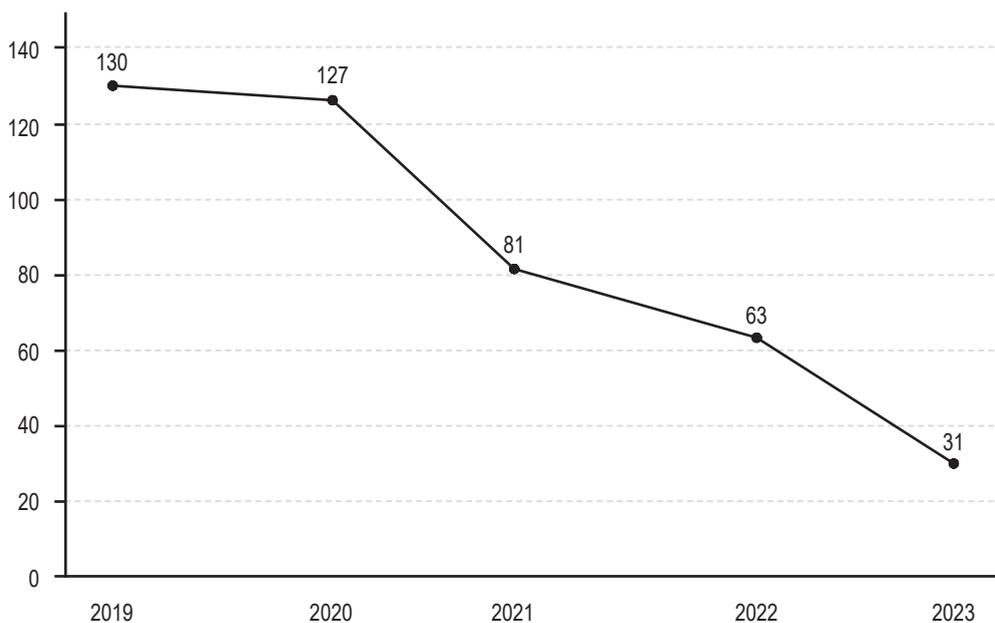

Рис. 3. Снижение количества государственных вузов с 2019 по 2023.

Источник: составлено автором на основе данных официальных сайтов вузов Мьянмы.

Fig. 3. The decline in the number of government higher education institutions from 2019 to 2023.

Source: compiled by the author based on the data from the official websites of universities in Myanmar.

Одной из ключевых инициатив Стратегического плана по национальному образованию является открытие новых высших учебных заведений и расширение доступа к высшему образованию для всех национальностей, проживающих в Мьянме. Для страны большой проблемой является включение всех национальностей, проживающих на территории страны, в образовательный процесс, так как не все представители национальных меньшинств в полной мере владеют бирманским языком.

Другим важным направлением в развитии высшего образования в Мьянме является более широкое использование технологий. В частности, в плане упоминается "Стратегия цифрового образования для всех" (Strategy of Digital Education for All), которая подразумевает поддержку смешанного формата обучения, включающего как онлайн, так и офлайн занятия, а также обучение студентов и преподавателей необходимым навыкам работы с компьютерными технологиями. Заявляемая цель плана – повысить доступность образования в существующих экономических и социальных условиях страны. В Мьянме уже в течение многих лет развивается дистанционное образование. Более полумиллиона студентов получает высшее образование дистанционно [11]. Большую роль в этом процессе играет Янгонский Университет дистанционного образования.

Кроме того, важной частью процесса развития высшего образования обозначается сотрудничество с иностранными высшими учебными заведениями [10]. В приоритет правительство ставит сотрудничество во взаимном признании степеней и дипломов со странами АСЕАН в рамках уже проходящих процессов в странах организации. Также Мьянма в последние годы активно развивает сотрудничество с Российской Федерацией. В феврале 2023 года Россия и Мьянма подписали межправительственное соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, в рамках которого страны будут вести совместную работу по постройке атомной станции малой мощности на территории Республики Союз Мьянма. Этот проект потребует подготовки мьянманских специалистов, имеющих необходимую квалификацию, в российских вузах, что может стать важ-

ным шагом не только в углублении сотрудничества по обучению кадров Мьянмой в России, но и в процессе развития высшего образования в Республике в целом. Росатом уже открыл образовательный информационный центр по атомным технологиям в Янгоне, в основном направленный на школьников и интересующихся взрослых [1]. На VII Восточном экономическом форуме на встрече Министра науки и технологий Республики Союз Мьянма Мью Тейн Чжо и заместителя Министра науки и высшего образования России Натальи Бочаровой выразили намерение в расширении сотрудничества в сфере высшего образования [2]. Кроме того, филиал ДВФУ, открытие которого планируется в Мьянме, может стать самым быстрым способом для страны получить востребованных специалистов, а в дальнейшем и преподавателей.

Хотя в стране существуют вышеназванные инициативы, на данном этапе Мьянма проходит через тяжелый политический кризис, а в некоторых частях страны происходят военные действия. В данной ситуации нынешнее правительство страны если и действует согласно каким-то планам реформ, то в довольно урезанном виде.

В целом правительство выдвигает адекватные и понятные инициативы по развитию высшего образования в стране. Цели и задачи соответствуют мировой практике, однако существующий стратегический план никак не затрагивает проблемы с десятками закрытых вузов после пандемии COVID-19 и началом политического кризиса в 2021 году, что дает повод усомниться в реальности полного или даже частичного достижения поставленных целей. Во многом надежды на развитие высшего образования в Республике могут быть связаны с помощью иностранных государств.

Заключение

К весне 2023 года высшее образование Мьянмы находится в плачевном состоянии. Политическая нестабильность, начавшаяся в феврале 2021 года, фактически остановила какое-либо развитие, без того осложнённое большим количеством проблем: низкой доступностью и качеством, затруднённым сотрудничеством с зарубежными вузами и организациями, а также напряжёнными отношениями между государством и вузами страны. На данный момент закрыты десятки прежде открытых высших учебных заведений, множество преподавателей покинули свои должности по политическим или экономическим причинам. Осуществление принятых инициатив по улучшению сферы высшего образования в стране сталкивается с огромными проблемами.

Перспективы развития высшего образования в Мьянме на данном этапе весьма туманны. Политическая и экономическая нестабильность оказали сильное влияние на сферу высшего образования в стране. Характер дальнейшего развития будет прежде всего зависеть от последствий кризисных явлений и того, как государство преодолет эти последствия в виде значительного недостатка специалистов и учебных заведений в сфере. Правительство может начать использовать финансовый ресурс для решения возникших проблем или обратится к международному сотрудничеству. На данном этапе внутренние ресурсы (финансовые и трудовые) в Мьянме сильно ограничены, поэтому именно международное сотрудничество может стать драйвером восстановления и развития. Поскольку на сегодняшний день другие страны отстраняются от совместной работы с Мьянмой либо не имеют достаточных для этого ресурсов, именно сотрудничество с Россией и другими дружественными странами может стать для Республики путём к восстановлению и развитию высшего образования.

В истории сферы высшего образования Мьянмы были и более печальные страницы, когда все гражданские высшие учебные заведения были закрыты годами. Однако нынешняя ситуация не похожа на то, что было ранее. Сфера высшего образования вследствие влияния кризисных явлений получила огромный урон, но не прекратила свое существование, а продолжила свое развитие в рамках новых обстоятельств.

Литература

1. Образовательный центр в Мьянме по дизайну ED Architecture // EdDesignMag. URL: <https://eddesignmag.com/obrazovatelnyj-czentr-v-myanme-ed-architecture/> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Россия расширяет сотрудничество с Мьянмой в сфере высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://eddesignmag.com/obrazovatelnyj-czentr-v-myanme-ed-architecture/> (дата обращения: 28.09.2023).
3. Education and Democracy in Burma: Decentralization and Classroom-Level Educational Reform // Lwin Thein. URL: http://www.thinkingclassroom.org/uploads/4/3/9/0/43900311/7._lwin_t._2007_education_and_democracy_in_burma_2007__english_.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
4. Lall Marie. Myanmar's Education Reforms, A pathway to social justice? London, UCL Press. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=sTANEEAAQBAJ&pg=GBS.PP1> (дата обращения: 08.06.2023).
5. Myanmar faces 80% decrease in students taking matriculation exam – Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-faces-80-decrease-in-students-taking-matriculation-exam> (дата обращения: 08.06.2023).
6. Myanmar's Higher Education Reform: Which Way Forward? // Chinlone. URL: <https://gdc.unicef.org/resource/myanmars-higher-education-reform-which-way-forward> (дата обращения: 08.06.2023).
7. Phyu Htut Khaing, Lall Marie, Howson Kandiko Camille. Caught between COVID-19, Coup and Conflict—What Future for Myanmar Higher Education Reforms? // Comparative Perspectives on the Role of National Pride, Identity and Belonging in the Curriculum, Pedagogy and Experience of Higher Education. London, 2022. URL: <https://doi.org/10.3390/educsci12020067> (дата обращения: 08.06.2023).
8. Proserpio Licia, Fiori Antonio. Myanmar universities in the post-coup era: The clash between old and new visions of higher education // Myanmar After the Coup Human Security (Turin, 18-19 February 2022). Turin, 2022. P. 107–121.
9. The Global Competitiveness Report 2015–2016 // Schwab Klaus. URL: https://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
10. The National Education Strategic Plan (2021–2030). URL: <https://www.moe.gov.mm/sites/default/files/NESP%202021-2030Eng.pdf> (дата обращения: 08.06.2023).
11. Transformation by Innovation in Distance Education (TIDE), TIDE summative evaluation. URL: www.speir.org.uk/sites/default/files/tide_summative_evaluation_report_fv-final_clarification_.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
12. Where are the future students in Myanmar? // Lem Pola. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2023/04/06/where-are-future-students-myanmar> (дата обращения: 08.06.2023).

References

1. Education center in Myanmar designed by ED Architecture // EdDesignMag. URL: <https://eddesignmag.com/obrazovatelnyj-czentr-v-myanme-ed-architecture/> (accessed 28.09.2023). (In Russ.).
2. Russia is expanding cooperation with Myanmar in the field of higher education // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://eddesignmag.com/obrazovatelnyj-czentr-v-myanme-ed-architecture/> (accessed 28.09.2023). (In Russ.).
3. Education and Democracy in Burma: Decentralization and Classroom-Level Educational Reform // Lwin Thein. URL: http://www.thinkingclassroom.org/uploads/4/3/9/0/43900311/7._lwin_t._2007_education_and_democracy_in_burma_2007__english_.pdf (accessed 08.06.2023).
4. Lall Marie. Myanmar's Education Reforms, A pathway to social justice? London, UCL Press. URL: <https://play.google.com/books/reader?id=sTANEEAAQBAJ&pg=GBS.PP1> (accessed 08.06.2023).
5. Myanmar faces 80% decrease in students taking matriculation exam – Nikkei Asia. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Myanmar-Crisis/Myanmar-faces-80-decrease-in-students-taking-matriculation-exam> (accessed 08.06.2023).
6. Myanmar's Higher Education Reform: Which Way Forward? // Chinlone. URL: <https://gdc.unicef.org/resource/myanmars-higher-education-reform-which-way-forward> (accessed 08.06.2023).
7. Phyu Htut Khaing, Lall Marie, Howson Kandiko Camille. Caught between COVID-19, Coup and Conflict—What Future for Myanmar Higher Education Reforms? // Comparative Perspectives on the Role of National Pride, Identity and Belonging in the Curriculum, Pedagogy and Experience of Higher Education. London, 2022. URL: <https://doi.org/10.3390/educsci12020067> (accessed 08.06.2023).
8. Proserpio Licia, Fiori Antonio. Myanmar universities in the post-coup era: The clash between old and new visions of higher education // Myanmar After the Coup Human Security (Turin, 18-19 February 2022). Turin, 2022. P. 107–121.
9. The Global Competitiveness Report 2015–2016 // Schwab Klaus. URL: https://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf (accessed 08.06.2023).
10. The National Education Strategic Plan (2021–2030). URL: <https://www.moe.gov.mm/sites/default/files/NESP%202021-2030Eng.pdf> (accessed 08.06.2023).
11. Transformation by Innovation in Distance Education (TIDE), TIDE summative evaluation. URL: www.speir.org.uk/sites/default/files/tide_summative_evaluation_report_fv-final_clarification_.pdf

spheir.org.uk/sites/default/files/tide_summative_evaluation_report_fv-final_clarification_.pdf (accessed 08.06.2023).

12. Where are the future students in Myanmar? // Lem Pola. URL: <https://www.insidehighered.com/news/2023/04/06/where-are-future-students-myanmar> (accessed 08.06.2023).

Данил Сергеевич УХАЛОВ, студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: ukhalovdanil@gmail.com

Danil S. UKHALOV, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ukhalovdanil@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 30.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 11.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Рецензия
УДК 94(47).05
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/134-140>

Рецензия на монографию "Образ Петра Великого в странах Восточной Азии"

Ирина Борисовна КЕЙДУН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ikeidun@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию "Образ Петра Великого в странах Восточной Азии", посвященную всестороннему изучению особенностей репрезентации образа российского императора Петра I в странах восточноазиатского культурного ареала. В монографии анализируется внешнеполитическая деятельность Петра Великого на восточноазиатском направлении, его роль в налаживании социокультурного взаимодействия России с Китаем, Японией, Кореей, Вьетнамом. Основываясь на внушительной источниковой базе, авторы исследования стремятся показать эволюцию и трансформацию образа Петра Великого – от первых упоминаний его имени до сегодняшнего дня, обращаясь для этого к широкому спектру текстовых и визуальных материалов: журнальные публикации, научно-популярная, художественная, публицистическая, учебная литература, материалы сети Интернет, фильмы, комиксы и др.

Ключевые слова: Петровская эпоха в истории России, образ Петра Великого, представления о России, страны Восточной Азии, историческая имагология

Для цитирования: Кейдун И.Б. Рецензия на монографию "Образ Петра Великого в странах Восточной Азии" // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 134–140. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/134-140>

Review

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/134-140>

Review of the monograph "The Image of Peter the Great in the countries of East Asia"

Irina B. Keidun

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ikeidun@mail.ru

Abstract. The article is a review of the collective monograph "The Image of Peter the Great in the Countries of East Asia," dedicated to a comprehensive study of the particularities of the representation of the image of the Russian Emperor Peter I in the countries of the East Asian cultural area. The monograph analyzes the foreign policy activities of Peter the Great in the East Asian direction, his role in establishing socio-cultural interaction between Russia and China, Japan, Korea, and Vietnam. Based on an immense source base, the authors of the study strive to show the evolution and transformation of the image of Peter the Great – from the first mentions of his name to the present day, turning to a wide range of text and visual materials: magazine publications, popular science, fiction, journalistic, educational literature, Internet materials, films, comics, etc. The results of the study lead to the conclusion that all countries of the East Asian region have a generally positive image of Peter the Great. The progressive forces of these countries sought to project Petrine reforms in Russia onto the situation in their own states and use Russian experience to solve their problems.

Keywords: The Peter the Great era in the history of Russia, the image of Peter the Great, impressions about Russia, East Asian countries, historical imagology

For citation: Keidun I.B. Review of the monograph "The Image of Peter the Great in the countries of East Asia" // Oriental Institute Journal. 2024. No. 1. P. 134–140. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-1/134-140>

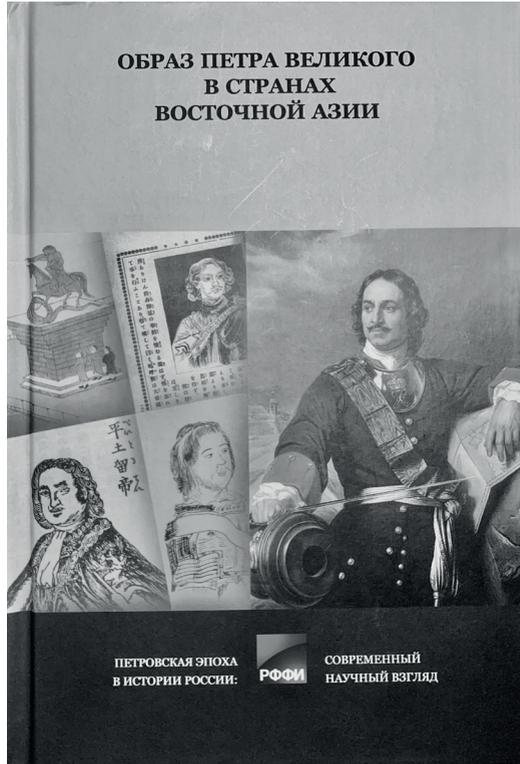
Недавно увидела свет научная монография коллектива авторов "Образ Петра Великого в странах Восточной Азии", вышедшая под редакцией доктора исторических наук, профессора СПбГУ Н.А. Самойлова [1]. Имагологические исследования стали популярными в последнее время, в том числе и в востоковедении. На сегодняшний день заинтересованная научная общественность располагает значительным количеством работ, относящихся к этой проблематике: в частности, петербургские ученые на протяжении ряда лет публикуют работы, посвященные сравнительно-историческому анализу национальных образов. Предметом ис-

следования становятся особенностями взаимного восприятия России и стран Востока¹. Представления о других народах складываются в том числе и на основе образов исторических личностей, отождествляемых с государством, которое они представляют. Одной из наиболее значимых фигур в российской истории, своеобразным символом России является Петр Великий. Подобное отношение к российскому императору характерно и для стран Восточной Азии, на установление постоянных разносторонних контактов с которыми оказала непосредственное влияние деятельность Петра I. Именно благодаря его усилиям были заложены основы отношений между Россией и этими государствами. С именем Петра Великого связано рождение важнейшего для нашей страны научного направления – востоковедения: он положил начало изучению восточноазиатских языков в России, при нём был учрежден институт Российских духовных миссий в Пекине, многие ученики, прикомандированные к миссиям, впоследствии стали виднейшими учеными, принесшими славу отечественной востоковедной науке.

Первая часть коллективной монографии включает главы 1 и 2 (автор – Н.А. Самойлов) посвящена внешнеполитической деятельности Петра Великого на восточноазиатском направлении и тому вкладу, который российский император внёс в процесс социокультурного взаимодействия России со странами Дальнего Востока.

1-я глава "Китайское направление внешней политики Петра Великого" даёт общую характеристику направлений внешней политики России в начале XVIII в., анализирует факторы и обстоятельства, наложившие отпечаток на развитие в этот период российско-китайских отношений. В результате внешнеполитической деятельности Петра Великого качественным образом изменился характер и содержание этих отношений, начался длительный период мирного сосуществования двух соседних империй. В Петровскую эпоху в России появился устойчивый интерес к Китаю и китайское направление стало занимать существенное место во внешней политике России. Именно политика Петра I дала импульс для развития стабильных, добрососедских двусторонних отношений. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского геополитического и социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи.

Во 2-й главе, рассуждая о вкладе Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии, Н.А. Самойлов акцентирует внима-

¹ См., например, публикации: Самойлов Н.А., Ли Суйань. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Вып. 4. 2012. С. 14–22; Rysakova P.I. The Image of the Soviet Union and Russia in Chinese History Textbooks of the 2000s (in the perspective of development of Chinese historiography) // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 457–468; Гулева М.А. "Вечные изгнанники": изображение русских эмигрантов в китайском журнале "Шидай маньхуа" (1934–1937 гг.) // Клио. 2017. №11. С. 30–37; Samoylov N.A., Mayatskiy D.I. Images of Europeans in the Chinese Woodblock Book Huangqing zhigongtu. Vestnik of Saint Petersburg University. History, 2020, vol. 65, issue 4, pp. 1259–1271, и др.

ние на том, что в Петровскую эпоху процессы социокультурного взаимодействия России со странами Востока интенсифицировались. Время правления Петра Великого приходится как раз на период перехода социокультурного взаимодействия России и Китая от стадии идентификации к стадии активации², и заслуга императора состоит в том, что в начале XVIII в. данный процесс интенсифицировался в значительной мере благодаря его реформам и конкретным внешнеполитическим действиям.

Существенную роль в формировании у Петра Великого научного и практического интереса к Китаю сыграл великий немецкий ученый Г.В. Лейбниц, ставший советником Петра I по вопросам организации первых научных учреждений России. Активно интересовавшийся Китаем, Лейбниц обратил внимание русского царя на то, что именно в России в силу ее особого географического положения следует развивать востоковедение, в особенности китаеведение, организуя в том числе изучение восточных языков, а также создавая хорошую библиотеку восточных книг и рукописей. Петр Великий увлекся многими идеями Лейбница – так, благодаря усилиям царя, в России появились первые коллекции китайских старопечатных и рукописных книг.

Н.А. Самойлов отмечает также, что при всей противоречивости натуры Петра Великого многие его действия были направлены на укрепление позиций православия. Это выразилось, в частности, в поддержке царем миссионерской деятельности и распространения православия среди народов Восточной Азии и в первую очередь в Китае. Царский указ от 18 июня 1700 г. стимулировал учреждение Российской духовной миссии в Пекине с целью сохранения и поддержания православной веры среди потомков русских казаков, проживавших в столице Цинской империи, а создание и деятельность этой Миссии в дальнейшем способствовали становлению отечественного китаеведения.

Подытоживая свои размышления относительно личного участия Петра Великого в развитии связей с Китаем и его вклада в процессы социокультурного взаимодействия, Н.А. Самойлов делает важный вывод о том, деятельность Петра I может быть отнесена к числу факторов, ускоривших с российской стороны процессы взаимодействия русской и китайской культур. Что же касается Японии, то именно интерес Петра I к этой стране во многом обусловил дальнейшее развитие российско-японских связей и японоведения как научного направления.

Самая объемная глава монографии, 3-я, "Образ Петра Великого в Китае", подготовлена Н.А. Самойловым, Д.И. Маяцким, Е.В. Ланьковой. Свое исследование авторы начинают со времени появления в Китае в XVIII в. первых упоминаний о Петре I, повлиявших на становление его образа. В дальнейшем (XIX – начале XX в.) в китайской общественной мысли и публицистике сложился довольно позитивный образ российского императора, как достойного правителя, чьи социально-политические преобразования, стремление к заимствованию иностранного опыта способствовали в итоге превращению России в могущественную державу.

Авторы сочли важным отметить, что образ Петра, олицетворявший собой фигуру идеального правителя, был одинаково популярен как в среде представителей реформаторского движения, так и в широких слоях образованной части китайского общества. Причиной подобных симпатий к Петру были прямо напрашивавшиеся аналогии между реформами в России и теми социально-экономическими и политическими преобразованиями, которые было необходимо осуществить в Цинской империи.

Большую роль в массовой популяризации образа Петра Великого в Китае сыграли переводы произведений русской и советской художественной литературы. В монографии подчеркивается стремление китайских переводчиков аккуратно ретранслировать для китайского читателя дух и атмосферу петровского времени,

² Теоретико-методологические основы изучения процессов социокультурного взаимодействия России и Китая были предложены и обоснованы Н.А. Самойловым в некоторых его предшествующих работах, например, Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 368 с.

донести набор характерных черт и символов, делающих монарха узнаваемым, отличным от образов других российских исторических деятелей, представить героя максимально достоверным исторически, с присущими ему как положительными, так и отрицательными качествами, и по большому счету, примерно таким, каким он видится россиянам.

Анализируя публикации китайских ученых о Петре Великом и его деятельности, авторы монографии отмечают определенную тенденцию, характерную для научных работ: если научные исследования 2-й половины XX в. находились под сильным влиянием работ К. Маркса и Ф. Энгельса, открыто осуждавших внутреннюю и внешнюю политику Петра Великого, то в новом столетии китайские ученые стали отходить от этой точки зрения и в большей степени выражать собственное мнение. Китайские историки сегодня хорошо осознают масштаб личности Петра Великого и его влияние на многие сферы российской жизни. Такое понимание образа Петра можно считать близким российскому восприятию, но при этом на него накладываются и специфические моменты, проистекающие из особенностей китайской духовной культуры и устоявшихся трактовок традиционной историографии, как, например, идеализация царя в некоторых работах или осуждение его направленной на Восток "экспансионистской" политики – подход, типичный для китайских ученых.

При анализе сетевой литературы, заметным явлением для авторов монографии стал рост (по сравнению со статьями 80-х и 90-х гг. XX в.) критических высказываний о методах проведения Петром I внутривнутриполитических преобразований, остро воспринимается усиление крепостного права, гнета на крестьян. Такое переосмысление политики и личности Петра I исследователи связывают с изменениями, которые происходят во внутренних процессах, протекающих в КНР: в частности, с формированием концепции построения гармоничного социалистического общества. Ранее во главу угла развития государства ставилась экономика, теперь же, в начале XXI в., с целью устранить дисбаланс в экономической и социальной сфере Китай взялся за коррекцию прежнего курса, выстраивая ценностную ориентацию в направлении уважения к человеку, предоставления равных возможностей для развития личности – отсюда и появление новых критериев оценки политики Петра I.

В главе 4-й "Сравнение образа Петра Великого в учебной, научно-популярной и сетевой литературе КНР, Великобритании и США" Е.Г. Андреева, Е.В. Ланькова, Д.И. Маяцкий, Н.А. Самойлов проводят сравнительный анализ соответствующих источников для изучения образа Петра Великого в Китае и англоязычном мире (прежде всего, Великобритании и США). Авторы главы сами признаются, что содержание этого раздела выходит за рамки рассматриваемой в коллективной монографии проблематики. От себя добавим, что и в общей структуре работы эта глава своей содержательной направленностью, методологией, на первый взгляд, действительно несколько выбивается из общего строя других разделов исследования. Однако после прочтения главы приходит понимание важности и актуальности затрагиваемых вопросов и подобного рода анализа. Возможно, авторам следовало включить этот раздел на правах отдельного параграфа в главу, посвященную Китаю. Для такого решения, безусловно, есть основания – одним из сравниваемых объектов является литература КНР. Как бы там ни было, 4-я глава представляет отдельный интерес для читателей и совершенно определенно может стать в дальнейшем самостоятельным направлением исследовательской работы. Как заявляют сами авторы, подобного рода сопоставление должно помочь обнаружить закономерности в изображении Петра Великого и его деятельности в массовой литературе, выявить сходство и различия в том, как русский царь и его правление представляются в Китае и англоязычном мире, что является важным для понимания того, как преподносятся знания о России и формируется отношение к нашей стране в таких государствах, как Китай, США и Великобритания.

Разбор содержания китайских, американских и британских школьных учебников по истории подводит авторов главы к выводу о серьезных отличиях в из-

ложении материала о Петре Великом и его реформах, что, возможно, вызвано факторами политического и идеологического характера, а также особенностями менталитета жителей рассмотренных стран. В китайских школьных учебниках приводится больше сведений о Петре Великом и его реформах, чем в учебниках США и Великобритании, что способствует формированию в целом позитивного образа Петра у китайских школьников.

Обзор популярных материалов показывает, что китайских и англоязычных авторов объединяет признание ими в Петре Великом выдающегося императора и реформатора. Они, как правило, высоко оценивают достижения Петра. Но при этом китайские авторы склонны выделять положительные результаты его реформ. Западные же – делают акцент на мрачной и непривлекательной личности царя, считая, что реформы и победы в войнах не стоили страданий русского народа.

В.В. Щепкин, автор 5-й главы "Образ Петра Великого в Японии", свою часть монографии представил в виде шести параграфов, осветив в них первые сведения о Петре, а также проанализировав этапы формирования образа русского царя в сочинениях японских авторов различных эпох.

Рассказ о Петре Великом В.В. Щепкин предварил повествованием об освоении русскими землепроходцами просторов Сибири в XVI–XVII вв., а также организации первых плаваний с целью достичь японских берегов и собрать достоверные сведения о соседнем государстве в первые десятилетия XVIII в., о системе внешних связей и внешней политике Японии периода Эдо (1603–1867), о каналах получения японцами информации о внешнем мире. Наиболее ранним упоминанием России в Японии В.В. Щепкин считает сочинение Нисикава Дзэкэн "Исследование торговых сношений Китая и варваров", которое было составлено в 1695 г., дополнено и исправлено в 1708 г. Этот же текст содержит сведения о Петре I.

В первой половине XIX в. Петр I и его реформы стали объектом повышенного интереса японских мыслителей. Для всех них Петр I являлся моделью и примером преобразований для создания "богатого государства и сильной армии", что стало одной из национальных идей в период Мэйдзи (1868–1912). К тому времени сама идея петровских реформ как модели для Японии была уже прочно усвоена многими японцами. Период Мэйдзи, по мнению В.В. Щепкина, явился одним из самых значимых с точки зрения изучения социокультурной интерпретации и адаптации образа Петра Великого в Японии: Петр I предстает величайшим правителем в истории России, которому удалось полностью перестроить страну, превратив её в современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. Даже такие драматические и переломные события японской истории, как милитаризация общества и государства в 1930-е гг. и сокрушительное поражение во Второй мировой войне, значительно не повлияли на образ российского правителя в Японии. В.В. Щепкин идет дальше в своих выводах: социокультурная интерпретация и адаптация образа выдающегося российского правителя Петра Великого в Японии продолжается и сегодня и в значительной степени отражает не только отношение японцев к русской истории и культуре, но постоянно идущий процесс самоидентификации японской нации.

На наш взгляд, содержание 5-й главы "Образ Петра Великого в Японии" воспринимается шире заявленной темы (образ Петра Великого). Много внимания в этой части книги уделено разнообразным сюжетам социокультурного взаимодействия между государствами. Это делает повествование интересным, даже увлекательным. Однако названия параграфов не всегда точны и не отражают в полной мере содержания соответствующих разделов (как, например, в случае с названием первого параграфа – "Петр I и Япония").

Объемной и весьма содержательной является 6-я глава "Образ Петра Великого в Корее", подготовленная А.А. Гурьевой, где автор воспроизводит фигуру героя посредством обращения к обширному и чрезвычайно разнообразному спектру репрезентаций, начиная от корейских вариантов записи имени Петра Великого вплоть до изображения русского царя в южнокорейских текстах для детей.

Уже на раннем этапе знакомства с именем Петра в Корее формируется тенденция восприятия всей России через призму личности царя-реформатора. В самых ранних источниках, содержащих сведения о Петре, он представлен как царь-преобразователь, следовавший достижениям передовой западной цивилизации и тем самым модернизовавший страну. При этом смелость и воля сочетаются в Петре с жестокостью и иррациональностью – это объясняется лидерскими качествами, стремлением преодолеть "дикие нравы": на пути к развитию и цивилизованности жестокость в подавлении протivления оправдана. Это не мифический герой-сверхчеловек, но личность, на примере которой можно показать, как "отсталая страна может стать цивилизованной и современной". Например, для корейских просветителей начала XX в. Петр Великий – воплощение мечты о появлении человека, способного решить насущные проблемы страны.

Особенно интересным нам показался параграф 6.14 рассматриваемой главы, посвященный анализу культурной специфики репрезентации фигуры Петра Великого в Корее. По мнению автора, имеются принципиальные особенности, которые характеризуются процесс формирования представлений о Петре Великом и восприятия его образа. Эти особенности связаны с корейской культурной традицией, в частности, традицией литературной, и во многом определяются также историческими факторами. Среди этих особенностей называется, например, выбор биографии как формата текста, знакомящего читателя с личностью Петра, персонаж которого – образец достойной подражания личности, обретающей воздаяние. Подобный подход был призван донести до аудитории идеи о правильном пути, сопряженном с обретением благополучия посредством выдающихся деяний. Государь-созидатель, государь-устроитель, способный привести в порядок общество, исправить социальные отношения, преобразовать сообщество людей в цивилизованное государство – такая особенность подачи информации о Петре Великом также обусловлена влиянием корейской (и дальневосточной) литературной традиции. Подобный подход был направлен на понимание Петра Великого как образцовой фигуры и выбора им ориентации на Запад как лучшего пути для усиления государства и обретения благоденствия его народом – акцент на этом делается для того, чтобы подчеркнуть тем самым желательный путь развития для Кореи.

В качестве итогового заключения А.А. Гурьева предлагает периодизацию процесса распространения в Корее информации о Петре Великом и, соответственно, знакомства корейцев с деятельностью российского императора, начиная эту периодизацию с рубежа XIX – XX вв. (деятельность представителей просветительского направления, искавших пути модернизации страны), завершая сегодняшним днем (распространение информации о Петре Великом в южнокорейской блогосфере).

А.М. Харитонова, автор 7-й главы "Образ Петра Великого во Вьетнаме", свою часть монографии строит на изучении трудов вьетнамских просветителей, переводов произведений А.С. Пушкина, анализе образовательной литературы, содержания комиксов, сети Интернет. Преобразования Петра Великого для вьетнамских интеллектуалов и просветителей конца XIX – начала XX в., задумывавшихся о поиске путей национального освобождения, стали позитивным примером реформ сверху, символом успешного развития и преодоления отставания. Петр Великий для вьетнамских реформаторов – выдающийся политический деятель, идеал нового, передового правителя.

Вьетнамские исследователи подчеркивают решительный, грозный характер Петра, в котором воплощается энергия и мощь российского государства. Образ Петра в литературе разных жанров представлен положительно: царь-герой, реформатор, просветитель, основатель Санкт-Петербурга – колыбели революции, целеустремленный, решительный правитель, творец внешней политики России своего времени, преданный патриот страны, самоотверженно стремящийся создать сильное государство. Материалы, опубликованные во вьетнамском сегменте сети Интернет, также характеризуют Петра Великого как выдающегося государственного деятеля всемирного масштаба.

Резюмируя итоги своего исследования, касающегося восприятия Петра Великого во Вьетнаме, А.М. Харитонова акцентирует особенности образа, который формируется в настоящее время, говоря с уверенностью о том, что положительное восприятие Петра Великого, сложившееся в массовом сознании вьетнамцев, вызывает интерес к русской истории и культуре. Благодаря этому Россия воспринимается во Вьетнаме как сильный и перспективный партнер.

Таким образом, представленные в монографии результаты большого научного труда коллектива авторов подводят к выводу о том, что несмотря на неоднозначность фигуры российского императора, наличие у него видимых недостатков, тем не менее во всех странах региона сложился в целом положительный образ Петра Великого, который и сам готов был меняться в лучшую сторону и менял облик России. Еще одной особенностью восприятия Петра I в странах Восточной Азии является стремление прогрессивных сил в этих странах проецировать петровские преобразования в России на ситуацию в собственных странах, использовать российский опыт для решения своих проблем.

Текст монографии написан хорошим академическим языком. Снабжен детально проработанным научным аппаратом. Особо хочется отметить объемные списки литературы, подготовленные для каждой главы исследования. Обширная источниковая база, на которой выстроена работа, исследование снабжено значительным количеством ссылок. Отлично дополняют текст иллюстрации, отражающие знакомство восточноазиатских стран с Петром I: портреты императора на страницах сочинений разных авторов, учебников, обложки научных монографий, посвященных ему, фрагменты комиксов, а также изображения предметов из восточной коллекции Петра I. Привлекательность образа Петра Великого, содержательная новизна книги, методологически многоуровневый и комплексный характер исследования, индивидуальный подход каждого из авторов к решению общих задач – всё это позволяет характеризовать монографию как итог серьезного научного труда и интересное чтение.

Литература

1. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии // Под ред. Н.А. Самойлова. М.: Издательство "Весь мир", 2022. 432 с., ил.

References

1. The Image of Peter the Great in the Countries of East Asia // ed. by N.A. Samoylov. Moscow: Izdatel'stvo VES MIR, 2022. 432 p. (In Russ.).

Ирина Борисовна Кейдун, д-р филос. наук, профессор кафедры китаеведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: ikeidun@mail.ru

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ikeidun@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 25.10.2023

Принята к публикации
(Accepted) 07.03.2024

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчёт о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщённо редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчёт о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, пропоставка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (±100) знаков, на английском языке – 1000 (±100) знаков.
9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) – отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
25. При включении в список литературы газет, также необходимо исходить из принципа: одна газета – один пункт в списке литературы (это касается всех изданий, в том числе и многотомных). Обязательно указывается год выхода газеты, месяц и число. При наличии – номер газеты и номер страницы.
26. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
27. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.

28. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
29. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
30. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
31. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 1 (61) • 2024

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.03.2024.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 11,61. Уч.-изд. л. 14,29.
Тираж 100 экз.
Заказ 081.

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета,
690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006